

Збигнев Земан и Винфред Шарлау
ПАРВУС — КУПЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

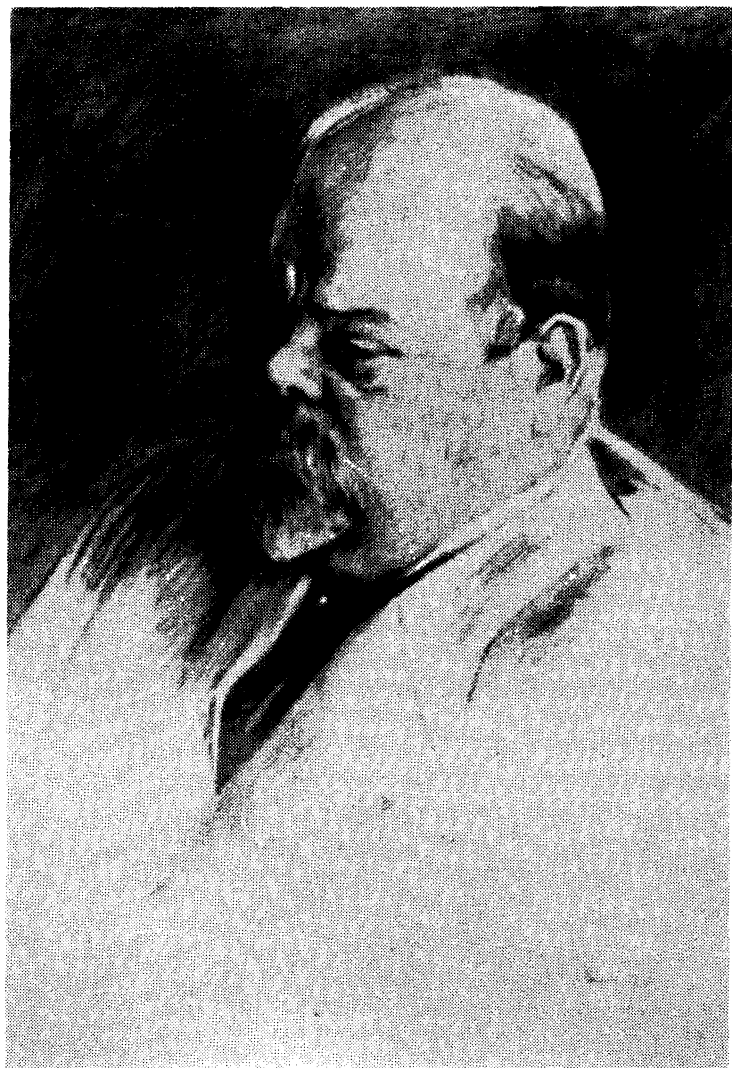
Z. Zeman and W. B. Scharlau
THE MERCHANT OF REVOLUTION
(London, Oxford University Press, 1965)

Перевела Надежда Боданская

Редактор А. Серебrenников

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	
Природа загадки	5
ГЛАВА 1	
Бегство из России	10
ГЛАВА 2	
Великая удача	35
ГЛАВА 3	
Швабская штаб-квартира	64
ГЛАВА 4	
Санкт-Петербург, 1905 год	92
ГЛАВА 5	
Полководец без армии	121
ГЛАВА 6	
Антракт в Константинополе	151
ГЛАВА 7	
Между социалистами и дипломатами	175
ГЛАВА 8	
Не только ради денег	203
ГЛАВА 9	
Бизнес и политика	228
ГЛАВА 10	
Революция в России	245
ГЛАВА 11	
«Грязными руками»	276
ГЛАВА 12	
Шваненвердер	306
ЭПИЛОГ	324

ПРИРОДА ЗАГАДКИ

Примерно в восьми милях к западу от центра Берлина река Хавел впадает в Ванзее. Шваненвердер – меньший из двух островов этого озера. В девятнадцатом веке на нем были построены резиденции самых богатых семей Берлина; повара и дворецкие продолжали служить своим хозяевам между двумя войнами. Теперь здесь осталось лишь несколько больших домов, причалы возле них опустели. Лишь изредка сонное спокойствие обезлюдевшего острова нарушается многоголосыми толпами туристов, приплывающими сюда на пароходe, чтобы собственными глазами увидеть развалины дома, некогда принадлежавшего Йозефу Геббельсу. Однако мало кто знает, что за двенадцать лет до того, как гитлеровский министр пропаганды приобрел свое Шваненвердерское имение, на этом острове скончался человек, одним из первых подвергшийся в свое время ожесточенным нападениям нацистов. Звали его Александр Израиль Гельфанд. Он умер в своем роскошном доме 12 декабря 1924 года.

В некрологах жизнь этого выдающегося авантюриста была представлена в несколько искаженном свете. Конрад Хениш, тогдашний министр культуры Пруссии, превозносил Парвуса – среди социалистов он был больше известен под этим псевдонимом – как «наиболее талантливого из руководителей Второго Интернационала»¹. Либеральная «*Berliner Tageblatt*» («Берлинер Тагеблат») писала о нем как об «умнейшем представителе своего класса», который, «не занимая видного положения, оказывал значительное влияние на ход событий»². С другой стороны, консервативная «*Kreuzzeitung*» («Кройццайтунг») видела в Гельфанде «абсолютно бесхарактерного, беспринципного и амораль-

¹ Parvus. *Ein Blatt der Erinnerung*. Berlin, 1925. P. 5.

² *Berliner Tageblatt*. 13 december 1924.

ного проходимца, усердно добивавшегося своих целей в деловых и политических сферах». Один из коммунистических журналов опубликовал некролог, в котором бывший товарищ Гельфанда рассказал о крутом повороте, происшедшем в жизни покойного во время первой мировой войны. До войны, говорилось в некрологе, Гельфанд был оригинальным мыслителем, влиятельным социалистом и революционером. Однако впоследствии он продался и изменил своему делу; после августа 1914 года он предал рабочий класс, стал германским шовинистом и использовал войну в целях личного обогащения³. В том же свете представлял Гельфанда в «Правде» и ведущий советский публицист Карл Радек. Радек тоже писал о нем как о «предателе», отмечая, впрочем, что он был «одним из наиболее выдающихся революционных писателей во времена Второго Интернационала»⁴.

После смерти Гельфанда все больше и больше предавались забвению как его неординарная личность, так и та выдающаяся роль, которую он играл в истории России и Германии в течение первых двух десятилетий нашего столетия. Беспокойные, полные неопределенности годы существования Веймарской Республики, закончившиеся диктатурой Гитлера и бойней второй мировой войны, наряду с обстановкой, сложившейся между двумя войнами в Советском Союзе, отнюдь не способствовали бесстрастному изучению недавнего прошлого. А кроме того, было что-то в деятельности Гельфанда, что отбивало охоту к воспоминаниям и препятствовало проведению исследований.

Немецкие социалисты время от времени вспоминали о нем, как о ведущем теоретике марксизма и блестящем журналисте. Историки, которые занимались политикой Германии на востоке во время первой мировой войны, знали, что Гельфанд был связан с германским имперским правительством и что он передавал определенные сведения в Министерство иностранных дел Германии. Кроме того, вы-

³ Clara Zetkin. *Die Kommunistische Internationale*. 1925, January. № 1.

⁴ Карл Радек. *Правда*. 1924, 14 декабря.

яснилось, что он принимал непосредственное участие в той поддержке, которую оказывало Берлинское правительство революционному движению в России и что он сыграл определенную роль в небезызвестном путешествии Ленина в «пломбированном вагоне» через Германию в апреле 1917 года. Тем не менее осведомленные об этих фактах политики и военные предпочитали хранить полное молчание, окружив отношения германского правительства и революционного движения в России плотной завесой тайны.

В мемуарах Бетмана-Хольвега, Хельфериха, Надольного, Людендорфа и Кюльмана нет ни одного упоминания о Гельфанде. Его имя снова приобрело определенную известность после того, как он стал одним из главных козырей нацистской пропаганды. Богатый еврей, революционер и марксист, он был идеальной мишенью для людей, подобных Альфреду Розенбергу и Йозефу Геббельсу, которые включили его в число «ноябрьских преступников» — врагов германской нации, разрушивших Германскую империю и открывших на границе Европы шлюзы большевизма. В Советском Союзе имя Гельфанда так же, как имя Троцкого, старательно предавалось забвению и вытравливалось из памяти. Оно еще упоминалось в первом издании Советской Энциклопедии, но из второго издания исчезло бесследно.

Соответствующие документы из трофейных архивов Министерства иностранных дел Германии позволили вскоре после второй мировой войны хотя бы частично раскрыть загадочные обстоятельства, связанные с жизнью Гельфанда. Среди секретных документов, относящихся ко временам первой мировой войны, значительная часть была непосредственно связана с именем Александра Гельфанда. Выяснилось, что он был центральной фигурой тщательно законспирированной связи имперского правительства с российской социал-демократической партией и, в частности, с большевистским крылом этой партии, возглавлявшимся Лениным. Таким образом, предположение о том, что правительство Германской империи принимало активное участие в распространении революционного движения

в России во время войны, нашло теперь документальное подтверждение⁵

Действительно, открытие архивов Министерства иностранных дел привело к существенному пересмотру воззрений на Первую мировую войну. Стало очевидным, что политика Берлина во время войны была гораздо более сложной и неоднозначной, чем считалось раньше. В это время такие исполины, как Вильгельм II, Людендорф, Гинденбург, почитавшиеся великими историческими личностями, были низвержены со своих пьедесталов. И на первый план выдвинулись новые люди, в их числе – Александр Гельфанд. Тем не менее о мотивах его поведения, о его намерениях и стремлениях, наконец, о его личности в целом мы имеем лишь самые отрывочные сведения. Доступ к новым данным породил новые проблемы – и новые споры. Загадка жизни Гельфанда осталась неразрешенной.

Можно предположить, что и сам Гельфанд не имел бы ничего против тех мистификаций, которые последовали за его смертью. В краткой *apologia pro vita sua*, опубликованной в 1918 году в Берлине, он писал: «Основные вехи моей жизни отмечены в моих литературных трудах. По ним год за годом можно проследить за тем, что составляло предмет моих раздумий, что заполняло мою жизнь в тот или иной момент»⁶. Этот совет будто бы специально направлен на то, чтобы ввести в заблуждение потенциального биографа. Труды Гельфанда представляют собой лишь самую верхушку айсберга. Он был скрытен до маниакальности и предпочитал создавать о себе легенды, окутывая свое имя плотной завесой тайны. В последние годы своей жизни он предпринимал для достижения этой цели самые тщательные меры предосторожности. Случай с книгой воспоминаний одного из руководителей германского социал-демократического движения Филиппа Шейдемана

⁵G. Katkov. *German Foreign Office documents on financial support to the Bolsheviks in 1917.* // in *International Affairs*. 1956, April. Vol. XXXII P. 181-189; St. T. Possony. *Jahrhundert des Aufbruchs*. Munich. 1956; W. Hahlweg (ed.). *Lenins Rückkehr nach Russland 1917*. Leiden. 1957; Z.A.B. Zeman (ed.). *Germany and the Revolution in Russia 1915-1918*. London. 1958.

⁶Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 45.

«Der Zusammenbruch» («Прорыв» – *прим. пер.*) проливает яркий свет на манеру поведения Гельфанда после войны. Книга, которую он писал под руководством Гельфанда в его доме на Ванзее, вышла в свет со штампом издательства Гельфанда. И, хотя автор был самым тесным образом связан с Гельфандом во время войны, в своих воспоминаниях он ни разу не упомянул его имени.

После смерти Гельфанда его сын вместе со своими друзьями устроил в его шваненвердерском доме настоящий обыск. Они искали политические документы, но не нашли ничего. Вполне вероятно, что перед смертью Гельфанд уничтожил все документы. Лишь после последней войны в Берлине было найдено небольшое собрание его деловых бумаг. Значительное число документов должно было также находиться в Копенгагене, но у молодого английского ученого, работавшего недавно в архивах датской столицы, сложилось впечатление, что и здесь была проведена целенаправленная операция по их уничтожению. Эти факты несомненно свидетельствуют о том, что Гельфанд стремился сохранить в тайне все обстоятельства своей жизни и своевременно «замести следы».

В течение более чем трех десятилетий после его смерти усилия Гельфанда, направленные на то, чтобы скрыть свои секретные операции и сбить исследователей с толку, вполне оправдывали себя. Авторы настоящей биографии часто пускались по ложному следу; их терпение не раз подвергалось самым суровым испытаниям ввиду совершенно особой обтекаемости и неопределенности предмета исследования. И все же они полагают, что им удалось в какой-то мере приоткрыть завесу той тайны, на создание которой положил столько сил Александр Гельфанд.

БЕГСТВО ИЗ РОССИИ

В 1867 году – в год рождения Гельфанда – Европа еще была центром мировой цивилизации. Она менялась, но не очень быстро. Появились поезда, но еще не было машин; столицы еще освещались газовыми фонарями, а для поездок на близкие расстояния пользовались лошадьми. Уже действовал телеграф, но о телефонах еще никто не слышал. В этом году появились первые неуклюжие пишущие машинки. Альфред Нобель запатентовал свое новое изобретение – динамит. В Вене Штраус услаждал преданных слушателей новейшим своим сочинением, беззаботным и легкомысленным вальсом «Голубой Дунай». А в Лондоне Карл Маркс закончил работу над первым томом своего *magnum opus* (великого труда – *прим. пер.*) – «Капитала».

И вот, начиная с этого момента, нетрудно было предугадать ход дальнейшего политического развития в Европе. Вскоре Бисмарк завершит объединение Германии, и противостояние между новым государством и Францией неизбежно. Австрия, утратившая свое влияние в Италии и Германии, вскоре обретет новую сферу политических интересов – Балканы. Оттоманская Порта быстро утрачивала здесь свои позиции, и вопрос заключался лишь в том, кто – Австрия или Россия – заполнит образовавшуюся брешь. Именно здесь рано или поздно должны были столкнуться интересы этих двух держав.

На родине Гельфанда Александр II, ставший самодержцем после Крымской войны, все еще был поглощен внутренними делами. Реальное осуществление его реформ – отмена крепостного права в 1861 году и реорганизация системы местного самоуправления тремя годами позже – шло с огромным трудом. Поставленные им задачи были невероятно сложны; методы, избранные для их решения, оказались не вполне адекватными, а ряды противников проведения реформ – многочисленными. Несмотря на свой кажущийся радикализм, эти реформы оставляли незабы-

мыми самые устои самодержавия. В эпоху, когда в других европейских государствах доселе аполитичные массы прокладывали себе дорогу на политическую сцену, когда западные соседи России – Германия и Австро-Венгрия – экспериментировали со своими конституциями, в самой России сохранялось самодержавие в чистом виде, без конституции и парламента. Управление страной осуществляла выродившаяся, недееспособная бюрократия, надзор – разложившаяся коррумпированная полиция. Вместе с самодержцем страной правили взятки. Возможно, царь и ожидал от своих подданных благодарности за подписанные им указы о реформах – в таком случае, ему пришлось испытать жестокое разочарование. Покушением Каракозова на жизнь Александра II в апреле 1866 года закончилась эпоха реформ.

Когда прекратились всякие попытки насадить реформы сверху, начался новый этап в развитии русского радикализма. Александр Герцен и его поколение жили в оптимистической, многообещающей атмосфере пятидесятых – начала шестидесятых годов, и их учение было свободно от идеологии насилия и революции. Однако теперь эти идеи начали входить в моду. И хотя революция оставалась далекой и туманной целью молодых радикалов – лишь Бакунин грезил о ней в ссылке, время от времени провозглашая точную дату ее начала, – терроризм стал признанным способом действий революционеров. Пали первые жертвы, появились первые мученики революции. В 1881 году был убит сам царь. Его преемник Александр III не нашел ничего лучшего, как отвернуться от всего прогрессивного, что было создано в годы царствования его отца. Под влиянием Победоносцева, главного советника царя, планы конституционной реформы были положены под сукно; была усилена полиция и введена более строгая цензура; принятый в 1863 году либеральный статус университетов был аннулирован. В этих условиях доктрины радикальных революционеров получали все более широкую поддержку со стороны образованной части русской молодежи.

И другой группе населения России предстояло вскоре пройти путь, подобный тому, который был пройден ради-

кальной молодежью – а именно, противопоставить себя установленному общественному порядку – и даже порвать с ним. Речь идет о русском еврействе. До убийства Александра II русские евреи относительно спокойно жили в черте оседлости – на западе и юго-западе России. Их бедствия начались в 1881 году. Они страдали от дискриминационных законов, введенных сверху, и от гонений, направленных на них снизу. Царское правительство не просто закрывало на антисемитизм глаза, но иногда и поощряло его, отводя тем самым ярость толпы от истинных виновников ее недовольства. Слово «погром» появилось в английском языке в самом начале века; в России с пугающим смыслом этого слова познакомились почти на двадцать лет раньше.

Наиболее сильные вспышки антисемитизма в России наблюдались в 1881-1883 и затем в 1903-1906 годах. Довольно быстро погромы начали происходить как бы по заранее задуманному плану. Местные беспорядки расширялись лавинообразно; толпа методически прочесывала одну еврейскую улицу за другой, один еврейский магазин за другим. То, что нельзя было украсть, уничтожалось. Погромы – революционное движение слабоумной черни – привели к тому, что многие евреи покинули Восточную Европу. Исход на запад – на восточные окраины Лондона, в нью-йоркский Бронкс, в Палестину – начался вскоре после того, как улеглась первая волна погромов. Неудивительно, что значительная часть еврейской молодежи, оставшейся в России, в конечном счете присоединилась к тем или иным революционным группам.

Израиль Лазаревич Гельфанд также стал революционером. Он родился в Белоруссии, в маленьком городке Березино, расположенном примерно в девяноста милях к востоку от Вильно, в Минской губернии. Это была северная часть территории, ограниченной чертой оседлости, и от общего числа населения евреев здесь насчитывалось более половины⁴. Кроме них, в губернии проживали русские,

⁴Перепись населения в Минской губернии, проведенная в 1897 году, дает следующие цифры: общая численность населения – 90.879; из них евреев – 49.957.

украинцы, литовцы и поляки. Еврейские общины жили изолировано. Евреям было запрещено занимать любые государственные должности и был закрыт доступ ко многим профессиям. Как правило, они были торговцами и ремесленниками; они редко нанимали неевреев и сами практически никогда не работали у них. В большинстве своем евреи были грамотными, однако читали и писали они только на иврите, говорили на идиш и часто вообще не знали русского. Они жили своей жизнью. Единственное, что связывало их с неевреями, — это торговля и внебрачные связи. Они жили прошлым, своей исторической памятью. Исход из Египта, жертвоприношение Авраама, захват Ханаана — эти события были для них живой историей и предметом горячих споров. Думать об этом было куда приятнее, чем о серой, унылой, а зачастую и опасной действительности⁵.

Итак, Гельфанд родился в Минской губернии, в еврейской мелкобуржуазной семье 27 августа 1867 года. О его родословной, детстве и юности мы знаем крайне мало; даже дата его рождения известна лишь приблизительно. После того, как Гельфанд покинул Россию, ему приходилось заполнять множество анкет в Швейцарии и Германии; в них он писал, что родился 27 августа. Он также взял себе еще одно имя — Александр. В полицейских участках многих европейских государств он фигурировал под именем Израиль Александр Гельфанд.

Его отец был ремесленником, возможно, слесарем или кузнецом. Мы располагаем лишь одним письменным свидетельством Гельфанда о детских годах. Это рассказ о пожаре в его родном городе, где запечатлелось, вероятно, единственное яркое воспоминание его детства:

«Часть города, в которой мы жили — это был русский провинциальный городок, — однажды сгорела дотла за один вечер. Но сначала я, маленький мальчик, ни о чем не подозревая, играл в углу своей комнаты. Вдруг я заметил, что оконные стекла окрасились в изумительный багровый цвет — мне это очень понравилось. Неожиданно распахнулась дверь, и я увидел испуганное лицо матери; не говоря

⁵Epstein Jehudo. *Mein Weg von Ost nach West*. Stuttgart. 1929. P. 8 et seq.

ни слова, она кинулась ко мне, схватила на руки и вынесла из дома. И вот моя мать бежит по улице, я спешу за ней, спотыкаясь, крепко уцепившись за ее руку, чуть не падая, ничего не понимая, не чувствуя страха, в недоумении глядя широко раскрытыми глазами на мечущихся вокруг людей. Они тащат кровати, сундуки, какую-то мебель. Отовсюду слышатся возбужденные, растерянные голоса. Столпотворение звуков в полумраке ночи. Я хочу оглядеться вокруг, но не могу – меня слишком быстро тащат вперед. И вот мы уже на открытом пространстве, заполненном всякого рода пожитками, кроватями, другой мебелью и пр. Некоторые наши вещи тоже уже здесь. Из кроватей и подушек построено что-то вроде лагеря, меня оставляют здесь, строго-на-строго наказав не двигаться с места. Да я и так никуда не собирался идти – все вокруг было таким необычным, таким фантастическим, все случилось настолько неожиданно... И теперь мне так уютно и покойно в этих мягких диванных подушках. Медленно сгущается темнота. Вдали мерцают фонари, то приближаясь, словно блуждающие огоньки, то вновь погружаясь во тьму. Вдруг вдали возникает красное пятно света, вот оно все ближе, ближе и, наконец, уже можно различить неясные, темные силуэты людей, повозки, громоздкую мебель. Небо черное, беззвездное, и лишь в одном месте видна яркая вспышка света, стремительно рвущаяся вверх, разгорающаяся до ослепительного блеска. Вот она уже опадает и тускнеет, но через мгновение снова отвоевывает утраченное было пространство и озаряет его еще ярче, чем прежде. Воют собаки. Но несмотря ни на что, я чувствую себя в безопасности; так мирно в моем укреплении среди огромных белых подушек, что я потягиваюсь, устраиваюсь поудобней и погружаюсь в сладкую дремоту, даже не задумываясь о катастрофе, постигшей целый город»⁶.

Потеряв в этом пожаре дом, Гельфанды перебрались в Одессу. Чтобы добраться до этого черноморского порта, им пришлось пересечь всю Украину с севера на юг. Причиной

⁶Lehmann C. and Parvus. *Das hungernde Russland*. Munich. 1900. P. 172-173.

переезда семьи именно в Одессу послужило, вероятно, то обстоятельство, что отец был отсюда родом. Позднее юный Гельфанд с гордостью вспоминал в кругу друзей своих одесских пращуров, которые славились среди портовых евреев-грузчиков огромной физической силой.

В начале семидесятых годов прошлого века, когда семья Гельфандов переселилась на юг, Одесса, один из крупнейших торговых центров Империи, переживала период небывалого расцвета. В ее свободном порту докеры ворочали мешки с украинским зерном. Русские, американцы, греки, евреи, турки и персы составляли пеструю уличную толпу. Скромные дома торговцев и ремесленников неожиданно уступали место великолепным белым дворцам богатых купцов. Открытые горизонты, солнце, близость моря и деятельные, процветающие жители — в сочетании все это создавало живописную атмосферу средиземноморского города. Бурная, кипучая жизнь охватывала буквально все слои населения, ни о каком прозябании и застое не могло быть и речи. Одесские евреи вели жизнь, совершенно не похожую на жизнь евреев в северных губерниях черты оседлости. Большинство из них знали украинский или русский язык; религиозные ортодоксы никогда не имели большого влияния в этом городе на берегу Черного моря, и многие одесские евреи отказывались от неукоснительного соблюдения обрядов, предписанных их верой. Среди них было много богатых купцов, занимавшихся торговлей зерном; эти жизнелюбивые, экспансивные персонажи знакомы нам по рассказам Исаака Бабеля. Сильнейшая любовь к жизни была их основной добродетелью; они хорошо знали, что богатство приходит и уходит. Они находили радость не только в выгоде, которую получали, но и в риске, и в превратностях судьбы, порой настигавших их при заключении сделок. Впрочем, одесским евреям так же пришлось испытать на себе ужас погромов, ненависть разъяренной, распоясавшейся после убийства Александра II толпы.

И все же годы, проведенные Гельфандом в этом портовом городе на берегу Черного моря, наделили его самосознанием русского человека. Он учился в местной гимназии — школе с преподаванием латинского языка, в

которой уделялось большое внимание классическим дисциплинам, – а также перед поступлением в университет брал частные уроки по гуманитарным предметам. Впрочем, гораздо более серьезное влияние на его интеллектуальное развитие оказала та жизнь, что протекала за стенами школы. Много лет спустя он вспоминал об этом так:

«Я спал под звездным небом Украины и слушал прибой на берегу Черного моря. В моей памяти слились, неразрывно сплелись в единое целое украинские песни и сказки и те небылицы, что я слышал от друзей отца, ремесленников из среднерусских губерний, приезжавших к нам каждое лето. Шевченко первым познакомил меня с идеей классовой борьбы. Я был в восторге от гайдамаков. Михайловский, Щедрин и Успенский сыграли важную роль в моем духовном развитии. Книга Джона С. Милля с комментариями Чернышевского была первым прочитанным мною трудом по политэкономии»⁷.

Всему этому не учили в русских школах. Подобно многим юношам своего поколения, Гельфанд должен был приобретать эти знания самостоятельно. О классовой борьбе он узнал, как это ни странно, от Шевченко – поэта, воспевавшего свободу украинского народа. Его воображение возбуждали гайдамаки – крестьяне и казаки с берегов Днепра, в восемнадцатом веке постоянно поднимавшие восстания против польского владычества. Все это имело специфический украинский колорит. Но в остальном духовное развитие Гельфанда определяли связи с русской интеллигенцией. Михайловский – журналист и основатель весьма важного направления в социологии; Салтыков-Щедрин – сам бюрократ по долгу службы, беспощадно высмеивавший бюрократов в своей едкой сатире; Успенский – один из основателей возникшей в 1879 году тайной террористической организации «Народная воля». Эти пастыри воспитывали в молодом Гельфанде презрение к царизму. Еврейское происхождение Гельфанда также играло немаловажную роль в формировании его политических взглядов.

В то же самое время, впрочем, его революционная вера

⁷Parvus. *Im Kampfum die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 4-5.

подверглась первым испытаниям – все новые вопросы вставали перед ним, порождая сомнение и неуверенность. Каким путем идти? Следует ли ему посвятить себя террористической деятельности и вступить в ряды «Народной воли»? Но эта организация быстро теряла свой престиж, в нее успешно внедрялись агенты полиции; некоторые из радикалов уже ставили под сомнение вопрос о политической эффективности террора как такового. Гельфанд избрал для себя иной путь – «хождение в народ». Он считал крайне важным и необходимым установление связей между интеллигенцией и трудящимися – угнетенными и несознательными – массами, внедрение в их сознание революционных идей.

1885 год вместе со своим другом Шаргородским Гельфанд посвятил знакомству с рабочим классом. Дружья стали подмастерьями слесаря и, овладев начатками ремесла, стали переходить из одной мастерской в другую. То, что люди, к которым «пошел» Гельфанд, были рабочими, а не крестьянами, определило дальнейшее развитие и становление его политических интересов. Впрочем, этот год показал Гельфанду лживость революционной романтики. Его приятель также вряд ли мог послужить для него источником вдохновения и энтузиазма. Вполне ординарный юноша, далеко не интеллектуал, Шаргородский был бунтарем по природе. Лишь юный возраст мог несколько сгладить фундаментальные различия в характерах двоих друзей, но вскоре их пути неминуемо должны были разойтись. Шаргородский позднее стал социал-революционером; в России его знали как жирного, скучного журналиста, живущего в нищете со своей семьей и пытающегося найти забвение в алкоголе⁸.

В 1886 году, девятнадцати лет от роду, Гельфанд впервые отправился за границу, надеясь, что путешествие «разрешит его политические сомнения»⁹. Поскольку в России достать революционную литературу было практически невозможно, а большинство революционных вождей жили в

⁸ Кон Феликс. *За пятьдесят лет*. М. 1936. Т. 3. С. 254.

⁹ Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 5.

эмиграции, понять надежды юного путешественника не трудно. Он поехал в Швейцарию, ее чистые, спокойные, безмятежные города привлекали русских, находившихся, как правило, в состоянии душевного разлада. В Цюрихе Гельфанду открылись сокровища революционной литературы. Он с жаром набросился на книги, начав с ранних произведений Александра Герцена.

Хотя прочитанное произвело на юношу сильное впечатление, он не почувствовал удовлетворения — заявлял о себе практический склад его ума. Он приехал в Швейцарию, проведя год среди рабочих на юге России, и понимал, что лишь малая часть того, что было им прочитано, годится для их просвещения. Досконально проштудировав всю революционную литературу, которую можно было достать в Цюрихе, он не нашел «ничего, что могло бы быть полезным для рабочих, кроме книги «Хитрая механика» и памфлета Дикштейна»¹⁰. «Хитрая механика» представляла собой достаточно поверхностное пропагандистское руководство, особенно часто используемое народниками. Памфлет Дикштейна носил красноречивое название «Кто за чей счет существует». Таким образом, хотя во времена своего первого пребывания в Швейцарии молодой Александр имел практически неограниченный доступ к революционной литературе, ненасытное чтение не помогло ему разрешить всех сомнений. В самом деле, новый лабиринт, в котором он теперь очутился, оказался еще более запутанным, нежели прежний — тот, в котором он блуждал, еще находясь в России.

Самым замечательным результатом деятельности русской интеллигенции за предыдущие несколько десятилетий оказалось накопление большого объема литературы совершенно необычного характера. В ней поднималось огромное количество вопросов и давалось поразительное множество ответов. В ней анализировались проблемы внутреннего развития России, ее будущего, ее места в мире; в качестве иллюстраций привлекалось множество сведений из самых разных областей знания.

¹⁰Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 5-6.

Затем, в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века, у этой литературы появился соперник в лице марксизма. Хотя перевод первого тома «Капитала», выполненный Николаем Даниэльсоном, экономистом и одним из русских корреспондентов Маркса, появился намного раньше, еще в 1872 году, русский марксизм оформился в заметное политическое течение лишь десятью годами позже. В 1882 году, за год до смерти, Маркс написал предисловие к русскому переводу своего «Коммунистического Манифеста» 1848 г., в котором попытался дать прогноз дальнейшего развития России. Он понимал, что крестьянская община, форма примитивной коллективной собственности – институт, на который возлагали большие надежды многие русские писатели, включая Александра Герцена, – разрушится, однако считал, что «если русская революция послужит сигналом для пролетарской революции на Западе, так что обе эти революции дополняют друг друга, то существующая в России форма землевладения сможет явиться исходным пунктом будущего исторического развития»¹¹.

Тем не менее Россия была для Маркса белым пятном. Его теории можно было применять лишь к высокоразвитым промышленным странам Западной Европы. Россия же только собиралась встать на путь индустриального развития, и учение Маркса – даже если предположить, что оно было верным – не могло найти здесь никакого практического применения. Почему же оно привлекло к себе значительную часть русской интеллигенции? Зачем эти люди усложнили свою и без того трудную жизнь, приняв совершенно непригодное для российских условий учение? Ответ на эти вопросы кроется, прежде всего, в том, что марксизм был учением революционным. И хотя в самом скором времени даже марксисты-социалисты в странах Западной Европы поставят вопрос об эффективности революции как средства достижения политического и социального прогресса, русские радикально настроенные круги связывали свои надежды только с революцией. Кроме того, марксизм давал им «научное», универсальное объяснение законов

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. *Коммунистический Манифест*. М. 1959. С. 20

развития человеческого общества. Марксизм заявлял о себе как о методе не только беспристрастного изучения прошлого, но и преобразования будущего, присваивая себе, таким образом, властные полномочия и пророческие функции. В сущности, он оперировал теми понятиями, которые русская интеллигенция уже усвоила благодаря усилиям всей предшествующей радикальной литературы. В довершение всего Маркс анализировал именно тот общественный строй, к которому тяготело в своих устремлениях большинство русских. По сути дела именно «западники», т.е. та часть предыдущего поколения, которая считала, что Россия должна идти по пути развития западноевропейских стран, и явились духовными предшественниками русского марксизма.

В 1883 году Плеханов, который эмигрировал из России тремя годами раньше, начал развивать в своих трудах учение Маркса. В том же году вместе с Верой Засулич, переводчиком «Коммунистического манифеста» Павлом Аксельродом и Львом Дейчем он организовал первую русскую марксистскую организацию – общество «Освобождение труда». Когда в 1886 году Гельфанд посетил Цюрих, именно эта эмигрантская организация больше всего привлекла его внимание. Позднее он писал, что его «заинтересовала программа общества, в котором на передний план выдвигалась классовая борьба пролетариата»¹². Однако там же он отмечал: «Поскольку дело касалось России, меня смутило то обстоятельство, что программа Плеханова не оставляла места для крестьянства; Россия же, как на нее ни посмотри, есть страна аграрная». Гельфанд к этому времени уже был революционером марксистского толка, однако его последнее замечание свидетельствует о том, что он испытывал определенное замешательство. Он должен был решить для себя трудный вопрос: можно ли быть русским марксистом? Не содержится ли уже в самой этой формулировке логическая несообразность?

Вернувшись в Одессу из путешествия по Швейцарии, Гельфанд задержался там ненадолго. Не прошло и года, и

¹²Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 6.

в 1887 году он покинул родину на гораздо более продолжительный срок. Вернулся он лишь через двенадцать лет – и то лишь с кратким визитом. Он начал строить свою новую жизнь за пределами родной страны.

Вероятно, что во время его пребывания в России, в период между двумя поездками за рубеж в 1886 и 1887 годах, Гельфандом заинтересовалась полиция и что ему пришлось уехать из соображений личной безопасности. Когда он возвращался из Швейцарии, его чемодан обшарили в поисках нелегальной литературы, а ему самому устроили на границе личный досмотр; шпик ехал с ним в поезде до самой Одессы¹³. В это время он испытал затяжной духовный и личностный кризис. При этом проблемы, обусловленные его еврейским происхождением, сыграли здесь даже более важную роль, нежели проблемы, связанные с его революционными убеждениями. В разбросанных по его поздним произведениям автобиографических отрывках он, как правило, тщательно избегает всяких упоминаний о своем еврейском происхождении и о специфическом положении евреев в России девятнадцатого века. Однако не подлежит сомнению, что он лично был свидетелем еврейских погромов восьмидесятых годов, которые были особенно ужасными в Киеве и Одессе. Такой опыт неминуемо должен был оказать большое влияние на юного Гельфанда, заставив его, в частности, задуматься над возможными путями решения собственных проблем. Ведь – как у еврея и, шире, человека заведомо второго, низшего сорта – у него не было шансов подняться на более высокую ступень социальной лестницы.

И все же город, где он провел большую часть своей молодости, оставил неизгладимый след в памяти Гельфанда. Несомненно, в изобиловавшей приключениями жизни этого еврея-авантюриста в полной мере отразились и реализовались впечатления, полученные им от Одессы. Атмосфера космополитизма, царившая в этом городе, дала ему некоторое представление о бесконечном разнообразии жизни; широкие горизонты Одессы означали нечто

¹³ Lehmann C. and Parvus. *Das hungernde Russland*. Munich. 1900. P. 12.

большее, чем просто отсутствие физических, материальных границ — она была восточным городом, и она была торговым городом. Позднее в своих путешествиях Гельфанд редко оказывался западнее Рейна. Он сознательно обрел себя на бродячую жизнь — но в определенных пределах. Франция, Англия и Америка, образ жизни и устремления их жителей, политические традиции в этих странах оставались для него закрытой книгой. В Центральной Европе — внутри огромного четырехугольника, в вершинах которого находились Санкт-Петербург и Константинополь, Копенгаген и Цюрих, — Гельфанд чувствовал себя как дома. И когда он поставил себе целью стать богатым человеком, он избрал для себя тот же путь, что и одесские купцы: торговля зерном на побережье Черного моря стала фундаментом его финансового успеха.

По возвращении в Швейцарию в 1887 году, Гельфанд пытается отмежеваться от своего русского и еврейского прошлого и, отказавшись от чисто русских революционных интересов, обращается к изучению политического и экономического развития Запада. Гельфанд сам вспоминает о характерном случае, происшедшем вскоре после его приезда в Швейцарию. Плеханов попросил его написать статью о Белинском, знаменитом русском литературном критике первой половины девятнадцатого века. Гельфанд ответил отказом, поскольку, по его собственным словам, «был занят тогда проблемами трудового законодательства и государственной монополии». Плеханов воспользовался случаем, чтобы пожуричь молодого Гельфанда: «Знаете что? Прежде всего вы должны чтить вашу собственную национальную литературу»¹⁴.

Однако это патриотическое воззвание пало на бесплодную почву. Гельфанд считал, что перед ним стоят гораздо более важные задачи, нежели работа над статьями о старомодном литературном критике. Ему хотелось вырваться из среды русских эмигрантов, которые едва ли одобрили бы его настроения того времени. Он не поселился ни в одном из основных эмигрантских центров, а переезжал с места на

¹⁴ Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 7.

место, пока, наконец, в начале осеннего триместра 1888 года не поступил в Базельский университет. Атмосфера такого буржуазного города на Рейне располагала к усердным занятиям наукой, и, за исключением одного летнего триместра в следующем году, на время которого он переехал в Берн, все свои студенческие годы Гельфанд провел в Базеле.

Вообще его выбор был не случаен. Этот город имел для молодого человека особое обаяние – здесь в свое время преподавали Якоб Буркхардт, историк Ренессанса, Фридрих Ницше, философ сверхчеловечества, и Альфонс Тун, автор одного из первых исследований о русском революционном движении. Но когда Гельфанд приехал в Базель, там блистал профессор Бюхер, поражая воображение студентов новизной и нетривиальностью своих идей. Бывший преподаватель Дерптского университета он переехал в Базель в начале восьмидесятых годов; здесь он читал лекции по политической экономии и ее истории, стараясь связать эти академические дисциплины с современными экономическими и политическими проблемами. В преподавании ему немало помогал и опыт журналистской работы – он сотрудничал в «*Frankfurter Zeitung*». Бюхер всячески стремился прививать своим ученикам уважение к достоверным фактам и отвращение к пустому теоретизированию.

Бюхер оказал большое влияние на Гельфанда. Политическая экономия – основной предмет Гельфанда – была еще относительно новой академической дисциплиной. Консерваторы из университетских преподавателей не одобряли ее, поскольку она, по их мнению, «расшатывала юридические стереотипы»¹⁵. Хотя швейцарские студенты вполне могли прислушаться к подобному предостережению, для русских студентов оно было пустым звуком. В своих лекциях Бюхер касался предметов, представлявших особый интерес именно для русских: фундаментальных принципов политической экономии, вопросов современного экономи-

¹⁵ Bucher Karl. *Lebenserinnerungen, 1847-1890*. Tübingen. 1919. vol. I. P. 325.

ческого развития и, особенно, проблем капитализма и социализма. Такая программа в точности соответствовала тем требованиям, которые предъявлял к университетскому образованию Гельфанд. Бюхер научил его ценить точный статистический анализ: позже марксизм Гельфанда всегда включал в себя определенный эмпирический элемент, а Маркс был для него скорее учителем и наставником, чем первоисточником чисто теоретической догмы.

Четыре года, проведенные Гельфандом в швейцарском университете, отнюдь не были безоблачными. Знакомство с полицией и цензурой, с погромами и террористическими организациями создавало у русских студентов своеобразный иммунитет против легкомыслия и юношеской наивности, присущих их швейцарским коллегам. Русские тоже были наивны — но иначе. Они относились к своим занятиям как к своего рода подготовительным курсам, которые следовало пройти перед переходом к революционной деятельности. Их не интересовало профессиональное обучение, они не собирались становиться джентльменами. Один из современников Гельфанда заметил, что если у швейцарских студентов и были какие-нибудь проблемы, то они были непременно связаны либо с деньгами, либо с любовью, либо с «банковскими счетами и расчетами»¹⁶. Для русских же студентов этих трудностей не существовало. Большинство из них жили в крайней нищете и хорошо знали, что при слишком низком доходе на банк рассчитывать не приходится; о женитьбе на девушке из среднего класса вопрос даже и не ставился. Перед ними отнюдь не расстилалась перспектива размеренной, упорядоченной жизни, но если бы таковая появилась, они посчитали бы ее скучной и бессмысленной по сравнению с той жизнью, к которой они себя готовили. Русские студенты были заняты проблемами, которые они считали гораздо более важными. Будущее мира, положение России в нем, ее дальнейшее развитие — таковы были основные темы их нескончаемых и подчас довольно бессвязных разговоров. Мансарды буржуазных домов в швейцарских университетских городах ста-

¹⁶Brupbacher F. *60 Jahre Ketzler*. Zurich. 1935. P. 53.

ли питомниками, в которых возрастали будущие вожди революции, уже теперь возмущавшие спокойствие обывателей.

Гельфанд ничему не научился от своих швейцарских коллег. Русский образ жизни был для него гораздо более близок, и до конца своей жизни он сохранил чувство острой неприязни по отношению к буржуазным ценностям.

Однако ему, наконец, удалось разрешить те сомнения и вопросы, которые он привез с собой из России еще во время своего первого визита в Цюрих. Юношеское романтическое восхищение гайдамаками превратилось, под влиянием Карла Маркса, в нечто рациональное, или, пользуясь модным в ту пору определением, в «научный» социализм. Маркс дал ему ясный метод постижения мира политики. Перешительность бывшего сторонника «Народной воли» сменилась самоуверенностью марксиста.

Эта благоприобретенная самоуверенность нашла отражение в академической работе Гельфанда. Во время осеннего триместра в 1890 году он, по совету Бюхера, приступил к работе над диссертацией, посвященной проблеме разделения труда. Это дало ему возможность применить марксистские методы в конкретном исследовании. Чтобы изложить свои соображения, ему хватило шести месяцев. В исторической части своей работы он писал о взглядах классиков политэкономии на проблему разделения труда. Гельфанд подробно проанализировал теории Адама Смита, Винифилда и Джона Милла, но наибольшее число страниц все же было посвящено взглядам Маркса. Концептуальная основа исследования также свидетельствует о влиянии этого экономиста, которому Гельфанд чувствует себя обязанным в наивысшей степени: «Подавление или, используя более резко, но выразительное современное определение, эксплуатация масс – рабство – есть основа разделения труда»¹¹. И именно идеи Маркса вдохновили молодого студента на предложение, которое, как он полагал, могло бы предотвратить отрицательные последствия возрастающего

¹¹ Helphand I. *Technische Organisation der Arbeit* ("Cooperation" und Arbeitsleitung"). // Eine kritische Studie. Fil. Dis. Basle. 1891. P. 50.

разделения труда: «При наличии определенных условий, главным образом – организованности рабочего класса и пробуждения классового сознания – эти пагубные последствия могут быть преодолены»¹⁸.

К лету 1891 года, когда Гельфанду предстояло защитить диссертацию, на факультете произошли важные изменения. Бюхер переехал в Карлсруэ, а его место занял профессор Козак из Цюрихского политехнического института. Козак отнюдь не симпатизировал марксистскому подходу Гельфанда: он одобрил план диссертации лишь после нескольких доработок. На устном экзамене Гельфанду тоже пришлось не сладко, поскольку он никогда не уделял особого внимания второстепенным предметам – минералогии и физике. Восьмого июля 1891 года ему была присвоена докторская степень, однако с весьма разочаровывающим добавлением «*rite*» (лат. «по обычаю», зд.: обычный, не имеющий особых заслуг – *прим. пер.*). – а это означало, что его диссертация получила лишь удовлетворительную оценку. Гельфанду дали понять, что Базельский университет «научное», а не социалистическое учреждение, и что если здесь и есть место классовому сознанию, то уж во всяком случае не пролетарскому.

В дальнейшем доктор философии Израиль Александр Гельфанд никогда больше не представит своих марксистских исследований на суд высокой академической науки. Отныне он будет писать для европейского пролетариата, и пролетариат отнесется к его работам более сочувственно, нежели буржуазные профессора Базельского Университета.

Закончив университет – ему было тогда 23 года – Гельфанд встал перед самым важным в своей жизни выбором. Следует ли ему вернуться в Россию и принять участие в деле организации рабочего класса? Или лучше забыть о своем русском происхождении и вступить в одну из западно-европейских рабочих партий? Он не чувствовал ни малейшего желания возвращаться в Россию: ничто там не привлекало его. Его отвращала отсталость этой страны и

¹⁸ Helphand I. *Technische Organisation der Arbeit* ("Cooperation" und "Arbeitsteilung"). // Eine kritische Studie. Fil. Dis. Basle. 1891. P. 72.

грубые нравы ее обитателей. Он уже знал Западную Европу, и на него произвели глубокое впечатление ее материальные и духовные достижения. Свою первую работу он написал по-немецки, и Германия была для него, как и для многих других евреев с востока, ключом к Западной Европе. Еще более сильное отвращение Гельфанд испытывал к русской эмиграции, и это делало для него неприемлемой и вторую возможность – присоединение к одной из эмигрантских групп. Он считал эмиграцию отрезанным ломтем; по его мнению, она уже не принадлежала живому телу народа. Эмигранты жили в мире теней, где реальность подменялась теорией, а действие – бесплодными разговорами. Юный Гельфанд остро ощутил это еще в самом начале своей учебы – в 1887 году он сознательно пренебрег Женевой и Цюрихом, главными твердынями эмиграции, предпочтя им провинциальный Базель. Он сохранил недоверие к оторванной от масс русской интеллигенции до конца своей жизни.

Итак, оставалась последняя возможность – присоединиться к западно-европейскому рабочему движению, и именно на ней Гельфанд сосредоточил свои помыслы. Сделав такой выбор, он мог одновременно служить социализму и зарабатывать на жизнь. Как марксист, он знал, что существует колоссальная разница между революционной борьбой в Западной Европе и России. В то время как главной целью революции в России оставалось завоевание конституционных и гражданских свобод, Западная Европа достигла этой стадии развития уже в 1848 или, по крайней мере, в 1871 году. Рабочие на Западе ставили перед собой социалистические цели, а именно, свержение капитализма и введение социалистического экономического порядка. С точки зрения Гельфанда, Германия была страной, дальше всех продвинувшейся на пути к социализму; по сравнению с другими народами Европы, немцы достигли наибольших успехов в деле организации рабочего движения. Гельфанд был убежден, что судьба мировой революции, которая освободит пролетариат во всех странах без исключения, будет решаться в Германии. Классовая борьба в Берлине была для него намного важнее, чем сопротивление царизму в России.

Александр Гельфанд был первым эмигрантом, который со всей преданностью служил социалистическому движению в Западной Европе и оказывал ему материальную поддержку, став, таким образом, предшественником целого ряда социалистов, чьи имена получили широкую известность перед началом первой мировой войны – Розы Люксембург, Юлиана Мархлевского и Карла Радека в Германии, Шарля Рапапорта во Франции, Анжелики Балабановой в Италии. Впрочем, ни один из последователей Гельфанда не солидаризировался с принявшей их в свои ряды партией в столь полной мере, как он.

Следует однако сразу же оговорить, что его разрыв с русским революционным движением вовсе не был таким окончательным, каким позднее Гельфанд представлял его в своих воспоминаниях. Хотя до конца столетия он и не принимал непосредственного участия в этом движении, тем не менее на протяжении трех последующих десятилетий он был в курсе всех дел благодаря личным связям, установившимся за время его пребывания в Швейцарии, и мог снисходительно относиться к политическим достижениям эмиграции, но он всегда очень высоко ценил личные контакты со своими русскими и польскими друзьями.

Плеханова он считал нетворческим, тщеславным и излишне академичным. Гораздо больше его привлекала альтруистическая и в то же время застенчивая манера Павла Борисовича Аксельрода, великодушно покровительствовавшего целому поколению русских революционеров. Восхищался Гельфанд и Верой Засулич, романтической героиней «Народной воли». Эта эксцентричная особа с материнской нежностью называла юного Гельфанда «тюленем». Со Львом Дейчем Гельфанда роднила авантюрная жилка. Дейч довел до совершенства технику побега из царской тюрьмы, превратив побег в своего рода утонченное искусство. Он был Одиссеем революции, и его изобретательность уступала лишь его жажде деятельности.

Помимо старшего поколения русских революционеров, в Швейцарии Гельфанд познакомился также с группой польских студентов, которые позже сыграли важную роль в истории европейского социализма. Юлиан Мархлевский,

Роза Люксембург, Лео Йогихес и Адольф Варшавский-Варский жили в эти годы в Цюрихе, где изучали политическую экономию. Мархлевскому, который позднее выступал под псевдонимом Карский, и Розе Люксембург суждено было сыграть заметную роль в жизни самого Гельфанда.

В конце лета 1891 года Гельфанд переехал из Базеля в Германию. Эту процветающую, подающую большие надежды страну он решил сделать своим домом. Впрочем, для него самого это решение имело более конкретный, узкий смысл: он хотел, чтобы его приняла германская социал-демократия, а не Германия как таковая. Он вовсе не испытывал симпатии к консерваторам, аристократам и сторонникам абсолютизма приютившей его страны. Он не задумывался о том, до какой степени ему придется онемечиться, когда он станет немецким социал-демократом. Будучи марксистом, он был, вероятно, склонен несколько преуменьшать влияние национального фактора на принятое им решение. Позднее он писал: «Будь то Россия или Германия, борьба пролетариата остается все той же, она не знает ни национальных, ни религиозных различий». И добавлял: «Изменив своей родине – России, я изменил и тому классу, из которого вышел – буржуазии. Тогда же я отошел и от русской интеллигенции»¹⁹.

Партия, принявшая Гельфанда в свои ряды, существовала уже 16 лет. Политика репрессий, начатая Бисмарком в начале семидесятых годов, привела к тому, что два основных течения германского социализма слились воедино. В 1875 году на Готском конгрессе лассалианцы – старшее, немарксистское движение – объединились с возглавляемыми Либкнехтом социал-демократами, которые в последующие годы утвердили свою руководящую роль в этой объединенной партии. В 1890 году окончился срок действия принятых Бисмарком антисоциалистических законов. Из этого сложного периода партии удалось выйти невредимой. К этому времени немецкий социализм приобрел свои характерные особенности. Принадлежать к партии означало не просто разделять определенные политические убежде-

¹⁹ Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 7.

ния; это был образ жизни. Социал-демократическая партия заявляла, что заботится о своих членах от их рождения до самой смерти, и требовала взамен безоговорочного доверия и беспредельной преданности. Аналогичные требования выдвигали Прусское государство и католическая церковь. Эта трехсторонняя борьба была сложной и жестокой, и вызванная ею напряженность сказывалась на внутрипартийных отношениях. На одном из съездов партии лидера баварских социалистов Вольмара обвинили в том, что он недостаточно компетентен в вопросах борьбы рабочего класса – причина подобных претензий состояла в том, что он был весьма состоятельным человеком. Вообще это было серьезное и довольно распространенное обвинение – член партии «находится на гос. жаловании». Руководство социал-демократической партии преимущественно оставалось привилегией низших слоев среднего класса; таким образом, преобладающую роль в организации играли нравственность и мораль именно этого общественного слоя. Организация действовала исключительно в интересах немецких рабочих, заявления о «международном братстве пролетариата» были пустой формальностью. Партия не интересовалась ни внешней политикой, ни теми общественными процессами, которые шли за пределами Германии. Ее интересы были узко локальными, а кругозор ограниченным, что не мешало ей решительно и уверенно добиваться поставленных целей.

Первую остановку Гельфанд сделал в Штутгарте. Местная партийная организация занимала в это время особое положение в социалистическом движении и была удобной стартовой площадкой для выдвижения в социалистических кругах Германской Империи. Ее возглавляли два весьма влиятельных социалиста – Карл Каутский и Клара Цеткин. Русского юношу приняли здесь с большой симпатией.

Теперь о Каутском пишут мало хорошего. Как правило, о нем вспоминают как об эклектике и популяризаторе чужих идей, а не как о самостоятельном мыслителе. Действительно, он писал слишком много, слишком сухо и нравоучительно. В политической и писательской деятельности Каутского отразилась его суть «маленького буржуа», вяло-

го и скучного «патриарха», который, казалось, даже родился стариком. Однако, когда Гельфанд впервые встретился с ним, Каутский вместе с Фридрихом Энгельсом был главным идеологом европейского социализма. А после смерти Энгельса Каутский, его друг и идейный наследник, занял столь влиятельное положение, какого с тех пор удавалось достичь лишь немногим лидерам социалистического движения. Он был «папой римским» социализма, своего рода оракулом приближающейся революции. Он имел преданных почитателей в среде рабочего класса и оказывал серьезное влияние на молодежь социалистической ориентации и интеллигенции. Будучи редактором главного теоретического органа партии, журнала «*Neue Zeit*», он заботливо нестествовал молодых талантливых журналистов. Он был приемным отцом и наставником целого поколения молодых социалистических писателей и теоретиков со всей Европы. Его дом был редакцией, университетом, школой журналистики, штаб-квартирой социалистов, приходивших сюда учиться и общаться.

Каутский открывал таланты и всячески содействовал им. Он дал Гельфанду возможность стать журналистом немецкой партии. Уже в конце 1891 года «*Neue Zeit*» опубликовал его первые статьи под псевдонимом «Игнатъев» и инициалами «I. H.»: обзор, эссе о теории Бем-Баверка о накоплении капитала, еще одно эссе – о положении еврейских рабочих в России.

Клара Цеткин – другой лидер Штутгартской партийной организации – также помогала молодому человеку. Эта + сичная, озлобленная, резкая суфражистка была не менее благоклонна к нему, чем Каутский. Она возглавляла женские социалистические общества и издавала свой собственный журнал «*Gleichheit*». Гельфанд писал и для него, и эти гонорары пополняли его скудные доходы.

Но всего этого едва хватало на повседневные нужды. Внешний вид Гельфанда был весьма непригляден: заплащенные брюки, стоптанные каблуки, засаленная кепка, доставшаяся ему в наследство от какого-то рабочего. При одном взгляде на него было понятно – этот человек живет в крайней нищете. И все же он производил поистине неиз-

гладимое впечатление на своих немецких товарищей: он был экзотическим явлением в их среде. Под поношенной, ветхой одеждой скрывалось могучее тело, поддерживаемое довольно короткими ногами. Он имел массивную голову с высоким лбом, который со временем становился все больше и больше из-за преждевременного облысения. Дети Карла Каутского называли русского друга своего отца «Доктор Слон» («Dr. Elephant»; кстати именно к этому слову, а не к выражению «helfende Hand» этимологически восходило его имя): и действительно, его внешность оставляла впечатление какой-то тяжелой, мощной бесформенности. Он был жизнерадостным и экспансивным, в разговоре бурно и выразительно жестикулировал; его жизнелюбие, казалось, било через край.

К концу 1891 года Штутгарт стал для него слишком мал. Он стремился в Берлин, и Каутский снабдил его необходимыми рекомендациями. Переезд в центр политической и коммерческой жизни Германии не улучшил его материального положения. Он снял дешевую комнату в рабочем районе в северной части Берлина. Чтобы передать свои статьи в «Vorwärts», главную ежедневную партийную газету, Гельфанду приходилось идти несколько миль пешком до Бейтштрассе, где находилась редакция газеты, ему были не по карману ни поездка на трамвае, ни почтовые услуги.

Тем не менее он успешно начал свою журналистскую карьеру. Его статьи печатали все наиболее значительные партийные газеты и периодические издания; в 1892 году «Vorwärts» заказала ему серию статей о голоде в России.

Анализ голода в России, последовавшего за катастрофическим неурожаем 1891 года, стал его первым крупным успехом в социалистической журналистике²⁰. Его немецкие товарищи не привыкли к тому, чтобы анализ зарубежных событий выполнялся хорошо осведомленными, достаточно компетентными авторами. Доводы Гельфанда звучали настолько убедительно, что социал-демократы отнеслись к ним — как не раз делали в дальнейшем, и по самым

²⁰ Четыре статьи под общим названием *Die Lage in Russland* были напечатаны в «Vorwärts» в июне 1892 г.

разным случаям — как к авторитетным и заслуживающим абсолютного доверия.

Гельфанд считал, что этот голод был не несчастным случаем, а «застарелой, хронической болезнью». Отмена крепостного права в шестидесятых годах девятнадцатого века превратила Россию в производителя товаров, и теперь она переживает переходный период, когда простые формы производства сменяются более сложными. За счет крестьянства обеспечиваются трудовые ресурсы, необходимые для быстро развивающейся промышленности. Место разорившихся крестьян, которые до сих пор были надежной опорой царского режима, займет зарождающаяся буржуазия. Не следует связывать свои надежды на политическое развитие с российским средним классом, писал Гельфанд. Во главу угла этот класс ставит свободу обогащения, которая может быть обеспечена лишь при наличии установленного порядка. Только пролетариат, сообщал Гельфанд своим читателям, является единственной надежной революционной силой в России.

До этого момента рассуждения Гельфанда совпадали с мнением Фридриха Энгельса и Георгия Плеханова, которые также занимались проблемой голода в России. Но в своих выводах Гельфанд пошел гораздо дальше, чем эти старшие. Энгельс полагал, что ослабление России обеспечит Европе безопасность; Плеханов считал голод предвестником подъема рабочего движения в России. В отличие от них, Гельфанд мыслил гораздо шире, в масштабах десятилетий и континентов. Его не вводило в заблуждение временное отставание России; он предсказывал быстрое развитие промышленности и сельского хозяйства и ее расцвет в капиталистическом государстве в какие-нибудь семь-пятнадцать лет. Это приведет к тому, что Россия и Америка лишат Европу положения экономического гегемона. Конкуренция приведет в Германии к повышению цен на зерно. Европейский пролетариат должен готовиться к острой борьбе за повышение заработной платы.

Статьи Гельфанда о России содержали два момента, которые позже стали ключевыми для всего его образа мыслей: полюшение Европы относительно двух крупнейших капи-

талистических держав – России и Америки, и недостаток революционного энтузиазма у русской буржуазии.

Послесловие к серии ранних статей Гельфанда²¹ явилось его первым вкладом во взаимоотношения между социалистами России и Германии. До этого момента немецкие социалисты считали народничество – увядающее популистское революционное движение – олицетворением прогрессивных сил России. Гельфанд показал своим немецким товарищам ошибочность такого подхода. Подвергнув народничество резкой критике, он обратил их внимание на марксистскую группу «Освобождение труда», указав на ее место в европейском рабочем движении. Его аргументы произвели на немецкую партию сильное впечатление. Статьи двух корреспондентов «*Vorwärts*», народников Лаврова и Русанова, перестали появляться на страницах этой социал-демократической газеты; в декабре 1892 года было напечатано открытое письмо Плеханова Либкнехту, первая опубликованная в этой газете работа русского марксиста.

Впрочем, прусская полиция заинтересовалась молодым человеком еще до того, как его имя стало известно немецким социалистам. Министерство внутренних дел пристально следило за его литературной деятельностью; в соответствующем учреждении быстро росла стопка газетных вырезок с его статьями. Уже в начале 1893 года его присутствие в столице показалось прусским властям настолько опасным, что ему – как неблагонадежному лицу иностранного происхождения – было предписано полицией покинуть Берлин.

Пруссия оказалась не единственным федеральным штатом, где к Гельфанду отнеслись подобным образом.

²¹ Helphand I. *Die Sozialdemokratie in Russland*. «*Vorwärts*». 1892, 23 September

ВЕЛИКАЯ УДАЧА

В течение двух лет после своего изгнания из Берлина Гельфанд вел жизнь бродячего социалиста-ученого. Он путешествовал по таким городам, как Дрезден и Мюнхен, Лейпциг и Штутгарт, с периодическими наездами в Цюрих, где его польские друзья Мархлевский и Люксембург всегда были готовы с интересом слушать его рассказы о жизни в Германии. Он путешествовал часто, всегда налегке и неизменно третьим классом.

Но, несмотря на такой образ жизни, его положение в немецкой партии было весьма многообещающим. Будучи профессиональным экономистом, он обладал обширными знаниями о зарубежных странах, что было редкостью в среде немецких социалистов. Писатель и журналист, он был к тому же полиглотом, что давало ему возможность знакомиться с интересующими его публикациями в оригинале. Гельфанда с радостью печатала социалистическая пресса: его теоретические исследования в «*Neue Zeit*» ценили так же высоко, как и случайные статьи в еженедельных газетах. Карл Каутский был так вдохновлен успехами своего молодого 26-летнего автора, что порекомендовал своим австрийским товарищам пригласить его в качестве корреспондента в их печатный орган, выходящую в Вене газету

«*Arbeiterzeitung*». В письме к лидеру австрийской социал-демократической партии, высокообразованному и утонченному доктору Виктору Адлеру, Каутский писал: «У нас есть русский, доктор Гельфанд, который провел несколько лет в Германии, очень одаренный малый... он внимательно следит за развитием Германии и прекрасно разбирается в ситуации... Он живет в Штутгарте, поскольку его выгнали из Берлина. Он желал бы получить австрийское гражданство, чтобы иметь возможность открыто присоединиться к движению. Шансов на получение гражданства в Германии у него нет, ввиду упомянутой высылки. В его

лице партия получит прекрасного, хорошо подготовленного члена. Возможно ли, по Вашему мнению, получение им гражданства?»¹

В своем письме Каутский затронул весьма важную для Гельфанда проблему: вопрос о возможности его натурализации в Германии или Австрии. Его самого мало волновало, где он получит гражданство – в Пруссии или Вюртемберге, Баварии или Австрии. Перед переездом из Швейцарии в Штутгарт он писал главному редактору «*Vorwärts*» Вильгельму Либкнехту: «Я ищу родину. Где можно приобрести родину задешево?»²

Его восторженное отношение к немецкой социал-демократии привело к тому, что он переоценил политическое влияние руководства Берлинской партийной организации. Гельфанд ожидал, что получит прусское гражданство, а вместо этого был выслан из Пруссии; переговоры в Вене, несмотря на вмешательство Виктора Адлера, окончились неудачей; следующая попытка была предпринята в 1886 году, на этот раз в Вюртемберге, и тоже оказалась безуспешной. До первой мировой войны Гельфанд был по сути дела беззащитен перед лицом немецкой полиции. И когда в феврале 1916 года он, наконец-то, стал прусским гражданином, это произошло при таких обстоятельствах, которые молодой революционер едва ли мог предвидеть в 1893 году.

Невзирая на неопределенность своего положения с точки зрения закона, Гельфанд принимал самое активное участие в политических спорах, которыми в то время была охвачена Германия. Он делал это безоглядно, не принимая никаких мер предосторожности. Его немецких товарищей часто поражали несдержанность и самоуверенность, с которой он вел свою публичную полемику. Молодой революционер не считал нужным сдерживаться, он говорил то, что думал, и вообще вел себя крайне независимо.

Немецкие социалисты уже имели некоторое представление о самоуверенности Гельфанда, когда в октябре 1893

¹ Adler V. *Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky*. Vienna. 1954. P. 182.

² Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 7.

года он изложил в «*Neue Zeit*» свои взгляды на выборы в прусский парламент. Относясь резко отрицательно к процедуре трехступенчатых выборов, прусские социал-демократы принципиально не принимали в них участия, и в течение длительного времени эта позиция ни с чьей стороны не вызывала возражений. Наконец, перед выборами 1893 года, прозвучал голос, осудивший отношение социалистов к парламенту. Эдуард Бернштейн, живший тогда в эмиграции в Лондоне, входил, наряду с Энгельсом и Каутским, в марксистский идеологический триумвират. Пытливый мыслитель, в сравнении с другими теоретиками партии он был в наименьшей степени привержен догматизму. Бернштейн предложил социалистам отказаться от обычной практики и принять участие в предстоящих выборах в прусский парламент. При этом он указал, что отказ от участия в выборах не является эффективным средством политической борьбы. Социалистам следовало забыть свою неприязнь к, по словам Бисмарка, «ничтожнейшей из избирательных систем» и принять участие в выборах, считал Бернштейн.

К предложению Бернштейна в Германии отнеслись отрицательно. «*Neue Zeit*» писала, что оно «могло бы сработать, но не сработало»; «*Vorwärts*» отозвалась о нем, как о роковой ошибке». Старая социалистическая гвардия открыто присоединила свой голос к прозвучавшему со страниц этих газет моральному осуждению. Но на Гельфанда, как и на самого Бернштейна, эти сентиментальные доводы не произвели никакого впечатления. Под псевдонимом «*Chius*» он опубликовал в «*Neue Zeit*» опровержение, в котором высказался в поддержку предложений Бернштейна. Это статья была своеобразной проповедью, в которой шла речь о важности и значимости парламента, под контролем которого находилось законодательство и бюджет Пруссии. По мнению Гельфанда, столь влиятельное учреждение нельзя было отдавать на откуп реакционным партиям. Он отдал себе отчет в том, что политический вес социалистической фракции будет невелик, однако полагал, что социалисты смогут использовать парламент как трибуну для агитации. «Просветить массы можно лишь действием, пол-

итической активностью, общественной борьбой»³. Бездеятельность и нерешительность Гельфанд считал неприемлемыми в классовой борьбе.

Немецкие социалисты, прочитавшие эту статью в «*Neue Zeit*», которая покушалась на их священный и неприкосновенный обычай, ломали голову, пытаясь установить личность автора, скрывшегося под псевдонимом. Кто осмелился, вопрошали они, поддержать ересь Бернштейна после того, как партия высказала свое мнение так единодушно? Однако прежде, чем псевдоним был раскрыт, Гельфанд совершил очередной дерзкий поступок.

Летом 1894 года в Баварском парламенте социалисты во главе с Георгом фон Вольмаром решили поддержать предложенный правительством бюджет. Снова оказалась под угрозой установившаяся партийная традиция: отказ от поддержки бюджета всегда считался необходимой акцией протеста против существующего порядка.

Гельфанд посчитал это достаточно важным событием и решил дать мощный залп по своим баварским товарищам. И снова он подписал статью псевдонимом – на этот раз это был псевдоним «Парвус». Он сохранил его до конца жизни. С этого момента именно Парвуса будут хвалить и осуждать, с Парвусом будут спорить, Парвусом будут восхищаться. Когда вышла в свет первая статья Парвуса, немецкие социалисты поняли, что в будущем с этим именем им придется считаться.

Статья Гельфанда в «*Neue Zeit*» по поводу поддержки баварского бюджета нанесла партии ощутимый удар и вывела ее из состояния самоуспокоенности. «Ни одного человека и ни гроша», – заявил Гельфанд по поводу поддержки режима. «Поддержка бюджета равнозначна поддержке господствующего политического строя, поскольку именно бюджет дает средства на поддержание этого строя»⁴.

Оппозиция по вопросу о бюджете была, по мнению Парвуса, наиболее мощным «средством парламентской борь-

³Unus. *Die preussischen Landtagswahlen*. «*Neue Zeit*». 1893-1894. Vol. 2. P. 44.

⁴Parvus. *Keinen Mann und keinen Groschen, Einige Betrachtungen über das bayerische Budget*. «*Neue Zeit*». 1894-1895. Vol. 1. P. 81.

был в арсенале тех средств, которыми располагала партия, наилучшим способом выразить свою оппозиционность как таковую. Он не понимал и не принимал такого положения дел, при котором поддержка бюджета теоретически признавалась неправомерной, но осуществлялась в политической практике. «Когда становится невозможным примирить теорию и практику, вывести практику из теории... совершенно очевидно, что одно из двух – или практика или теория ошибочна»⁵.

Эта статья Парвуса положила начало дискуссии внутри социалистического движения, которая продолжалась, то затухая, то вновь вспыхивая с новой силой, вплоть до начала войны. Означала ли поддержка бюджета – даже в тех случаях, когда за счет этого достигались существенные уступки со стороны правительства – поддержку существующего порядка или была просто одним из тактических средств политической борьбы? Следовало ли относиться к ней, как к оппортунизму или как к проявлению политической мудрости? Партия не могла дать ответа, который удовлетворил бы все ее региональные организации. Иными словами, Парвус вскрыл рану, которую нельзя было зашивать. В 1894 году на очередном съезде партии во Франкфурте его участники стали свидетелями первых принципиальных дебатов по этому вопросу. Поскольку Гельфанд не имел мандата и не мог принять участие в съезде, он уполномочил выступить от своего имени Фрица Кундерта, делегата от избирателей города Галле. Кундерт подверг резкой критике Вольмара и баварцев. Однако большинство делегатов предпочли остаться на позициях нейтралитета, и борьба осталась незавершенной. Парвус не одержал победы, но сделал себе имя.

Бруно Шенланк, главный редактор социалистической *Leipziger Volkszeitung*, прочел статью Парвуса с большим интересом. Человек с художественными наклонностями, Шенланк любил экстравагантные выходки. Он распознал в Парвусе как раз такой талант, в котором нуждалась его

⁵ Parvus. *Keinen Mann und keinen Groschen, Einige Betrachtungen über das bayerische Budget*. «Neue Zeit». 1894-1895. Vol. I. P. 86.

газета. Шенланк уже давно задумал совершить переворот в журналистике: из довольно неуклюжего и тяжеловесного средства агитации за социалистические идеи он пытался превратить «*Volkszeitung*» в современную ежедневную газету, которая содержала бы действительно интересные материалы, а также быстро и достоверно информировала читателей о текущих событиях. На этот эксперимент — фактически это означало, что Шенланк вступил в конкуренцию с буржуазной прессой — вся партия взирала с изумлением. Лишь много лет спустя, когда стало очевидным, что лейпцигский эксперимент увенчался успехом, примеру Шенланка последовали другие немецкие социалистические газеты.

В начале 1885 года Шенланк был убежден, что нашел в лице Гельфанда подходящего помощника. Он пригласил молодого человека в Лейпциг и предложил ему должность редактора «*Volkszeitung*». Гельфанд не мог позволить себе отказаться от сделанного ему предложения: оно означало прочное положение в немецкой журналистике, положение, позволявшее ему оказывать влияние на политику партии.

Шенланк не был разочарован в своих ожиданиях. Молодой эмигрант из России доказал свои выдающиеся способности как журналиста. Статьи, написанные им для «*Volkszeitung*», были насыщены фактами, богато аргументированы и убедительны; в них содержался глубокий анализ политической ситуации, затрагивались принципиальные вопросы. Кроме того, Гельфанд нравился Шенланку и чисто по-человечески. Разговор, который они не успевали закончить в редакции, частенько продолжался до поздней ночи за стаканом вина в «Тюрингском дворике». Работоспособность и рвение Гельфанда казались поистине безграничными. После бессонной ночи уже с раннего утра он сидел за своим рабочим столом, свежий, отдохнувший и готовый к дневным трудам. Первые месяцы дружба между Гельфандом и Шенланком была почти идиллической, однако в конце лета 1895 года неожиданно прервалась ввиду расхождения их мнений по принципиальным вопросам.

На партийном конгрессе 1894 года Шенланк вместе с Георгом фон Вольмаром предложил образовать комитет,

который должен был сформулировать программу агитации крестьянства в предстоящем году. Вольмар и Шенланк считали, что социал-демократы должны учитывать интересы мелкого крестьянства и вовлекать крестьянское население в свою организацию.

Шенланк стал членом этого учрежденного на съезде комитета. Однако еще до начала работы комитета Энгельс опубликовал в «*Neue Zeit*» предостережение против возможных идеологических ошибок в аграрном вопросе. Энгельс напомнил немецким социалистам, что постепенная концентрация промышленной и сельскохозяйственной собственности — тенденция к образованию крупных экономических объединений, предсказанная Марксом, — в конечном счете приведет к разорению мелких крестьянских хозяйств. Хранитель огромного наследия Маркса с неудовольствием отнесся к стремлению немецких социалистов выработать тактическую линию в отношении партийной агитации среди крестьян. Он изящно избежал спора, порекомендовав партии вообще «не связываться» с крестьянами.

Карл Каутский и Виктор Адлер открыто высказывались против каких бы то ни было попыток партии заниматься крестьянским вопросом; с другой стороны, Эдуард Давид, бывший учитель из винодельческого пиренейского района, выступал за необходимость выработки конструктивной аграрной программы. Мнения среди членов комитета поделились поровну. Его постановления имели компромиссную форму и не устраивали ни тех ни других. Бебель, занимавший достаточно мягкую, хотя и ортодоксальную позицию, в письме к Каутскому выражал неудовольствие по поводу «вырождения» программы партии. Он просил Каутского рассмотреть постановления комитета, не обращая внимания на имена разработавших их товарищей, «под увеличительным стеклом и обнародовать их»⁷.

Прежде чем Каутский успел откликнуться на предложение Бебеля, Парвус начал в Лейпциге безжалостную кампанию против тех, кто поддерживал аграрную программу.

⁷ Письмо Бебеля Каутскому. 1895, 11 июля. Архив Каутского.

Хотя сам Шенланк намеревался предложить партии одобрить постановления комитета, он обладал достаточной широтой взглядов, чтобы позволить Гельфанду подвергнуть эти постановления анализу на страницах своей газеты. Молодой человек не счел великодушие редактора достаточным для того, чтобы вести себя сдержанно.

В серии своих статей он подверг постановления комитета сокрушительной критике. Если партия ставит своей задачей улучшение существующего порядка, писал он, «то для чего же тогда нужна социал-революционная борьба?»⁸ Целью партии должна быть социальная революция, а не «второстепенные реформы». Главные претензии Гельфанда к решениям комитета заключались в том, что они были недостаточно революционны, а потому нереалистичны и далеки от практики.

В целом взгляды Гельфанда совпадали со взглядами большинства его товарищей, принимавших участие в партийном съезде, прошедшем в 1895 году в Бреслау. После трех дней жарких споров съезд отклонил предложенную аграрным комитетом программу. Тем не менее вынесенное в Бреслау решение не удовлетворяло молодого человека в Лейпциге. Казалось, что его едким замечаниям в «*Volkszeitung*» и «*Neue Zeit*» не будет конца. Даже терпеливый и известный широтой своих взглядов Шенланк не мог вынести такого, переходящего всякие границы, фанатизма. Он не видел другого пути остановить гневные тирады своего помощника, как только уволить его, что он, в конце концов и сделал.

Это могло серьезно повредить карьере молодого человека. К счастью для него, как раз в это время дрезденские социалисты искали нового главного редактора для своей «*Sachsische Arbeiterzeitung*», находившейся в затруднительном финансовом положении. Им был нужен именно такой человек, как Парвус. Они искали на эту должность кого-нибудь, кто смог бы обеспечить газете солидную финансовую основу. Парвус принял предложение. Вынуж-

⁸ Эта серия статей была опубликована в «*Leipziger Volkszeitung*» 18, 19, 22, 24, 31 июля и 1 и 2 августа 1895 г.

денный стремительно ретироваться из Лейпцига, он был полностью вознагражден в Дрездене.

До весны 1896 года «*Arbeiterzeitung*» издавал Грегор Граднауэр, который перешел в берлинскую «*Vorwärts*». Остальные члены редколлегии остались прежними. Одним из них был Эмиль Эйхгорн, который во время революции 1918 года стал главой берлинской полиции. Когда Гельфанд принял на себя управление газетой, к нему на помощь приехал его польский приятель из Швейцарии доктор Юлиан Мархлевский. Кроме того, Гельфанд заручился поддержкой молодой Розы Люксембург, чьи первые статьи в германской партийной прессе появились именно в Дрезденской газете.

В первую очередь Гельфанд занялся финансовым положением газеты. Чтобы сделать ее рентабельной, он попытался приобрести собственные печатные станки, однако кредит, который он запросил, оказался слишком большим и партийный исполнительный комитет в Берлине отклонил эту просьбу. Партийное руководство предпочитало, чтобы местная пресса обеспечивала себя, не требуя финансовой помощи от центра. Лишь берлинская «*Vorwärts*» находилась в привилегированном положении, и ее главный редактор Вильгельм Либкнехт делал все от него зависящее, чтобы его сохранить.

Гельфанда не смутил отказ исполкома: он обеспечил себе поддержку профсоюзов. Их щедрые кредиты наряду с некоторыми частными пожертвованиями обеспечили достаточные средства для покупки печатного пресса. И успех не заставил себя долго ждать. Расчеты Гельфанда оказались верными — финансовое положение газеты вскоре улучшилось настолько, что она начала давать небольшую прибыль⁹.

Что же касается редакционной политики и самого характера газеты, то здесь успехи Гельфанда были гораздо скромнее. Его резкий, непримиримый характер превращал сотрудничество с редколлекцией в довольно сложную про-

⁹ Parvus. *Die deutsche Sozialdemokratie*. «Die Glocke». 1915. P. 30.
Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 21.

блему: ссоры Гельфанда с членами редакции часто останавливались буквально на грани потасовки. В конце концов ситуация стала настолько напряженной, что Гельфанду пришлось переехать в Штутгарт и осуществлять руководство газетой на расстоянии.

Весь облик газеты отражал пристрастия ее главного редактора. Казалось, он забыл все, чему научил его Шенланк. Вместо того, чтобы предложить читателям сжатую информацию, обзор новостей с краткими, острыми комментариями, он печатал серии бесконечно длинных передовиц, часто не уместившихся на первой странице, которые можно было переиздать – как это часто и делалось – в виде довольно больших памфлетов. Он вел себя по отношению к «*Arbeiterzeitung*» так, словно это было его собственное издательское предприятие, предназначенное лишь для того, чтобы без всяких ограничений печатать его, Гельфанда, журналистские опусы. Его бывший наставник Шенланк был потрясен «анархией», царившей в Дрездене. Даже Роза Люксембург, высоко ценившая журналистский талант Гельфанда, назвала «*Arbeiterzeitung*» «самой запущенной газетой»¹⁰.

Однако, как бы ни были шокированы профессиональные журналисты, читатели «*Arbeiterzeitung*» из рабочей среды и, более того, молодые социалисты-интеллектуалы читали статьи Гельфанда с воодушевлением. Их не интересовали догматы журналистики. Гораздо более сильное впечатление производило на них то обстоятельство, что газета незамедлительно реагирует на разгорающиеся политические споры. Им нравилась ее откровенность по отношению к вопросам, которые берлинские газеты, как правило, не освещали, опасаясь нежелательной реакции со стороны правительства. Они с удовольствием читали марксистские трактаты, которые были понятны даже необразованному рабочим. Теперь голос саксонской партийной организации можно было услышать по всей Германии. В самом Дрездене о «русском» или «докторе Барфусе» – так звучало имя Парвус на саксонском диалекте – отзывались с уважением.

¹⁰ *Einige Briefe Rosa Luxemburgs und andere Dokumente.* // «Bulletin of the International Institute of Social History». Amsterdam. 1952. No 1. P. 17.

Пользуясь поддержкой местной организации, Парвус мог оказывать значительное влияние на общественное мнение немецкой партии в целом. В течение двух лет он регулярно выступал на партийных встречах и съездах со своими предложениями и критическими замечаниями остро полемического характера. Он был одержим идеей революции и в одиночку вел ожесточенную борьбу с самодовольством и апатией, присущими многим членам партии. Уже после того, как дискуссия по аграрному вопросу практически сошла на нет, Гельфанд упорно продолжал спор. Вопрос состоял в следующем: следует ли отказаться от попыток получить поддержку у крестьян лишь потому, что такая политика противоречит учению Маркса. Парвус был целеустремленным поборником чистоты марксистских законов развития. С его точки зрения, не теория, а политическая практика нуждалась в хорошей встряске. Он стремился доказать своим немецким товарищам, что им следует пересмотреть свою политику в рамках марксистской теории, что европейские социалисты не могут позволить себе сидеть сложа руки в ожидании гибели капитализма. Стоять на месте означало для него отступить. Он настойчиво убеждал своих соратников, что немецкая партия должна бросить все свои силы на покорение одной пирамиды капитализма за другой.

Он обнародовал свои взгляды на наступательную тактику вскоре после того, как начал работать в дрезденской «*Arbeiterzeitung*». В это время ходили упорные слухи о возможности реакционного переворота, который приведет к отмене всеобщего избирательного права на федеральном уровне. Это дало Гельфанду повод проанализировать на страницах «*Neue Zeit*» эффективность такого средства борьбы, как массовая политическая забастовка. В серии статей, озаглавленной «Переворот и массовая политическая забастовка»¹¹, предпринималась попытка убедить не-

¹¹ *Staatsstreich und politischer Massenstreik*. «*Neue Zeit*». 1895-1896. Vol. 2. P. 199-206, 261-266, 304-311, 356-364, 389-395. В 1897 г. эти статьи вышли отдельным изданием в виде памфлета, под заголовком «*Wohin führt die politische Massregelung der Sozialdemokratie? Kritik der politischen Reaktion in Deutschland*». Цитаты даются в соответствии с нумерацией страниц памфлета.

мецкую партию в том, что хотя она и лишена возможности сражаться на баррикадах против современной армии (немного раньше на этом вопросе останавливался Энгельс), все же она не совсем беззащитна перед мощью государства. Массовая забастовка есть современное оружие партии. Парвус видел в забастовке прежде всего демонстрацию силы, средство защиты, имеющее к тому же то преимущество, что оно не противоречит закону.

И снова вместе с Бернштейном, который впервые затронул вопрос о забастовке в «*Neue Zeit*» пятью годами раньше, Гельфанд положил начало дискуссии о социалистической тактике, которая продолжала занимать участников всех партийных съездов до тех пор, пока не разразилась первая мировая война. Однако сама по себе эта дискуссия, в которой приняли самое активное участие Карл Каутский, Генриетта Роланд-Холст и Роза Люксембург, не представляла для Гельфанда большого интереса. Свое последнее слово по этому поводу он сказал перед началом официальных партийных дебатов, когда в августе 1914 года из средства защиты возвел забастовку в ранг наступательного оружия. Раскол в жизни государства, вызванный забастовкой, добавлял Гельфанд, поставит партию в положение, когда ей придется принять «основное решение»; иными словами, партия должна будет вступить в открытую борьбу за власть в стране. Такая забастовка из «тактики отчаяния», как определял ее Жан Жорес, превратится в «метод революционной борьбы»¹². Тогда Гельфанд не рассчитывал, что сила его аргументов заставит лидеров социал-демократической партии сдать свои позиции. Он несколько не был задет, когда его концепцию массовой забастовки охарактеризовали как «полную чепуху». Он надеялся, что рано или поздно политические события докажут его правоту.

Анализ массовой забастовки позволил Гельфанду посмотреть с новой точки зрения на проблему усиления социалистической борьбы. Он пришел к выводу о необходимости всеобщей и жесткой организации пролетариата.

¹²Parvus. *Der Generalstreik*. // *Aus der Weltpolitik*. Munich. 1904, 16 August.

Социалистические симпатии и даже членство в партии он считал недостаточными. Политическая организация должна быть усилена профсоюзами, которые будут представлять основные материальные интересы рабочих. В этом вопросе мнения Гельфанда снова расходились с точкой зрения Берлинского исполнительного комитета партии, не придававшего особого значения профсоюзам. На партийном съезде, проходившем в Кельне в 1893 году, Бебель заявил, что «по естественным и очевидным причинам... соединяющие нас с профсоюзами нити будут одна за другой обрываться». Гельфанд выразил резкое несогласие с этим утверждением. Он писал: «Ближайшее будущее в Германии принадлежит профсоюзам»¹³. Любая профсоюзная борьба есть классовая борьба, а любая классовая борьба есть борьба политическая. Профсоюзы дополняют и облегчают политическую работу партии, считал Гельфанд.

Упрекая исполнительный комитет партии в организационной вялости, мелких придирках к деятельности профсоюзов, которые не подчинялись непосредственно исполкому, Гельфанд не ограничивался лишь критическими замечаниями. Он вносил множество конструктивных предложений. Социал-демократия, вновь и вновь повторял он в своих статьях, должна учиться тому, как использовать свои собственные силы. Вовлеченные в движение пролетарские массы невозможно удержать одной лишь надеждой на революцию, которая должна произойти в неопределенном будущем. Рабочим нужны близкие и конкретные цели. Одной из таких целей, достижение которой представлялось ему вполне реальным, Гельфанд считал сокращение рабочего дня. Лозунг о восьмичасовом рабочем дне, прозвучавший на учредительном съезде Второго Интернационала в 1889 году, он рассматривал как магическую формулу, которую можно будет использовать для воодушевления масс на более активную борьбу против существующего порядка.

Из Дрездена он добивался принятия двух резолюций Готским съездом 1896 года, которые должны были обязать партию добиваться введения восьмичасового рабочего дня.

¹³ «*Leipziger Volkszeitung*». 1895, 20 and 22 June.

Гельфанда не смутила полученная отповедь: в выступлениях на съезде говорилось, что такие идеи, хотя и оказывают «стимулирующее воздействие», являются тем не менее «утопическими» и что «требования, которые не могут быть удовлетворены, не должны предлагаться в качестве резолюций». Он предпринял новую попытку в следующем году. На проходившем в Гамбурге в 1897 году съезде он предложил, чтобы требование о восьмичасовом рабочем дне стало основным пунктом социалистической платформы на предстоящих всеобщих выборах. Его предложение снова не прошло, и тогда в 1901 году он удивил партию, самостоятельно подготовив проект закона: депутатам-социалистам оставалось лишь предложить этот проект на рассмотрение Рейхстага. Впрочем, на Бебеля выступление Гельфанда в роли законодателя не произвело никакого впечатления. В 1903 году он сообщил дрезденскому съезду, что считает необходимым принятие закона о продолжительности рабочего дня. Однако здесь речь идет о столь важном и сложном документе, что он выступает за то, чтобы закон был подготовлен профессиональными экспертами, например, прусским «Тайным Советом»¹⁴.

Заявление Бебеля вывело Гельфанда из терпения. Такое доверие властям, такая скромность, такое полное отсутствие политической инициативы были уже за пределами его понимания. В бешенстве он напоминает Бебелю, что «полный отказ от любых попыток парламентской инициативы будет означать... только чистую оппозицию. Антиправительственные настроения станут путеводной звездой партийной тактики»¹⁵.

Снова и снова Гельфанд выступает против оптимистических настроений германской социал-демократии, поводом для которых послужило ее освобождение в 1890 году от пут антисоциалистических законов Бисмарка. Ярчайшим свидетельством этого оптимизма стали слова Августа Бебеля: «Буржуазное общество столь стремительно движется

¹⁴ *Protokoll Dresden*. 1903. P. 311 et seq.

¹⁵ *Parvus. Nutzloser Streit*. // «Aus der Weltpolitik». 1903, 31 August.

к своему закату, что нам остается только ждать того момента, когда можно будет поднять власть, выпавшую из его рук»¹⁶.

В атмосфере столь самозабвенных иллюзий планы Гельфанда, предусматривавшие переход к наступательной революционной тактике, казались более чем эфемерными. Все его нападки, словно булавоочные уколы, не могли пробудить достойных членов берлинского исполкома от их оптимистической летаргии. Напротив, пока Гельфанд в своих дрезденских проповедях провозглашал курс на воинствующую революцию, громко зазвучал другой, не менее ясный и отчетливый голос. Это Эдуард Бернштейн начал свою непокойную службу над могилой революции.

В октябре 1897 года вышла в свет первая серия статей Бернштейна, озаглавленная «Проблемы социализма»¹⁷. Автор расходился с общепринятым партийным мнением по целому ряду вопросов, опровергая незыблемые, доселе не подвергавшиеся никакому сомнению положения и догмы. Капиталистическая система, утверждал Бернштейн, вовсе не находится на грани распада. Экономическое развитие последних лет показало, что предсказанные Марксом периодические кризисы проходят не так уж болезненно и не оказывают сколько-нибудь сильного влияния на существующий порядок. Социалистическая партия, внушал Бернштейн, должна внимательно относиться к новым фактам, касающимся капитализма, и делать из них правильные выводы. Вместо пассивного ожидания революции, которая, согласно бытующему ныне в партийной среде мнению, произойдет в самом неопределенном будущем как последствие самораспада капиталистической системы, партии следует объединиться в целенаправленной борьбе за реформу, результатом которой станет улучшение условий существования рабочего класса и демократизация государства.

Бернштейн так искусно замаскировал свои сомнения в правильности основных положений учения Маркса, что поначалу партия не оценила всего значения поставленных

¹⁶ Erfurt Protokoll. 1891. P. 172.

¹⁷ Probleme des Sozialismus Eigenes und Ubersetztes. «Neue Zeit». 1896-1897 and 1897-1898.

им вопросов. И «*Vorwärts*», и «*Leipziger Volkszeitung*» приветствовали его статьи как содержащие «стимулирующие наблюдения», которые, впрочем, могут – хотя только в отдельных случаях – быть неправильно понятым. Даже Карл Каутский, казалось, был поражен временной слепотой: он отнесся к публикациям Бернштейна с «огромной симпатией».

Однако Гельфанд в Дрездене воспринял все это по-другому. Быть может, потому, что после того, как дебаты по аграрному вопросу впервые открыли путь к пересмотру учения Маркса, Гельфанд ожидал и новых нападков на священную догму, а может быть, просто потому, что он прочитал сочинения Бернштейна более внимательно, чем его товарищи. Однако, как бы то ни было, он сразу понял, что удар Бернштейна направлен в самое сердце марксовской доктрины. Он счел, что наступил именно тот момент, когда раз и навсегда следовало показать, действительно ли немецкая социал-демократия стоит на тех принципах, которые декларирует. Гельфанд не мог позволить, чтобы идеи Бернштейна распространялись беспрепятственно и бесконтрольно. Он немедленно взял дело в свои руки, прибегнув к испытанному средству – печатному слову. Страницу за страницей в «*Sächsische Arbeiterzeitung*» посвящал он яростным атакам на идеи Бернштейна, которые Гельфанд считал, ни много ни мало, «разрушением социализма». Сомнения Бернштейна в скором распаде капиталистической системы, в губительном воздействии на нее экономических кризисов доказывали лишь его неспособность мыслить «научно». Немецкие рабочие ни в коем случае не должны, с жаром доказывал Гельфанд, принимать на веру прогнозы Бернштейна о том, что преждевременная революция приведет к «грандиозному поражению» социалистической партии. Затем боевой клич Гельфанда срывался на пронзительный визг: «Дайте нам полгода насилия со стороны правительства – и капиталистическое общество станет достоянием истории»¹⁸.

Выступление Гельфанда произвело на немецких социа-

¹⁸ «*Sächsische Arbeiterzeitung*». 1898, 6 March.

листов впечатление разорвавшейся бомбы: одна за другой их газеты ввязывались в драку. Тем не менее партийные лидеры поначалу воздерживались от публичных заявлений. Наличие разногласий в партии было для них в порядке вещей, и они уже давно привыкли к той роли нарушителя спокойствия, которую зачастую играл редактор «*Arbeiterzeitung*».

Сам Бернштейн надеялся, что его разбушевавшийся презденский критик, быть может, все же утихомирится. Шквальный огонь критики, обрушенный на него Гельфандом, его яростные выпады и весь его революционный пыл были для Бернштейна ничем иным, как пустым сотрясением воздуха, дешевой, способной произвести впечатление лишь на невежд да неучей. «Поистине смехотворно сейчас, по прошествии 50 лет, апеллировать к «Коммунистическому Манифесту», продолжать оперировать понятиями эпохи, политические и социальные условия которой резко отличаются от сегодняшних... Для современного рабочего движения действительно существенное значение имеют не сенсационные баталии, а непрерывная, упорная борьба за завоевание позиций»¹⁹.

Эта статья не произвела желаемого эффекта: ничто уже не могло остановить Гельфанда. Он не прекращал своих нападов, направленных лично против Бернштейна. Он не был знаком с «Эдом» и, в отличие от Каутского, Бебеля или Либкнехта, не чувствовал себя связанным какими-либо личными обязательствами или чувством социалистического товарищества. Члены исполкома поначалу растерянно, а потом возмущенно следили за Гельфандом, позволившим себе выступить в роли Великого Инквизитора и с такой яростью обрушившимся на любимого ученика Фридриха Энгельса. На их глазах их друг и товарищ «Эд» был заклеен как «антисоциалист», как предатель, саботирующий революцию. На голоса, поднятые в защиту Бернштейна, Гельфанд высокомерно не обращал никакого внимания; он вел себя как пророк, бичующий несправедного.

Наконец Гельфанд решил, что на партийном съезде,

¹⁹ Bernstein E. *Kritisches*. Vol. 1. P. 750.

который должен был состояться в Штутгарде в 1898 году, должно прозвучать официальное осуждение заблудшего. Под его влиянием дрезденские избиратели выдвинули проект резолюции, в которой решительно заявлялось, что путем одной лишь реформы нельзя покончить с классовым характером существующего государства, эту задачу можно решить только с помощью революции.

Партийное руководство не могло больше мириться с таким поведением Гельфанда. Перед открытием съезда в письме к Каутскому Бебель откровенно заявил, что он думает о Гельфане: «Этот человек страдает необузданным честолюбием, и предложенная им резолюция свидетельствует о том, что он совершенно не разбирается в ситуации. Для нас было бы самым последним делом, если бы съезд торжественно постановил, что выступает за социальную революцию»²⁰.

В том самом городе, где около семи лет назад Гельфанд вступил в партию, он был подвергнут своими же товарищами первому глубокому унижению. Конечно, штутгартский съезд отклонил тезисы Бернштейна как оппортунистические. Однако с самим автором обошлись довольно мягко: ему было предложено пересмотреть свои идеи, а затем опубликовать их в виде отдельной книги. Но по отношению к Гельфану не было проявлено никакого милосердия. Оратор за оратором брали слово и платили ему его же собственной монетой. Хайте, Ауэр, Фроме, Штадтхаген, Бебель и Либкнехт решительно намеревались поставить Гельфанда на место. Они осудили тон, которым он вел дискуссию, как школярский, бесстыжий и абсолютно неуместный, а также его критические замечания, в которых, хотя в какой-то мере они и были оправданными, отсутствовали чувство меры и серьезная аргументация. Лишь Клара Цеткин, относившаяся к нему сердечно и с пониманием, попыталась высказаться в его защиту, однако ее выступление никого не убедило.

Хотя Парвус и не имел мандата участника съезда, ему

²⁰ *Einige Briefe Rosa Luxemburgs und andere Dokumente.* // Bulletin of the International Institute of Social History. 1952. No 1. P. 10.

позволили сказать слово в свое оправдание. Он сделал это крайне неудачно. Он был озлоблен и разочарован таким поворотом событий, но вовсе не собирался отказываться от намерений окончательно свести счеты с Бернштейном. Статьи Гельфанда в «*Arbeiterzeitung*» были просто пробой сил. В то время как общепартийная дискуссия выродилась в личные ссоры и перебранки, а многие социалистические лидеры предпринимали отчаянные попытки прекратить инцидент и затушить скандал, Парвус занялся дальнейшим анализом аргументов Бернштейна, вознамерившись разобрать его теорию буквально по косточкам.

Прежде всего он решил разделаться с сомнениями Бернштейна в губительном воздействии кризисов на капиталистическую систему. Текущий экономический кризис, допускал он, действительно имеет мало общего с идеалами Маркса. Это Бернштейн понял совершенно правильно. Гипотеза Маркса о существовании десятилетних циклов оказалась неверной по той причине, что развитие капитализма проходило в условиях, отличных от тех, что преобладали в середине девятнадцатого века. Экономика преодолела национальные барьеры, в результате чего образовался единый мировой рынок, который и стал регулятором цикличности кризисов. Подъемы и спады начали отражать ситуацию на мировом рынке: когда он становился слишком мал для произведенной продукции, разражался кризис; когда он расширялся – за счет, скажем, включения в него России или Америки, или колонизации Африки или Дальнего Востока, – происходил бум. И потому, хотя причины и формы кризисов претерпели определенные изменения, сами кризисы не исчезли. Парвус шел еще дальше, предсказывая, что кризисы будут оказывать даже более серьезное влияние на капиталистическую экономику, чем сорок лет назад предвидел Маркс.

Исследования в области финансов и экономических кризисов, земельной ренты и законов, управляющих мировым рынком, стали основным времяпрепровождением Гельфанда. Здесь проявились его способности как теоретика. В своих изысканиях он предвосхитил идеи, которые в настоящий момент общеприняты повсеместно. Теперь окон-

чательно признано, что для экономики не существует национальных границ, что развитие мирового рынка шло по пути объединения, что Европа испытала на себе сильное экономическое и политическое влияние со стороны двух новых мировых держав – России и Америки. Однако в конце прошлого века немецкие социалисты не имели обо всем этом ни малейшего представления.

Когда в 1900 году Рейхстаг начал обсуждение преимуществ и недостатков свободной торговли, руководство социалистической партии заявило, что эта проблема является внутренним делом буржуазии и совершенно «чужда» партии. Выступления Гельфанда в поддержку свободной торговли, которая, по его мнению, могла быть в некоторых отношениях выгодной и для пролетариата, не нашли поддержки в партийных кругах. Уже в 1900 году Гельфанд предвидел развитие событий, которое приняло конкретные, зримые формы лишь спустя полвека: «Несмотря на всякого рода помехи, развитие мирового рынка достигло впечатляющих успехов. И его результаты в настоящий момент проявляются в переходе от конкуренции между отдельными промышленными государствами к конкуренции между целыми континентами. Для того, чтобы выиграть в этой грандиозной гонке, непременным условием для Западной Европы является свободная торговля. Европа страдает больше, чем когда бы то ни было, от политики сохранения малых государств [Kleinstaaterei]. И хотя государства увеличиваются в размерах, исторические мерки тоже растут, причем гораздо быстрее. В этом проклятие политической традиции. Свободная торговля покончит с этим, она создаст большие группы наций, она приведет к образованию Соединенных Штатов Европы»²¹.

Такие фантазии в Германии никто не принимал всерьез. Куда больший отклик получили предложения Гельфанда по вопросам тактики, выдаваемые им в ходе дебатов о ревизионизме. Не было такого члена партии, который не посчитал бы себя достаточно компетентным, чтобы при-

²¹ Parvus. *Die Industriezolle und der Weltmarkt*. // «Neue Zeit». 1900-1901. Vol. I. P. 783 et seq.

нять участие в дискуссии по вопросам тактики социалистической революции. Все они хотели революции, но не считали нужным бороться за нее, надеясь, что она придет сама. Ведь по их мнению, режим и так шел навстречу своей неминуемой гибели. И потому первейшим долгом рабочего класса было хранить терпение и ожидать перемен («Не поддадимся на провокации!»). Август Бебель, который был превосходным оратором и оказывал поистине гипнотическое воздействие на своих слушателей, особенно отличался своими фантастическими грезами о грядущем крахе капиталистической системы. Это была иллюзия, о которой Эдуард Давид проницательно заметил, что ее «матерью стала марксистская теория кризисов, а отцом – вера Энгельса в близость войны»²².

Конечно же, Парвус, как и Бебель, хотел скорейшего прихода революции. Но он придерживался совершенно иных взглядов на вопрос об агрессивности капитализма и власти мощной социалистической организации. Ожидание и бездеятельность были для него совершенно неприемлемой тактикой, и в этом отношении он был полностью согласен с Бернштейном. Он искал способов согласовать ежедневную практическую партийную работу с конечной целью партии, он ратовал за постепенное перерастание утопии в революцию. Гельфанд понимал, что его мысли по поводу рутинной работы партии во многом согласуются с идеями Бернштейна. Тем не менее, главной целью Гельфанда была революция, и здесь он не оставлял места сомнениям; он считал, что только революция может привести к уничтожению классового общества. Когда Бернштейн захотел подвигнуть партию на активные действия в промежуточный период, он мог рассчитывать на полную поддержку Гельфанда. Германские социалисты, привыкшие мыслить в категориях «или–или», были весьма озадачены, когда в последующие годы Бернштейн и Гельфанд образовали альянс по вопросам тактики.

В 1899 году Вольмар, в преддверии выборов, пришел к

²² David E. *Die Eroberung der politischen Macht.* // «Sozialistische Monatshefte». Berlin. 1904. Vol. 1, P. 16.

ограниченному соглашению с баварской центристской партией. Он рассчитывал – и, как показало время, не напрасно – удвоить число мест, отведенных социалистам в Мюнхенском парламенте. Роза Люксембург немедленно забила тревогу, чтобы предотвратить заключение союза с классовым врагом. Последователи Бернштейна были поражены поведением Гельфанда, который выразил резкое несогласие с позицией Розы Люксембург. Что бы ни говорила его приятельница Люксембург, утверждал он, но одиннадцать депутатов лучше, чем пять. Брать в расчет надо только силу и возможность ее применения – таково было мнение Гельфанда²³.

Такая позиция заставила окружающих впервые усомниться в том, действительно ли Гельфанд был радикальным марксистом, каким казался до сих пор. Разве Вольмар не был просто рупором Бернштейна и активным апологетом оппортунизма? Парвус отверг такую точку зрения: приемлемы любые методы, которые способствуют усилению партии, заявил он. Его цели стали более ясными во время обсуждения вопроса о вице-президентстве в 1903 году.

В этом году социал-демократическая партия стала второй по своему влиянию на Рейхстаг и потому могла претендовать на выдвижение своего кандидата на пост вице-президента парламента. Бернштейн сразу же выступил за то, чтобы социалисты использовали эту возможность. Бебель резко отверг его предложение: вице-президент должен появляться при дворе и соблюдать его протокол, а это неприемлемо, более того, постыдно для социалиста. Вступив в дискуссию, Гельфанд заявил, что хотя протокол будет довольно горькой пилюлей, ее следовало бы проглотить ради усиления позиций партии. Считая, что в случае занятия этого поста социалистом позиции партии и ее влияние усилятся, Гельфанд встал в этом споре на сторону Бернштейна, «хотя это и был Бернштейн»²⁴.

²³Luxemburg R. *Gesammelte Werke*. Vol. 3. P. 408 et seq., 419, 423 et seq.

²⁴Parvus. *Nutzloser Streit*. // «Aus der Weltpolitik». 1903, 31 August.

Друзья и враги Гельфанда с трудом верили своим ушам. Никогда прежде им не приходилось встречаться со столь противоречивой позицией, базирующейся на логической системе, в рамках которой сосуществовали, уравновешивая и дополняя друг друга, эволюция и революция. Бебель окончательно вышел из терпения и на дрезденском съезде 1903 года огласил свой приговор Гельфанду: «Взгляните на Парвуса (смех); еще совсем недавно любой из нас мог поклясться, что перед нами несгибаемый радикал, а теперь эта гордая твердыня радикализма, этот колосс... лежит в руинах... Естественно, как бывший радикал, он сломлен иначе, чем это бывает с ревизионистами, но все же сломлен»²⁵.

Теперь Парвус осознал, что в результате тактических изысканий слишком отдалился от своих товарищей и потерял возможность доступно излагать свои взгляды. Концепции революции и каждодневной рутинной работы партии были слишком расплывчаты, чтобы позволить Гельфанду четко и ясно изложить свою позицию. Он начал искать примеров в истории рабочего движения и нашел – у Фердинанда Лассалья. Лассаль, писал он одному из своих друзей, правильно понял, уже после революции 1848 года, что пролетариат не может обособиться от государства, а напротив, должен всячески усиливать свои позиции в рамках государственной структуры. «Я не раз повторял, что пролетариат в своей политической борьбе не должен стоять вне общей жизни государства. Наоборот, он должен приложить все усилия, чтобы использовать в своих интересах классовые разногласия и противоречия. Однако на практике парламентская оппозиция зачастую вырождается в некое подобие буржуазной демократии»²⁶.

Гельфанд воспользовался примером Лассалья также и для того, чтобы продемонстрировать свое отношение к той части оппозиции, которая образована партиями среднего класса – вопрос, возникший в связи с союзом Вольмара с

²⁵ *Protokoll Dresden*. 1903. P. 311.

²⁶ Парвус Аксельроду. 1904, 18 января. *Социал-демократическое движение в России*. Изд. А. Н. Потресов и Б. И. Николаевский. М. 1928. С. 109.

центристской партией. Гельфанд указывал, что Лассаль добился отделения рабочих от среднего класса и создал самостоятельную организацию рабочего класса. Впрочем, он поддерживал либеральные и прогрессивные группы, если их цели совпадали с целями пролетариата, в противном же случае без малейших колебаний подвергал буржуазию резкой критике. По мнению Гельфанда, социал-демократам следовало вести себя так же, как некогда Лассаль: они должны быть готовы при определенных условиях оказать либералам поддержку, а в случае необходимости выступить как против правительства, так и против них.

Партийное руководство мало прислушивалось к рекомендациям Гельфанда. Со своей стороны, он не очень заботился о том, чтобы товарищи благосклонно отнеслись к его выступлениям. Напротив, незадолго до Любекского съезда 1901 года, он решил предпринять окончательную, жесточайшую атаку на Бернштейна и его последователей. На этот раз его выпады были еще более резкими, чем в 1898 году.

Без ведома Каутского – редактор «*Neue Zeit*» в это время отсутствовал в связи с летними каникулами – Парвус опубликовал в журнале серию статей под заголовком «Оппортунизм на практике». Его главными мишенями были Бернштейн, Вольмар и Игнац Ауэр, глава партийной организации, опытный политик и старейший член исполкома. Назвав Ауэра «ангелом-хранителем оппортунизма», Гельфанд обвинил его в том, что он ставит свою политическую деятельность выше любых идеологических колебаний. Как «полнокровный немец» он ни в коей мере не был таким «сверхпроницательным», каким его обычно считали. О ревизионизме Бернштейна Гельфанд высказался как о мешанине устаревших буржуазных идей, которыми тот пытался подменить учение Маркса и Энгельса.

«Сейчас пересмотр наших партийных принципов возможен лишь в плане смещения влево... в смысле усиления политической активности,.. интенсификации социал-революционного движения,.. реализации дерзких замыслов и демонстрации воли, а ни в коей мере не проявления

боязливой, сдержанной мягкотелости»²⁷. Бернштейн растрачивал накопленный революционный капитал по мелочи, а восторженные сторонники буржуазных социальных реформ представляли собой «хор, воспевающий его героические подвиги».

С капитализмом можно сражаться, настаивал Гельфанд, лишь с позиций социальной революции. «Пролетариат может быть либо могильщиком, либо жертвой капитализма»²⁸.

Причины, побудившие Гельфанда к возобновлению атаки на ревизионистов, носили двойственный характер. Исходя из личных соображений, он решил, что наступил подходящий момент для очередного критического выступления. Помимо этого, он руководствовался и политическими мотивами. Он рассчитывал, что возмущение ревизионистов резкостью его тона и их ответная критика послужат для его последователей надежным прикрытием для проведения контратаки. Он объяснил это в письме к Каутскому: «Теперь они могут, браня мою ругань, и таким образом, сохраняя некоторое преимущество, представлять нашу общую точку зрения не стесняясь в выражениях; получается, что они воюют под прикрытием... Я очень сомневаюсь, что без этого прикрытия они сражались бы столь же отважно»²⁹.

Август Бебель почувствовал, что в Любеке может произойти настоящая катастрофа. Он не считал, что очерки Гельфанда в «*Neue Zeit*» есть своего рода провокация, увидев в них «объективную, хотя и не всегда корректную критику». Однако в письме Каутскому он высказывал опасение, что спекулянты эмоциями, у которых Парвус «уже давно сидит в печенках», могут окончательно потерять терпение. «Вы даже не представляете, — писал он в конце

²⁷ Parvus. *Der Opportunismus in der Praxis*. «*Neue Zeit*». 1900-1901. Vol. 2. P. 746.

²⁸ Там же. С. 794.

²⁹ Парвус Каутскому. 1901 г. // *Einige Briefe Rosa Luxemburgs und andere Dokumente*. 1952. No 1. P. 27.

письма, — как велика в партии враждебность по отношению к Парвусу и Розе (Люксембург), и хотя я не думаю, что нам следует принимать это предубеждение во внимание, все же вовсе не принимать его в расчет мы не можем»³⁰.

События, происшедшие на Любекском съезде, оказались даже более драматичными, чем ожидал Бебель. На Парвуса и Розу Люксембург (которая сама совсем недавно выступила с сокрушительными нападками на французских социалистов) обрушился буквально шквальный огонь критики. Бебель, не желавший подливать масла в огонь, сохранял осторожную сдержанность. По его мнению, сказал он, требуется «определенная бестактность, чтобы выставлять, можно сказать, ведущих деятелей партии почти нагишом на всеобщее обозрение».

Однако враги Гельфанда и Розы Люксембург не собирались сдерживаться. Ричард Фишер отозвался о них как о «литературных бандитах». Эрхардт, делегат от Людвигсхафена, выразил свою неприязнь к иммигрантам с востока: по его мнению, «выходцы с востока» осквернили партийную жизнь. Вольфганг Гейне, берлинский адвокат и один из самых известных приверженцев Бернштейна, превзошел самого себя: трудно было усомниться, что его нападки на Гельфанда и Люксембург носили откровенно антисемитский характер. И хотя съезд в конечном счете осудил взгляды Гейнс, тем не менее, даже загнанные в подполье, эти взгляды могли причинить иммигрантам немалый вред.

Яростные атаки делегатов любекского съезда не произвели на Гельфанда ни малейшего впечатления. Он не собирался отказываться от своих взглядов и поступаться принципами, он считал, что его полемические высказывания нуждаются не в оправданиях, а, в лучшем случае, только в объяснениях. После съезда он писал Каутскому: «Более чем когда-либо пролетариат нуждается в открытом, ясном, бесстрашном голосе, который с одинаковой бескомпромиссностью даст оценку как происходящим событиям, так и людям. Этот голос многие не примут, от него многие

³⁰ Бебель Каутскому. // Einige Briefe Rosa Luxemburgs. 1901, 4 September. P. 26.

отвернутся. Он будет раздражать тех, кто думает иначе, он будет ранить нерешительных и колеблющихся, он будет оскорблять мягкотелых. Но если это голос истины, то в будущем его ожидает тем больший триумф, чем больше его отвергают и поносят в настоящем»³¹.

Открыто Гельфанд добавлял: «Революционный дух говорит грубым языком». В этот момент молодой человек счел для себя необходимым прибегнуть к словам Мартина Лютера: «Я не знаю иного пути, кроме вдохновения и ярости; когда я хочу хорошо писать, хорошо молиться и хорошо проповедовать, я должен ощутить в себе ярость». Дискуссию о том, что допустимо в партийных дебатах, Гельфанд завершил таким высказыванием: «Я стою на том, что сотня грубостей предпочтительней одного лицемерного слова»³².

Задолго до того, как Парвус выслушивал в Любеке критику в свой адрес, он лишился того стабильного положения, которое давала ему редакторская должность в дрезденской «Arbeiterzeitung». Для того чтобы представить дебаты о ревизионизме во всей их полноте как единый процесс, нам пришлось несколько нарушить хронологию нашего повествования и в каком-то смысле забежать вперед, предвосхитить развитие событий. В действительности Парвус и его друг Мархлевский были высланы из Саксонии еще в конце 1898 года стараниями местной полиции, которая не желала больше мириться с их присутствием и деятельностью в Дрездене. Поначалу Парвус пытался влиять на редакционную политику газеты из Геры, столицы соседнего герцогства Реус. Чтобы быть абсолютно уверенным в политической линии газеты, он назначил своим преемником Розу Люксембург.

Однако обстоятельства складывались для него удачно лишь на протяжении короткого времени. Не прошло и нескольких месяцев, как его вместе с Мархлевским выслали и из Геры. Теперь друзья вынуждены были искать более

³¹ Недатированное письмо. Архив Каутского.

³² Parvus. // «Aus der Weltpolitik». 1904, 31 December and 1905, 5 January.

надежное и безопасное пристанище. Выбор был невелик и пал, в конце концов, на Баварию, где их старый оппонент Георг фон Вольмар проявил достаточное великодушие и выхлопотал для них вид на жительство.

Вынужденный переезд Гельфанда в Мюнхен означал, что из самого центра ему придется переместиться на периферию партийной жизни. Однако ему почти нечего было терять – ни в плане положения, ни в плане влияния: нападки на Бернштейна лишили его последних симпатий берлинского исполкома; даже издатели социалистической прессы больше не проявляли интереса к его памфлетам. После любекского съезда его былой покровитель Каутский стал отказывать Гельфанду в публикациях его статей в «*Neue Zeit*»: между 1901 и 1906 годами главный печатный орган германской социал-демократической партии не опубликовал ни единого слова Гельфанда.

Действительно, в начале столетия складывалось впечатление, что карьера Гельфанда в немецкой партии идет к преждевременному концу. Была определенная доля правды в мнении исполкома – в течение многих лет он был невыносим. Однако он не был просто склочником и скандалистом. Гельфанд имел свое собственное мнение о немецкой партии. Он думал о ней, как о партии, унаследовавшей огромное достояние – революционное учение Маркса, и содрогался при мысли о том, что этот капитал может быть растрочен впустую, разменян на проведение реформистской политики... Избрав себе новую родину, он все же оставался русским интеллектуалом в достаточной степени, чтобы быть одержимым идеей реальности и близости социальной революции. На этой стержневой для него идее были сосредоточены все его помыслы.

Но его разочарования, связанные с немецкой партией, окупались с лихвой. Плеханов и другие, более молодые деятели русского социалистического движения – Мартов, Потресов и Ленин, с восхищением и восторгом поддержали Гельфанда в его борьбе с идеями Бернштейна. В то время как Бебель и Каутский радовались тому, что им удалось заставить замолчать «литературных бандитов», русская партия чрезвычайно высоко оценила деятель-

ность Парвуса. Плеханов, который лично недолюбливал Гельфанда, публично благодарил его за статьи в «*Sächsische Arbeiterzeitung*»³³. Ленин в письме к своей матери из Сибири просил прислать ему копии статей Гельфанда в «*Arbeiterzeitung*». Мартов перевел на русский язык серию его статей из «*Neue Zeit*», озаглавленную «Оппортунизм на практике», и назвал их, предваряя публикацию в печатном органе русской партии «*Заря*», «мастерски выполненным анализом»³⁴.

Итак, действительно, уже перед любекским съездом казалось, что Гельфанд может встать на путь, который приведет его обратно к истокам – в ряды русской социал-демократической партии.

³³Plekhanov G. *Erörterungen über die Taktik. Wofür sollen wir ihm dankbar sein? Offener Brief an Karl Kautsky*. «*Sächsische Arbeiterzeitung*». 1898, 30 October and 2 and 3 November.

³⁴Заря, №. 2-3. 1901.

ШВАБСКАЯ ШТАБ-КВАРТИРА

Не случайно на рубеже столетий Гельфанд начал сближаться с русскими эмигрантами. Суть его личной и политической дилеммы начала проясняться уже в 1896 году, вскоре после его первой встречи с Александром Потресовым, одним из самых молодых российских марксистов. На Потресова Гельфанд произвел сильное впечатление, и он предпринял попытку вовлечь его в российское революционное движение. Он предложил Парvusу стать членом российской делегации на приближающемся Конгрессе Второго Интернационала в Лондоне. Плеханов, предпринявший за несколько лет до этого аналогичную, но безуспешную попытку, сначала возражал против этого предложения, затем, однако, изменил свое мнение, и Гельфанд был приглашен.

Но тут вдруг возникли сложности, причем по вине самого Гельфанда, который рассчитывал также на мандат от немецкой партии и поэтому хотел принять приглашение от России при условии, что ему позволят выполнять основную работу в составе немецкой делегации и даже голосовать вместе с ней. Вместе со своей приятельницей Розой Люксембург он почти определенно собирался голосовать против России по польскому вопросу. Однако его надежды оказались тщетными. Ему не был предложен мандат от партии Германии, и он был вынужден отказаться от своих условий. Лучше было попасть в Лондон в качестве представителя России, чем не попасть туда вовсе. И Гельфанд в конце концов выбрал этот путь.

Несмотря на некоторые особенности его поведения, русские продолжали относиться к Гельфанду с уважением и даже почтением. В Лондоне, хотя он и не смог выступить на пленарных заседаниях Конгресса, он был председателем нескольких заседаний российской делегации – великодушный жест таких выдающихся деятелей движения, как Плеханов и Вера Засулич.

Однако все заигрывания с Гельфандом со стороны российской эмиграции оказались бесполезными. По его возвращении из Лондона в Германию оказалось, что работа в дрезденской «*Arbeiterzeitung*» не оставляет ему времени для участия в русском революционном движении. Борьба с Бернштейном полностью занимала его до лета 1898 года. Последующая высылка из Саксонии и переезд в Мюнхен вновь пробудили его интерес к России и постепенно сблизили с русскими товарищами.

События, происходящие в стране, где он родился, также привлекали внимание Гельфанда. Столетие завершилось в России на резкой, тревожной ноте. В начале 1899 года мощная волна забастовок подорвала молодую, находящуюся в стадии становления промышленность Империи. Если бы российские социалисты знали об отчете главы московской полиции, они могли бы гордиться: он считал, что «их успех имеет чрезвычайно опасные и пагубные последствия для государства, принимая во внимание, что забастовки представляют собой начальную школу политического образования рабочего класса. Они подтвердили веру масс в собственные силы, научили их более практическим методам борьбы, воспитали и позволили выделиться одаренным личностям и талантливым организаторам рабочего движения. Они еще более убедили рабочий класс в необходимости объединения, в силе сплоченности и в преимуществах коллективной борьбы. В то же время они сделали рабочих более восприимчивыми к социалистическим идеям, к которым еще недавно относились как к праздным, пустым мечтам. В этой узкоместной борьбе во всем мире развилось осознание единства интересов рабочего класса. Она дала также понимание того, что политическая агитация в социал-демократическом духе является необходимой для достижения победы. Настоящая ситуация является столь тревожной, а деятельность революционных агитаторов столь активной, что для борьбы с ними потребуются объединенные усилия со стороны властей всех уровней»¹.

Кроме волнений в среде рабочих, беспорядки наблюда-

¹ *Annual Register*. 1899. P. 301.

лись также в университетах. В феврале произошло столкновение студентов Санкт-Петербургского университета с полицией. Яростные митинги протеста против действий властей были проведены в университетах всей страны. Затем высшие учебные заведения были закрыты и была назначена императорская комиссия. В марте, пока ее члены обсуждали университетские реформы, все студенты были исключены. Желаящиеся восстановиться должны были подавать индивидуальные прошения, принимая тем самым обязательство безоговорочно выполнять университетский устав. Голод, еще более жестокий, чем голод 1882 года, о котором Гельфанд писал в берлинской газете «*Vorwärts*», привел к возмущениям как среди рабочих, так и среди студентов. Царское правительство понимало всю серьезность положения в деревне: в бюджете, опубликованном в начале года (календарный и финансовый годы в России совпадали), 35 млн. руб. было выделено в помощь голодающим. Но ни правительство, ни Красный Крест, работавший в наиболее пострадавших районах, не могли оказать достаточную помощь голодающим крестьянам России. Возмущения 1899 года способствовали возвращению некоторых революционеров из эмиграции на родину. Вера Засулич нелегально пересекла границу незадолго до Гельфанда.

В начале мая 1899 года Гельфанд выехал из Мюнхена в Россию с австро-венгерским паспортом на имя чеха Августа Пена. Вместе с ним ехал его друг Леман, социалист, доктор медицины. Леман был старше Гельфанда и именно он оплачивал большую часть расходов, связанных с этим путешествием. Это был идеалист, начавший заниматься медициной уже в зрелом возрасте. Принадлежа к обеспеченной семье, он вступил в нелегальную тогда еще партию в начале восьмидесятых годов.

Путешествие, по крайней мере для Парвуса, было сопряжено с некоторыми переживаниями. Когда поезд подошел к русской границе, Парвуса, по его собственному признанию, охватило чувство «неуверенности и любопытства»². Он отнюдь не исключал возможности закончить

²Ichmann C. and Parvus. *Das hungernde Russland*. P. 6.

путешествие в Сибири. «Поезд затормозил. Мы стояли в дверях вагона – и, словно вросшая в землю, перед нами возникает абсолютно неподвижная, крепкая и коренастая фигура в серой военной форме. Первый русский жандарм. Первое, что мы увидели в России. Не меня выражения лица, он протянул руку и произнес всего одно слово: «Паспорт»³. Вручив ему паспорта, Парвус и Леман вышли из поезда и вместе с другими пассажирами проследовали в большой и плохо освещенный зал. В огромном ангаре, где находилась таможня, располагалась длинная стойка в форме полумесяца; таможенники стояли внутри, пассажиры снаружи. Позади, за таможенниками, стоял стол начальника, а на нем яркая лампа, единственная на все помещение. Таможенники проверяли только подлинность паспорта и просматривали литературу, которую везли пассажиры. Они заглядывали в «черную книгу» – список лиц, считающихся русскими властями нежелательными. У Гельфанда были все основания для того, чтобы нервничать. Он путешествовал с поддельным австро-венгерским паспортом и состоял на заметке у русской полиции. Тем не менее все обошлось благополучно, и ему был разрешен въезд в страну, которая была его родиной, в страну, из которой он уехал 12 лет назад.

Поезд шел в Санкт-Петербург через Ковно и Псков. Когда путешественники проснулись на следующее утро, до столицы оставалось меньше половины пути. За ночь все их вещи покрылись толстым слоем пыли. И сами запорошенные пылью друзья-социалисты смотрели в окно. Ландшафт был унылый и безлюдный. Казалось, что людей замело пылью. Песчаные равнины восточной Пруссии казались теперь обоим путешественникам землей обетованной. Нишь один объект привлек их интерес и нарушил однообразие путешествия: около двух часов дня – за час до прибытия в Санкт-Петербург – путешественники увидели мрачный Гатчинский дворец, где провел большую часть своего царствования Александр III. Ему там было одиноко, иго он мог не опасаться покушений со стороны террористов.

³ Lehmann C. and Parvus. *Das hungernde Russland*. P. 11.

Друзья провели несколько дней в Санкт-Петербурге. Ни один из них никогда прежде не был в столице, и они доставили себе удовольствие, проводя время, как обычные туристы. Они восхищались великолепной архитектурой, поражаясь тому, как белые ночи меняют жизнь обитателей города. Казалось, что стиралась грань между ночью и днем; после полуночи улицы были такими же многолюдными, как и днем. Они посетили также Петропавловскую крепость с ее тюрьмой, одной из наиболее страшных в России: несколькими годами позже Гельфанду придется познакомиться с ней более тесно. Из Петербурга они проследовали в Москву, более «русский» (что для Гельфанда означало более «азиатский») город, чем Петербург. Они были изумлены количеством пиктограмм, используемых в качестве вывесок магазинов – в помощь неграмотным. Леман захватил с собой фотоаппарат, последнее изделие фирмы Цейс. Какая-то элементарная неисправность вывела его из строя, и доктор потратил уйму времени на поиск кого-нибудь, кто смог бы починить фотоаппарат.

Из Москвы друзья отправились в длительное и тяжелое путешествие – в Нижний Новгород, затем вниз по Волге в Казань, оттуда на Каму и затем вверх по реке до маленькой пристани Мурзиха, самой восточной точки их маршрута. После короткой остановки они повернули на юг, в Самарскую губернию. Из Оренбурга они отправились в Самару, расположенную на Транссибирской железной дороге; оттуда снова вверх по Волге до Симбирска и затем обратно в Москву, Варшаву и Германию. Все путешествие заняло у них несколько месяцев, и за это время они покрыли более 5000 миль. Главной целью этого путешествия было подробное исследование областей, пораженных голодом.

Вернувшись в Мюнхен, Гельфанд и Леман до конца 1899 года писали книгу. Во время путешествия Леман вел дневник, а также записи по вопросам медицины. Кроме того, им были написаны отчеты о пребывании в Санкт-Петербурге и Москве. Гельфанд написал большую часть книги и отредактировал ее: в ней легко узнаются его политические пристрастия. Они отправили окончательный вариант рукописи вместе с кипой фотографий, выполненных Леманом,

своему издателю Дитцу в Штутгарт в начале следующего года.

Хотя эта книга до сих пор остается ценным историческим источником, она начисто лишена какой бы то ни было живости и носит ярко выраженный пропагандистский характер. И действительно, выдержки из нее позже были использованы во Франции социалистами в качестве документов против предоставления Францией займов царскому правительству. Сами авторы определили цель написания этой книги следующим образом:

«Всемирная выставка в Париже, а до того в Чикаго дала русскому правительству прекрасную возможность для саморекламы. За счет искусного оформления оно нарисовало перед посетителями картину богатства и изобилия. Не старое ли это искусство создания Потемкинских деревень? Мы уже давно знаем, что Россия – земля, богатая природными ресурсами. Но что нас всегда поражало, так это то, как мало она использует эти ресурсы, как бедна она, несмотря на все эти богатства. Изменилось ли что-нибудь теперь? Эта книга показывает обратную сторону медали: официальная царская Россия представляет Россию изобильной, наша книга представляет Россию голодающей»⁴.

В книге есть несколько интересных и очевидных умолчаний. За исключением двух автобиографических отрывков – одного, касающегося пожара в Березино, воспоминания о детских годах Гельфанда, и другого – о его стычках с таможенными властями после первого посещения Швейцарии в 1886 году – в книге больше ничего не говорится о самом Гельфанде. Он даже не упоминает о том, что путешествовал по поддельному паспорту, что могло бы объяснить читателю его нервозность – о чем он пишет – на границе. Он не пишет о том, что по крайней мере кто-то один из его родителей еще жив и живет в России, и маловероятно, что он сделал крюк, чтобы повидаться с ними. Нет здесь ничего и о том, пытался ли Гельфанд встретиться

⁴Предисловие к *Das hungernde Russland*.

с лидерами социалистического движения в России. Есть лишь сдержанное упоминание о посещении «знакомых» в окрестностях Москвы⁵: в действительности Гельфанд и Леман встречались с Потресовым и обсуждали с ним планы издания за границей русской социалистической газеты.

После возвращения Гельфанда в Мюнхен его отношения с русскими эмигрантами стали более тесными. Баварская столица в это время притягивала к себе многих русских студентов и политических эмигрантов. В конце лета 1900 года Ленин и Потресов – Мартов присоединился к ним чуть позже – тоже приехали сюда. Эти три революционера встречались в России в мае и решили начать издание зарубежной газеты; Гельфанд помогал им в выборе места. Из Германии Ленин и Потресов ненадолго съездили в Женеву, где встретились с Плехановым и Аксельродом. Ленин и его друг поделились своими планами со «стариками», которые стали возражать против предложения издавать газету в Германии. Плеханов хотел, чтобы она выходила под его редакцией в Женеве; он явно не желал менять свое комфортабельное легальное прибежище на связанное с риском нелегальное положение в Баварии. В конце концов два молодых революционера все же вернулись в Германию, буквально вырвав у Плеханова благословение.

Они не теряли времени зря. В начале ноября Ленин написал передовицу о партийной печати и организации, которая и была опубликована в одном из первых номеров «Искры». Газета была отпечатана в типографии немецких социал-демократов в Лейпциге, на специальной папиросной бумаге убористым четким шрифтом. Все ее материалы свидетельствовали о вкусах и пристрастиях молодого поколения русских революционеров.

В то время, как Плеханов и Аксельрод организовали свою марксистскую группу в эмиграции, в отрыве от родины, Ленин и его друзья избрали иной путь. Они связали свою революционную карьеру с Россией; они прошли через тюрьмы и сибирские ссылки; они прибыли в эмиграцию, будучи уже опытными конспираторами, прекрасно зная

⁵Lehmann C. and Parvus. *Das hungernde Russland*. P. 32.

трудности, с которыми сопряжена организация массового социалистического движения в условиях России. Они были более практичными, твердыми и безжалостными, чем эмигранты старшего поколения — Плехановская когорта. Они знали цену тесных связей с родиной; они создали подпольную сеть в России и намеревались воспользоваться ею. Это означало, что они должны были поставлять своим товарищам на родине политические директивы и материалы, которые могли быть использованы агитаторами. Они решили выпускать свою газету в Германии, поскольку это облегчит ее отправку в Россию; при выборе ее размеров и веса учитывалось, что переправлять ее придется контрабандой. В первом же номере газеты проявилась заинтересованность Ленина в сильной, действенной партии. Это предвещало создание двумя годами позже партии профессиональных революционеров под его руководством.

Проявляемые молодым поколением русских революционеров качества импонировали Гельфанду; после знакомства с ними он стал критически относиться к Плеханову и его товарищам.

Ленин впервые встретился с Гельфандом в Мюнхене. Он был на три года моложе и достаточно хорошо наслышан о Парвусе. В марте 1899 года он рецензировал сборник очерков о кризисе в сельском хозяйстве, переведенных на русский язык и принадлежащих перу Парвуса; он писал об авторе как о «талантливом немецком публицисте»⁶. Через несколько месяцев Ленин просил свою мать переслать ему в Сибирь антиревизионистские статьи Гельфанда⁷.

Гельфанд не хвастался, когда позже писал, что именно он убедил редакторов «Искры» поселиться в Мюнхене⁸. Этот город был удобен для русских революционеров во многих отношениях, а Гельфанд мог оказывать им здесь много различных услуг. Ленин жил в Мюнхене нелегально по болгарскому паспорту, добытому для него Христо Раковским, богатым молодым социалистом из Добруджи.

⁶Collected Works. Vol. 4. P. 51 et seq.

⁷The Letters of Lenin. Edited by Hill E. and Mudie D. London. 1936. P. 96.

⁸Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 8.

Ленин старался по возможности ограничить свои контакты с немецкими социалистами. Гельфанд был единственным из «немецких товарищей», с кем Ленин и Крупская встречались часто — особенно после того, как перебрались ближе к нему в мюнхенский пригород Швабринг⁹.

Первые пять лет нашего столетия квартира Гельфанда в Швабринге была настоящим центром русской эмиграции. Роза Люксембург впервые встретила с Лениным здесь; Лев Троцкий останавливался здесь со своей женой. Корреспонденция Ленину из России отсылалась на адреса немецких социалистов, которые доставал Гельфанд, затем пересылалась в Мюнхен некоему «доктору Леману»¹⁰, которым был не кто иной, как д-р Леман, друг Гельфанда, с которым он совершил путешествие по России. Если верить Мартову¹¹, то двумя наиболее активными помощниками группы, издававшей «Искру», среди немцев был Леман и Диц, штутгартский издатель *Das hungernde Russland*. На своей квартире в Швабинге Гельфанд оборудовал нелегальную типографию с современным печатным станком, имевшим специальное устройство, которое позволяло мгновенно рассыпать набор, — это была мера предосторожности против возможных налетов полиции. На этом станке было отпечатано восемь номеров «Искры»¹².

Редколлегия «Искры» оставалась в Мюнхене до начала 1902 года. Все это время Гельфанд занимал положение, которое его вполне устраивало. Он был хозяином и посредником, осуществляющим связь между двумя мирами. Разногласий между ним и Лениным тогда еще не было. Он согласился писать для русской прессы о немецком социалистическом движении и с удовольствием знакомил молодое поколение русских социалистов с немецкими товарищами. По словам самого Гельфанда, он «хотел приблизить интеллектуалов из редколлегии «Искры» к массовому не-

⁹Крупская Н.К. *Ленин*. Москва. 1959. С. 68.

¹⁰Там же. С. 60.

¹¹Martov J. *Geschichte der russischen Sozialdemokratie*. Berlin. 1926. P. 59.

¹²Stern L. (ed.). *Die Auswirkungen der ersten russischen Revolution auf Deutschland von 1905-1907*. Berlin. 1956. P. 40.

мецкому социал-демократическому движению»¹³. Русские сохранили свой революционный пыл, а немцы построили массовую организацию, и Гельфанд верил, что им есть чему поучиться друг у друга.

В то же время Гельфанд проводил работу среди русских и польских студентов в Мюнхенском университете и Технической школе. Так же, как и его друг Юлиан Мархлевский, он стал широко известен в их среде и пользовался здесь большим авторитетом. Он писал и издавал пропагандистские памфлеты для студенческих обществ; он занимал видное положение в их общественной жизни; организовывал демонстрации солидарности с русским революционным движением. Когда в октябре 1905 года он больше не мог оставаться вдали от России – его манила к себе революция, – отъезд из Мюнхена произошел как нельзя более вовремя. За два месяца до этого мюнхенская полиция подготовила обвинительный документ по делу Александра Гельфанда. Если бы он остался в Мюнхене, то самым легким наказанием для него стала бы потеря вида на жительство в Баварии.

Попытки Гельфанда свести немцев и русских были настолько активными, что даже мюнхенская полиция не могла не заметить их. 30 августа 1905 года начальник полиции докладывал:

«Гельфанд сознательно использует свои связи с русскими студентами, с одной стороны, и с местными социал-демократами, с другой, для того, чтобы вызвать симпатию к русскому революционному движению, а также для сплочения наших профсоюзов и социалистического движения с зарубежными революционными течениями, что вызывает – ввиду настойчивости, с которой этот вопрос выдвигается на первый план по различным поводам с начала этого года – тревогу в обществе; кажется, что в любом случае это не будет способствовать общественному благу. В этой связи мы должны вспомнить печальное совпадение грандиозных демонстраций в поддержку русских революционеров с упорными демонстрациями безработных, недозволенные

¹³Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 9.

сборы пожертвований в пользу семей погибших во время известных событий в Санкт-Петербурге, в то время как помощь безработным была обеспечена ценой значительных финансовых жертв; танцы русских студентов, слишком очевидно следовавшие за убийством Великого князя Сергея. Ясно, что все эти события произошли под влиянием агитаторов типа Гельфанда, и это нужно учитывать при рассмотрении вопроса об общественном благополучии страны и города»¹⁴.

В конце донесения глава мюнхенской полиции высказывал опасение, что в результате деятельности Гельфанда рабочие митинги в Мюнхене могут утратить свойственный им доселе мирный характер. Действительно, в те годы, что Гельфанд провел в столице Баварии, он прилагал все усилия к тому, чтобы ускорить неторопливое течение местного социалистического движения. Именно мирный характер рабочих митингов вызвал резкое неудовольствие жены Ленина Крупской, когда в 1901 году она стала очевидцем первомайской демонстрации в Мюнхене¹⁵. Вид немецких социал-демократов, вместе с женами и детьми спокойно и деловито шествующих через Мюнхен, чтобы как можно скорее попасть в пивную на окраине города, привел Крупскую в весьма подавленное состояние. Она хотела участвовать в «действительно боевой, воинственной демонстрации, а не в процессии, организованной полицией». Она прожила в Мюнхене недостаточно долго, чтобы увидеть, как сбылось ее сокровенное желание.

Вскоре после того, как редколлегия «Искры» оставила Мюнхен, Ленин предпринял первые шаги в борьбе за захват власти в российской социал-демократии. На II партийном съезде летом 1903 года произошел раскол партии на большевиков и меньшевиков. Конфликт был вызван различием взглядов на организационные принципы партии: Ленин выступал за централизованное общество профессиональных революционеров, организацию такого типа, о которой он писал в первом номере «Искры».

¹⁴Stern L. (ed.). *Die Auswirkungen der ersten russischen Revolution auf Deutschland von 1905-1907*. Berlin. 1956. P. 41 and 42.

¹⁵Крупская Н. К. *Ленин*. М. 1959. С. 68.

Тем временем пограничники и царская полиция начали предпринимать самые суровые меры, стараясь ограничить социалистов в их поездках из России в Германию и обратно. Раскол между большевиками и меньшевиками поначалу почти не отразился на организационной структуре российской партии. Хотя Ленин и был убежден, что лишь партия его типа сможет возглавить рабочее движение в России, в действительности бразды правления начали выскальзывать из рук партии. В первые годы нового столетия рост числа революционных выступлений среди рабочих в промышленных центрах России в основном никак не зависел от деятельности социал-демократической организации¹⁶. В то же самое время на авансцену вышли ее конкуренты в борьбе за благосклонность русского общества. В 1901 году была основана нелегальная группа социал-революционеров – прямых последователей народников с их склонностью к террористической деятельности; вскоре после этого либералы, стремясь сплотить свои ряды, начали выработать единую политическую программу.

Действительно, во время дебатов по организационным вопросам казалось вполне вероятным, что Ленин слишком глубоко погрузился в жизнь эмиграции и что, как и многие революционеры до него, он растворится в пустоте и забвении эмиграции. Благодаря Потресову, Гельфанд был хорошо проинформирован по поводу разногласий в среде эмигрантов и вскоре заметил их все возрастающее отчуждение от родины. К лету 1904 года он уже отдавал себе отчет в том, что российская партия потеряла связь с массами и работает, как «мотор без маховика»¹⁷.

Летом 1903 года, в течение некоторого времени после завершения II съезда партии, европейские социалисты оставались в неведении о тех серьезных событиях, которые привели к расколу российской социал-демократической партии. Гельфанд первым нарушил затишье после бури. Он

¹⁶Shapiro Leonard. *The Communist Party of the Soviet Union*. London. 1960. P. 41.

¹⁷Потресов А. Н. и Николаевский Б. И. (изд.). *Социал-демократическое движение в России*. М. 1928. Т. 1. С. 137.

написал о расколе в своем информационном бюллетене в конце ноября 1903 года¹⁸. Он явно стремился сохранить объективность и не хотел вставать ни на чью сторону. Ленин высоко оценил беспристрастный тон Гельфанда; он советовал ему подождать, пока будет опубликован протокол съезда, и не принимать «партийные сплетни за чистую монету»¹⁹. Гельфанд считал, что восстановление единства российских социалистов необходимо; он думал, что руководство немецкой партии должно помочь прекращению долгой ссоры. В течение года он буквально засыпал письмами Потресова, Аксельрода и Мартова, которые теперь составляли оппозицию Ленину и, с момента раскола, руководство «Искрой». Парвус умолял, предупреждал, но чаще всего поучал их²⁰.

В начале января 1904 года в письме Аксельроду Гельфанд предпринял первую попытку примирить большевиков и меньшевиков. После прочтения в «Искре» статьи Аксельрода, посвященной проблеме единства российского социал-демократического движения, Парвус писал автору: «Вы затронули болезненное место в политике российской социал-демократической партии. Борьба против самодержавия требует единства всей оппозиции и концентрации всех сил для достижения немедленного политического эффекта». Тем не менее Гельфанд не хотел, чтобы у Аксельрода и его товарищей возникло впечатление, что он безоговорочно перешел на их сторону. Он заявил Потресову, что намерен сохранить отношения с Лениным. В феврале он настаивал на том, чтобы меньшевики без всякого шума кооптировали Ленина в редакционную коллегию «Искры» и сделали это даже в том случае, если Ленин откажется со своей стороны допустить меньшевиков в центральный комитет фракции большевиков²¹. Когда Потресов стал сетовать, что с Лениным сотрудничать невозможно, Гельфанд ответил, что единство партии важнее личной вражды. Через несколько

¹⁸ *Der Anfang vom Ende?*. // «Aus der Weltpolitik». 1903, 30 November.

¹⁹ *Collected Works*. Vol. 7. P. 105.

²⁰ Значительная часть этих писем опубликована в книге Потресова и Николаевского, С. 108-120, 136-144, 152-157.

²¹ Там же. С. 112.

месяцев точно такой же совет дал меньшевикам Карл Каутский.

Стараясь стать посредником между двумя фракциями российской партии, Парвус допустил грубую ошибку. Он выразил мнение, что все руководство партии страдает той же болезнью, что и Ленин, а именно, переоценивает свое влияние на рабочие массы. Он объединил лидера большевиков с его противниками и отчитал их, как самонадеянных юнцов. Это не понравилось ни тем, ни другим. Ленин не пожелал выслушивать советы и критические замечания и резко отклонил предложение вновь войти в редакционную коллегию «Искры».

Несколькими неделями позже Потресов писал своему другу Аксельроду: «Как победить Ленина – вот в чем вопрос. Я думаю, что прежде всего нужно напустить на него такие авторитеты, как Каутский (он уже с нами), Роза Люксембург и Парвус»²². К этому времени симпатии Гельфанда были на стороне меньшевиков. Связан он был в основном тоже с меньшевиками. Дошло до того, что он стал относиться к борьбе Ленина за власть в партии почти с физическим отвращением. Каутский также, в конце концов, встал на сторону противников Ленина. Роза Люксембург с возмущением писала о «воинствующем ультра-централизме, насаждаемом Лениным и его друзьями»²³.

Естественно, что Гельфанд и Люксембург, прошедшие социалистическую закалку в Германии, должны были смотреть на деятельность Ленина с некоторым недоверием и презрением. Они считали массовую организацию – подобную той, которая существовала в Германии – фундаментом борьбы за социализм; они думали, что использование абсолютистских методов в борьбе с самодержавием неприемлемо. Позиция меньшевиков имела определенное сходство с позицией Гельфанда; они с готовностью прислушивались к мнению своих немецких товарищей и даже были согласны допустить по отношению к себе некоторое

²²Потресов А. Н. и Николаевский Б. И. (изд.).

Социал-демократическое движение в России. М. 1928. Т. 1. С. 125.

²³«Neue Zeit». 1903-1904. Vol. 2. P. 484-492 and 529-539.

покровительство. Ленин же шел своим собственным путем. Он был безжалостен, и был готов платить за победу любую цену, порой доходя в своей решимости до той черты, за которой лежало уже нервное расстройство.

Пока российские эмигранты ссорились и интриговали, а Гельфанд тщетно пытался играть между ними роль посредника, царское правительство ввязалось в войну с Японией. Гельфанд был уверен, что война явится самым весомым аргументом за единство Российской социал-демократической партии. В номере «Искры», который вышел вскоре после того, как были открыты военные действия, Гельфанд опубликовал первую статью из серии с многозначительным названием «Война и революция»²⁴. Она открывалась пророчеством: «Русско-японская война есть кроваво-красная заря грядущих великих событий».

Далее Парвус развивал тезис о том, что разразившаяся война между Россией и Японией есть начало конца периода стабильности в Европе, наступившего в 1871 году после окончания войн за объединение наций. Она положила начало новому циклу кризисов. Параллельно со своей теорией экономических кризисов²⁵ он доказывал, что национальные государства сыграли свою роль. В дальнейшем историческое развитие будет определяться не межнациональной враждой, а экономическими интересами современных индустриальных государств, которые уже начали жестокую борьбу за господство на мировом рынке. Борьба за еще не разработанные источники сырья и заморские рынки вовлечет великие европейские державы в конфликт, который «неизбежно приведет к мировой войне».

Далее Парвус делал акцент на особом положении России в этом процессе: в отличие от Японии, Англии и Германии, она ведет войны не в интересах капитала. Война с Японией была нужна царскому режиму для ослабления внутренней напряженности за счет военных побед за рубежом и для восстановления своих кредитов на европейскую валюту. Тем не менее Парвус был уверен, что война только усилит

²⁴Эта серия статей была воспроизведена в книге Парвуса «Россия и революция». Ст.-Пет. 1906. С. 83.

²⁵Там же. С. 41.

скрытые противоречия и напряженность внутривнутриполитической жизни России. Он утверждал, что никаких радикальных изменений российской политической системы ждать от царского правительства не приходится и что надежды либералов на принятие конституции совершенно необоснованны. Русско-японская война должна была, согласно Гельфанду, еще больше разбалансировать и так ненадежное равновесие внутривнутриполитических сил России. Он предостерегал своих русских товарищей от детерминистского взгляда на этот процесс, считая вполне возможным, что «политика социал-демократической партии может привести к сохранению капиталистического строя. Невозможно по собственной воле вызвать события, но замедлить, оттянуть их можно. Идея революции борется против этого. Она борется против реакции, против политической глупости, против неопределенности, малодушия и нерешительности, которые замедляют политическое развитие. Не являясь независимым политическим фактором, она расчищает путь для истории»²⁶.

Гельфанд призывал к объединению всех оппозиционных сил в борьбе против царизма; однако опасался, что, вступив в эту борьбу, рабочий класс может потерять свою самобытность. Он настаивал на том, что пролетариат должен использовать классовые противоречия в своих целях. Он был убежден, что интернациональный характер развития капитализма приведет к революции в России и что эта революция, в свою очередь, повлияет на внутренние дела в других странах. «Русская революция приведет к сотрясению политических основ капиталистического мира, и российский пролетариат возьмет на себя роль авангарда социалистической революции»²⁷.

В серии статей «Война и революция» Гельфанд показал себя оригинальным и сильным теоретиком, способным писать ярче, чем кто-либо иной из его соратников. Он поднялся над предрассудками – в вопросах, к примеру, о реформистской деятельности или о принципах организации

²⁶Там же. С. 132.

²⁷Там же. С. 133.

партии, — которые были присущи как немецким, так и российским социалистам, и проявил достаточную широту взглядов при рассмотрении основной проблемы — революции. Идеи, которые Гельфанд развил в «Искре», были дальновидными и ясными. Он совершенно справедливо указал на важность взаимодействия между отечественными и международными проблемами, а также на связь между войной и революцией. Он осознал тот факт, что война, точно так же, как неумолимые экономические силы, описанные в классической теории Маркса, откроет шлюзы революции. Он понял, что война может послужить мощным средством, призванным отвлечь внимание общества от государственных проблем. Но важнее всего было то, что авангардом революционного движения он назвал не германский, а российский пролетариат. Это явилось результатом его разочарования в немецкой партии.

Именно в этот период своей жизни Гельфанд впервые встретился с Троцким. Троцкий был не единственным русским революционером, который — и это тщательно фиксировала мюнхенская полиция — нашел приют в доме Гельфанда. Лев Давидович Бронштейн-Троцкий получил от хозяина гораздо больше, чем просто гостеприимство. Их краткая, но очень интенсивная дружба была одним из важнейших событий в бурной жизни Троцкого²⁸. Это была, конечно же, в первую очередь дружба двух революционеров, в которой преобладали политические мотивы; тем не менее через много лет, когда на Гельфанда со всех сторон обрушились потоки клеветы и злословия, Троцкий смог найти самые теплые слова для своего прежнего друга. Узы симпатии, более того — преданности связывали их всю жизнь, хотя пути их разошлись.

Впервые они встретились весной 1904 года. Троцкий был почти на двенадцать лет младше Гельфанда; оба происходили из одной среды. Как и Гельфанд, Троцкий родился в мелкобуржуазной еврейской семье на юге России и учился в школе в Одессе. Революционной деятельностью он занял-

²⁸В первом томе биографии Троцкого *The Prophet Armed*, London, 1954 м-р Дейчер посвятил отношениям Троцкого и Гельфанда отдельную главу «Дружба интеллектуалов».

ся еще до поступления в университет. К осени 1902 года, когда Троцкий эмигрировал в Западную Европу, он обладал достаточно глубокими знаниями о российском революционном движении – не только как наблюдатель, но и как его непосредственный участник. Троцкий так же, как и Гельфанд, знал вид, открывающийся из Одесской гавани, но в отличие от своего старшего товарища, знал также и то, как выглядит Одесская тюрьма изнутри.

Бежав из Сибири в октябре 1902 года, первые месяцы своей эмиграции Троцкий провел под крылом Ленина, который чрезвычайно высоко ценил его. Он кооптировал Троцкого в редколлегию «Искры» и использовал его, как и всех вновь прибывающих из России, для получения информации о положении в стране. Однако они были совершенно разными людьми: Ленину не была присуща горячность Троцкого; было очевидно, что между страстным трибуном и расчетливым стратегом рано или поздно должны будут возникнуть острые противоречия. Так и случилось, когда на Лондонском съезде в 1903 году Троцкий подверг Ленина острейшей критике. Он остался в редколлегии партийной газеты даже после того, как она перешла в руки противников Ленина. После нескольких личных ссор с Плехановым Троцкий в апреле 1904 года разошелся и с меньшевиками. К моменту знакомства Троцкий, как и Гельфанд, не принадлежал ни к одной из фракций российской партии и разделял взгляды Гельфанда на раскол.

Троцкий пришел к Гельфанду с нерешенными вопросами – и без какого бы то ни было предубеждения. Хотя Маркс был его духовным наставником, и его теории гарантировали приход революции, в целом марксизм нельзя было использовать как руководство к политическим действиям. В этом отношении более полезным оказался Парвус. По собственным словам Троцкого, «ранние исследования Гельфанда приблизили меня к проблеме социалистической революции и позволили мне взглянуть на захват власти пролетариатом не как на астрономически далекую «конечную» цель, а как на практическую задачу текущего момента»²⁹. Дей-

²⁹Trotsky. *My Life*. New York. 1930. P. 167.

ствительно, что касается взглядов на революционную деятельность, то Гельфанд в отличие от своих современников, не был обременен балластом детерминизма, у него была совершенно определенная точка зрения на то, каким образом должна произойти революция, как ее можно задержать или ускорить.

Краеугольный камень будущего «троцкизма» был заложен в Мюнхене. Мысли Гельфанда о превращении капитализма в универсальную систему, об уменьшении значения национальных государств и об одновременном выходе интересов буржуазии и пролетариата за рамки этих государств – все это Троцкий принял *in toto* (лат. «полностью» – прим. пер.)

Но самое большое впечатление произвела на него идея его друга о всеобщей забастовке, как об исходной точке грядущей революции. Воображение Троцкого было распалено абстрактной идеей Гельфанда о забастовке, и он придал ей зримый образ в своем памфлете³⁰, написанном осенью 1904 года. Годом позже в России разразилась революция.

Впрочем, в Мюнхене Троцкий занимался не только разработкой политических теорий. В швабингской квартире Гельфанда Троцкий был счастлив и просил свою жену Наталью Седову – она была в это время в Швейцарии – поскорее приехать к нему. Гельфанд был заботливым хозяином и интересным человеком, а Швабинг был идеальным местом для знакомства с артистической жизнью мюнхенской богемы. Его маленькие кафе и бары были словно созданы для легкого и веселого времяпрепровождения, и в этом отношении Гельфанд оказался тоже удачным наставником; оба друга близко сошлись с карикатуристами и писателями Симплициссимуса. Позже Троцкого представляли – и не совсем безосновательно – космополитом, который в любой стране чувствовал себя как дома, революционером с замашками художника, интернационалистом по убеждениям, который одинаково хорошо ориентировался в венских кофейнях и в окопах Красной Армии.

³⁰Троцкий. До девятого января. Женева. 1905.

При таком образе жизни, при таких вкусах и привычках лучшего наставника, чем Гельфанд, ему было не найти. Впрочем, во взаимоотношениях с Гельфандом Троцкий не довольствовался ролью ученика и младшего товарища. Хотя он и восхищался своим хозяином, от него не скрылась присущая Гельфанду неуравновешенность. Ему внушала недоверие двойственность его характера: в этой «бульдозной голове», как выразился Троцкий, страсть к обогащению непостижимым образом сочеталась с поисками пути к социальной революции. Троцкий осуждал страстную тягу своего друга к легкомысленным поступкам и прожиганию жизни, его духовное раздвоение и праздность, препятствовавшие развитию его талантов. Этот критический настрой и позволил молодому человеку выйти из-под опеки Гельфанда. Без сомнения, Троцкий усвоил наиболее важные мысли своего старшего товарища, однако он был достаточно независим, чтобы, с их помощью создав свою собственную систему, развивать ее дальше самостоятельно. По мнению Гельфанда, он зашел даже слишком далеко. В следующей главе у нас будет возможность проследить за тем, как распалось их интеллектуальное содружество.

А пока там, в Мюнхене основной интерес представлял для них вопрос о грядущей революции. Какую тактику должна избрать партия и какие классовые цели она должна преследовать? Далее, будет ли революция в России буржуазной, как в 1848 году в Европе, или она откроет путь для социализма?

В процессе обсуждения выяснилось, что Гельфанда больше волновали политические и тактические аспекты проблемы, в то время как Троцкий уделял больше внимания революционному развитию. Тактические предложения были направлены против буржуазии: пролетариат должен заботиться о том, объяснял Гельфанд в открытом письме Ленину³¹, чтобы не стать вспомогательной силой, подчиненной либералам. Как показал Лассаль, он должен оставаться независимой грозной силой, которая, в случае возможной измены буржуазии делу революции, сразу мог-

³¹ Воспроизведено в кн. «Россия и революция».

ла бы выйти из объединенного фронта, противостоящего царскому режиму, чтобы самой начать войну на два фронта — с правительством и либералами. Гельфанд стремился не только к победе конституционной демократии, но также на расширение классовой борьбы; не только к преобразованию существующих порядков, но также к установлению социалистического строя.

Троцкий же изложил свои взгляды в рукописи, завершённой им незадолго до отъезда из Мюнхена. Он предложил меньшевикам в Женеве опубликовать ее, но те были ошеломлены аргументами Троцкого, и публикацию памфлета решили отложить.

Меньшевики осудили нападки Троцкого на российскую буржуазию. Троцкий оценивал ее революционный потенциал с позиции социалиста-подпольщика, и его оценка возможности участия среднего класса в революционном движении была еще более пессимистической, чем оценка Гельфанда. Для Троцкого средний класс был незначительной политической силой, которой можно было совершенно пренебречь при выборе политического курса на революцию. Основную тяжесть борьбы должен был принять на себя пролетариат: массовая политическая забастовка должна стать главным импульсом к разворачиванию сил рабочего класса. Через несколько недель оказалось, что Троцкий был прав.

Однако дружба с русскими эмигрантами не могла занять Гельфанда полностью во время его пребывания в Мюнхене. Его финансовые дела и неустроенная семейная жизнь также отнимали много времени. После того как германская партия от него отвернулась, его желание разбогатеть и жить независимо как от скудного журналистского заработка, так и от издателей социалистической прессы, стало таким сильным — и таким явным, что это заметили его друзья. В этом вопросе, как, впрочем, и во всем остальном, он мыслил масштабно. Поскольку после Любекского съезда большая часть немецкой партийной прессы оказалась для него недоступной, он задумал основать свою собственную радикальную ежедневную газету, которая, делился он с Троцким, должна выходить одновременно на четырех ев-

ропейских языках. Осуществить это желание он смог лишь почти через двадцать лет, но это был уже не революционный орган, а солидный журнал скорее либерального, нежели социалистического толка.

Ну а тогда он удовлетворился – а в блестящих идеях он никогда не испытывал недостатка – более скромным начинанием. После того как его выслали из Дрездена, он вместе со своим другом Мархлевским основал маленькое журналистское агентство. Оно предлагало провинциальной социалистической прессе еженедельные передовицы, написанные Гельфандом и выходявшие под общим названием «Aus der Weltpolitik». Провинциальная пресса могла бы извлечь из этого большую выгоду, если бы принимала услуги Гельфанда, который предлагал им отличные обзоры основных событий международной жизни, с большей охотой. Но партию все еще интересовали почти исключительно внутренние проблемы, и потому лишь немногие газеты обращались к помощи агентства. Агентство давало Гельфанду возможность публиковать свои взгляды, однако его политическое влияние было мизерным; впрочем, оно приносило небольшой доход, который позволил Гельфанду пережить первые трудные месяцы в Мюнхене.

Чтобы увеличить свой капитал, Гельфанд взялся за новый проект. Летом 1902 года он основал издательство под названием «Verlag slawiseher und nordischen Literatur». В основу этого предприятия легла весьма оригинальная идея: поскольку Россия не подписала Бернскую конвенцию 1896 года по охране авторских прав, русские авторы не подпадали под ее защиту и их произведения можно было свободно публиковать за границей. (Это положение сохраняется до сих пор. Отсутствие официального соглашения, конечно же, сказывается и в том, что в России не платят тем зарубежным авторам, чьи произведения публикуются там в переводе на русский язык. Гельфанд сообразил, что он может обеспечить официальную защиту прав российских авторов, публикуя их произведения в Германии малыми тиражами, скажем, в 100 экземпляров. Сам он предпочел остаться в тени, официальным главой нового издательства стал Мархлевский.

Ровесник Гельфанда и его старый друг еще со студенческих лет в Швейцарии, Мархлевский работал с ним с 1896 года и идеально дополнял своего друга. Он был прирожденным дипломатом и впоследствии стал авторитетным арбитром многочисленных диспутов в Польской партии. Тогда как Гельфанд с удивительной скоростью генерировал идеи и планы, сила Мархлевского заключалась в его спокойствии, точности и упорстве. Ему удавалось спустить Гельфанда на землю, вырвав его из царства заоблачных грез. Он заботился о том, чтобы издательство не только начало работать, но и продолжало эффективно функционировать. Для Гельфанда он был другом, партнером и директором-распорядителем в одном лице.

Первые шаги нового предприятия были на удивление успешными. Его первое издание произвело настоящий фурор – западно-европейский читатель открыл для себя первого подлинного русского пролетарского писателя Максима Горького. Чтобы встретиться с Горьким лично, Гельфанд летом 1902 года совершил краткую нелегальную поездку в Россию. На железнодорожной станции в Севастополе на берегу Черного моря они заключили соглашение: Горький уполномочивал Гельфанда следить за его авторскими правами в Западной Европе. По этому соглашению самому Гельфанду шло 20% от вырученной за издание суммы, Горький получал одну четверть от оставшегося, а остальные три четверти шли в фонд Российской социал-демократической партии. Гельфанд подписал этот договор от лица своего издательства, а Горький – от лица российского агентства «Здание», которое занималось финансовой стороной его литературной работы³².

Время для подписания договора было выбрано удачно. Таким образом Гельфанд и Мархлевский получили последнюю пьесу Горького «На дне», с которой они всего через несколько недель познакомили немецкого читателя и которая имела грандиозный успех. Знаменитая берлинская постановка Макса Рейнгарда была всего лишь началом: пьеса выдержала здесь около пятисот представлений, а в

³²Горький М. *Ленин*. М. 1931. С. 7.

течение следующих четырех лет она обошла сцены почти всех провинциальных театров.

Но это был первый и последний финансовый успех издательства Гельфанда. Доход от пьесы вскоре весь ушел — частично на покрытие убытков издательства, частично на нужды самого Гельфанда. Ни Горький, ни Российская социал-демократическая партия не получили никакого гонорара. Лишь во время революции 1905 года в России Горький и большевики вспомнили о деньгах, которые им задолжал Гельфанд. Поскольку денег они так и не получили, против Гельфанда были выдвинуты серьезные обвинения в личной и профессиональной непорядочности. Как мы еще увидим, шум от этой истории долго не затихал, и склоке между Гельфандом и русскими социал-демократами суждено было сыграть важную роль как в российском, так и в германском социалистическом движении.

После того как для издательства наступили тяжелые времена вследствие, как выразился Гельфанд, «неблагоприятного развития дел», он потерял к этому предприятию всякий интерес. Октябрьские забастовки в России предвещали начало революции 1905 года. Гельфанд собрал вещи и выехал из Мюнхена в Санкт-Петербург. Мархлевский, брошенный на произвол судьбы, пытался как-то спасти дело, но в конце концов вынужден был объявить о своей несостоятельности.

Гельфанд вел себя безответственно. В этой истории проявились самые существенные недостатки его характера: отсутствие стойкости, ненадежность и недостаток внимания к своим друзьям и коллегам. Он использовал друзей только в личных интересах; он без колебаний пожертвовал Мархлевским ради кратковременной выгоды для себя. Конец издательства стал концом дружбы, длившейся без малого пятнадцать лет. Мархлевский никогда не простил этого Гельфанду.

Если определенные черты характера Гельфанда отталкивали от него друзей, то на семейную жизнь они действовали разрушающе. Подобно делу с авторским гонораром Горького, личная жизнь Гельфанда также стала для него источником беспокойства, в некотором роде — его ахилле-

совой пятой. Особенно уязвим он был для выпадов со стороны людей, некогда бывших его друзьями. Историю личной жизни Гельфанда можно восстановить именно по этим нападкам на него, которые предпринимались его бывшими друзьями совершенно сознательно, в целях публичной дискредитации Гельфанда, и по его собственным самооправданиям.

Гельфанд женился рано, вероятнее всего вскоре после своего прибытия в Германию. Один из его друзей-социалистов писал, что его жена была русской акушеркой. Сам Гельфанд через много лет вспоминал³³, что его жена прошла с ним через многие невзгоды, включая высылку из Пруссии – это произошло в 1893 году – и пятью годами позже из Саксонии. Но, добавлял он, условия их существования сильно ухудшились после рождения сына, а это событие произошло незадолго до его отъезда в 1899 году с доктором Леманом в Россию. Вернувшись из России, он вместе с женой и сыном поселился в мюнхенском предместье Швабинг. Именно здесь протекал единственный благополучный период его семейной жизни, когда Александр нашел время, по свидетельству его друзей, для своей жены и маленького сына Лазаря, которого дома называли Женей. Именно с этой квартирой и с этой семьей были хорошо знакомы Ленин и Крупская. Но, несмотря на то, что Гельфанд с женой прошли вместе через многие невзгоды, это не укрепило связывавшие их узы. В 1904 году их брак распался. Защищая себя впоследствии от обвинений в безответственности, Гельфанд указывал на то, что он платил жене 200 марок в месяц, что составляло половину его дохода. Однако его щедрость была недолгой. Осенью 1905 года он уехал в Санкт-Петербург. После его отъезда его бывшая жена испытывала серьезные материальные затруднения, и тогда семья Каутских начала ежемесячно присылать ей по 50 марок.

Гельфанд ушел от своей первой жены Тани к другой женщине. О ней он писал: «Она не предъявляла ко мне никаких претензий, и ее единственным желанием было

³³ *Philister uber mich!*. «Die Glocke». 1919. Vol. 2. P. 1335.

иметь от меня ребенка». В октябре 1905 года она уехала с ним в Россию, однако они пробыли вместе в Санкт-Петербурге совсем недолго. После поражения революции она родила Гельфанду второго сына в царской тюрьме. В Германию они вернулись порознь, и Гельфанд не высказал никакого желания продолжать совместную жизнь. Снова он уходил поспешно, не думая о последствиях своего поступка.

Семейные узы не значили для него почти ничего. Он практически не заботился о судьбе своих сыновей, и действительно до нас дошли о них лишь самые отрывочные сведения. Говорили, что они оба росли в России и делали свою карьеру при Советском режиме. В 1920 году Гельфанд сам упоминал об одном из своих сыновей, живущих в России, с которым он не имел никаких контактов. В тридцатых годах в советских посольствах Западной Европы появились два дипломата. Ходили слухи, что это были сыновья Александра Гельфанда. Граф Киано, министр иностранных дел Италии и зять Муссолини, в 1939 и 1940 годах часто встречался с неким Лео Гельфандом, советским поверенным в делах в Риме. Последнее упоминание в дневнике Киано о советском дипломате гласит:

«14 июля 1940 года Гельфанд, руководящий советским посольством в Риме в течение многих месяцев, должен вернуться в Москву, но он чувствует, что дело пахнет для него порохом. По этой причине он попросил меня помочь ему бежать в Америку, где он оставит свою семью и, я думаю, останется сам. Он очень живой и умный человек, который в течение столь длительного времени соприкасался с буржуазной цивилизацией, что это превратило его в настоящего буржуа. Под страхом надвигающейся беды в нем заговорила еврейская кровь. Он стал чрезмерно любезен и все время заискивает. Но он хочет спасти свою семью; он обожает свою дочь. Их депортации в Союз он боится больше смерти. Это очень человеческие и прекрасные чувства»³⁴.

Лео Гельфанду удалось выехать в Соединенные Штаты, где он нажил большое состояние на излишках военного

³⁴Дневник Киано, издан: Malcolm Muggeridge. London. 1952. P. 276.

снаряжения. Недавно он умер в Нью-Йорке под вымышленным именем.

Другого советского дипломата звали Евгений Гнедин. Вероятно, это был сын Гельфанда от второй жены. В тридцатых годах он был главой пресс-службы Министерства иностранных дел. Примерно в 1936 году его назначили первым секретарем Советского посольства в Берлине. Затем во время великой сталинской чистки он был арестован; согласно воспоминаниям его товарища Ильи Эренбурга, он был освобожден в 1955 году и живет сейчас в Советском Союзе.

Мы можем лишь предполагать, что эти двое дипломатов были сыновьями Гельфанда. Трудности, связанные с подтверждением этого предположения свидетельствуют о том, как мало были склонны родные Гельфанда обнародовать свою причастность к жизни этого авантюриста.

Знакомство с обстоятельствами личной жизни Гельфанда давало его противникам и прежним друзьям мощное оружие в борьбе с ним. Вскоре после первой мировой войны Карл Каутский без колебаний использовал эти знания против Гельфанда. Резкие обвинения Каутского, направленные лично против Гельфанда, заставили последнего сказать слово в свою защиту. Ответ был опубликован в еженедельнике «*Die Glocke*» под заголовком «Обыватели обо мне». Доводы, которые он привел в свое оправдание, звучали не слишком убедительно. Своими ядовитыми ответами бывшему другу Гельфанд пытался создать впечатление, будто он всегда был хорошим отцом, конечно, если судить об этом не по обывательским меркам. В действительности же, сам того не замечая, он сказал о себе правду, а именно, что семья всегда стояла у него на втором месте — после политики и друзей. Он писал: «Я заботился о самых близких и самых дорогих для меня людях в той мере, в которой мог, но я не позволял материальным тревогам, связанным с семейными делами, мешать моей умственной работе и политической деятельности. Когда это требовалось, я без колебаний рисковал всем: и своей жизнью, и жизнью моих близких»³⁵.

³⁵ «*Die Glocke*». 1919. P. 1336.

Как бы то ни было, он не очень высоко ценил сам институт семьи: «Семья – это огромная ценность цивилизации, однако буржуазная семья, как мы теперь знаем, это воровской притон. Она хищническая и зиждется не на согласии, а на предпосылке, что весь остальной мир есть ее естественная жертва. Нет такой подлости, такого преступления, на которые нельзя было бы пойти во имя семьи. Самые грубые, самые ужасные личности могут быть милейшими отцами семейств. Когда отменнейший негодяй страдает от угрызений совести, тогда семья служит ему убежищем».

Такие соображения вынашивал Гельфанд, еще будучи студентом Базельского университета. Семья, нормальный образ жизни, постоянный доход были не для него. Его взгляд был устремлен на более возвышенные цели. Свое жизнелюбие и презрение к буржуазной морали Гельфанд сохранил на всю жизнь. Немецкие социалисты не разделяли этих взглядов. Скандалы, любовные истории, пестрые сплетни, связанные с именами социалистических лидеров, остались в прошлом. То, что мог позволить себе Лассаль, не могли и не хотели позволять себе Каутский и Бебель. Когда после Готтского Конгресса марксисты заняли господствующее положение в немецком социалистическом движении, они тем самым навязали движению не только новую политическую доктрину, но и новый моральный кодекс. В Германии, в ее культурно-историческом контексте пуританство оформилось в мелкобуржуазность. Ни о каких крайностях или чудачествах не могло быть и речи; эксцентричность считалась страшным грехом. Многие из немецких товарищей были просто неспособны понять сложность и размах личности Гельфанда, навешивая на него ярлык безнравственного распутника.

Гельфанд был слишком поглощен социализмом, писательством, революцией. Перед ним всегда стоял выбор между германской партией и российским социалистическим движением. Его интересы были несовместимы с оседлой спокойной жизнью. Он никогда не упускал приключения, какого бы рода оно ни было.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1905 ГОД

1905 год начался в России кровопролитием. В воскресенье 22 января ранним утром огромная, организованная процессия рабочих подошла к Зимнему Дворцу. Они пришли, чтобы просить у царя конституцию и улучшения своих условий жизни. Но царя не было, и войска поступили с демонстрантами так, как считало нужным командование. По демонстрации был открыт ружейный огонь. Погибло более пятисот человек.

Немедленным результатом «Кровавого воскресенья» стала всеобщая забастовка, охватившая почти всю Империю, — спонтанный, неорганизованный протест накалялся: в последующие месяцы царю не раз приходилось идти на уступки, так как забастовки, мятежи и бунты следовали один за другим. Небольшая группка агитаторов, которая до этого работала исключительно в подполье, выступила с дебютом на русской политической сцене.

Для русских эмигрантов в Западной Европе новости с родины были хотя и отрадными, однако весьма неожиданными. Они уже давно жаждали каких-нибудь событий, которые могли бы приблизить революцию, их апатия сменилась лихорадочной жаждой деятельности. Но несмотря на все свои настроения и намерения, русская социал-демократия оказалась абсолютно неподготовленной к такому повороту событий. Те положения, которые развил Ленин во время обсуждения программы партии в 1902 году — что в России уже установился капитализм, что пролетариату следует бороться одновременно против либералов и против правительства, что к установлению диктатуры пролетариата следует относиться теперь как к реальной возможности — оказались бесполезными в той ситуации, которая сложилась в 1905 году. Кроме того, партия была расколота и неспособна к быстрой реакции на неожиданный ход политического развития.

Однако происходящее не застало врасплох Гельфанда и

Троцкого. Они предвидели эти события; настойчиво и упорно они указывали на «реальность революции» задолго до ее начала; они не оставляли попыток восстановить единство партии. Лишь теперь стало очевидным, насколько выше своих товарищей по партии они были как политические стратеги, и сколь безошибочно точными оказались их предвидения.

Известия из Санкт-Петербурга застали Троцкого в Женеве. Он решил немедленно возвращаться в Россию. По пути на родину он сделал остановку в Мюнхене, чтобы переговорить с Гельфандом. Троцкий и его жена Наталия Седова провели несколько дней у своего друга, который был преисполнен оптимизма и самых радужных надежд.

Троцкий дал ему прочесть рукопись своего памфлета «До девятого января»¹, и Гельфанд высоко оценил это сочинение: «События полностью подтвердили анализ. Теперь никто не может отрицать, важнейшим средством борьбы является всеобщая забастовка. Невзирая на весь поповский маскарад, забастовка 22 января была первой политической забастовкой. Следует лишь добавить, что революция в России может привести к власти демократическое рабочее правительство»². Троцкий оставил рукопись Гельфанду, который пообещал, что напишет к ней предисловие, обобщив в нем их совместные соображения, возникшие во время обсуждения уже готового памфлета. Гельфанд считал, что ему без труда удастся договориться с меньшевиками о публикации этой работы.

Предисловие было закончено к концу января, и в начала марта меньшевистская пресса напечатала памфлет в Женеве. Этот манифест произвел на русских социалистов глубочайшее впечатление. Впервые в истории русского революционного движения был выдвинут тезис о том, что пролетариат должен сразу же взять в свои руки политическую власть и, будучи авангардом революции, сформировать временное правительство.

В своем предисловии Гельфанд страстно отстаивал необ-

¹9 января – по старому стилю; по новому стилю – 22 января.

²Trotsky. *My Life*. New York. 1930. P. 167.

ходимость создания такого правительства и выдвигал самые убедительные аргументы в поддержку своих собственных взглядов и взглядов Троцкого. Прежде всего он говорил о слабости русской буржуазии как класса и о ее неспособности возглавить революцию. В царской империи практически нет сильных, независимых губернских городов, где была бы достаточно высока политическая активность среднего класса. Проводимая из Санкт-Петербурга политика централизма привела к возникновению бесплодной, вялой бюрократической системы. Ее представители аполитичны и не связаны, в отличие от того, как это было в Европе в 1848 году, узами классовой солидарности с прочими либеральными профессиями – врачами, инженерами, учителями. Помимо этого, в России нет парламента, который мог бы способствовать консолидации различных классов и примирению их интересов.

Крестьянство, по мнению Гельфанда, также не оказывало значительного влияния на политическую жизнь страны. Будучи неорганизованными массами, крестьяне могут стать источниками анархии, но ни в коем случае не могут претендовать на роль независимой политической силы. Отсюда следовало логическое заключение: только пролетариат способен принять на себя руководство революцией. «Только рабочие могут завершить революционные преобразования в России. Революционное временное правительство будет правительством рабочей демократии. Если социал-демократия встанет во главе революционного движения русского пролетариата, это правительство будет социал-демократическим. Если же, несмотря на свою революционную инициативу, социал-демократия будет отчуждена от пролетариата, то она превратится в незначительную, не имеющую практически никакого влияния фракцию»³.

По мнению Гельфанда, на достижение этой вожделенной цели можно было рассчитывать лишь используя самые радикальные методы. Объединение с буржуазией, хотя и необходимое, пока не падет царизм, следовало рассматривать лишь как вынужденный и временный союз. Гельфанд

³Троцкий. «До девятого января». С. IX.

обратился к примеру европейских революций 1848 года, чтобы наглядно проиллюстрировать реальную опасность того, что рано или поздно средний класс неизбежно примирится с царизмом, чтобы лишиться рабочих плодов их революционной борьбы. Поэтому он призывал рабочих, чтобы они не складывали оружие даже после победы и были готовы к возможной «гражданской войне». Далее следовало краткое изложение основных тактических принципов:

1. Не смешивать различные организации. Выступать по отдельности, бастовать вместе.

2. Не забывать об их [рабочих] политических требованиях.

3. Не скрывать разницы интересов [рабочих и среднего класса].

4. Быть не менее бдительными по отношению к союзникам, чем по отношению к врагам.

5. Всегда использовать в своих интересах сложившуюся ситуацию, даже если для этого потребуется отказ от поддержки союзников.

В заключение Гельфанд переходил к обсуждению целей, которых должно было добиваться образованное рабочими временное правительство. На этом этапе его рассуждений становилось очевидно, что Гельфанд не выступает за чисто социалистическую революцию. Он подчеркивал, что Россия должна пройти через буржуазную революцию, что полностью соответствовало классической теории Маркса. Однако, по мнению Гельфанда, парадоксальным образом осуществит эту буржуазную революцию не средний, а рабочий класс. Таким образом, основной целью революции в России будет не введение социалистического строя. Самое большое, чего она может достигнуть на этом этапе, — это установление «рабочей демократии». А для Гельфанда это означало введение конституционной системы, которая обеспечит, помимо обычных гражданских прав, также особые благоприятные условия существования рабочего класса, как например, восьмичасовой рабочий день, и осуществление других прогрессивных законодательных инициатив. У Гельфанда перед глазами был пример германской социал-демократии. Он считал дальнейшее развитие капитализма в России исторической необходимостью,

он полагал, что следует ограничить этот капитализм введением определенных прав. Он верил, что в награду за свой вклад в дело победы революции русские рабочие получат возможность беспрепятственно создавать свои собственные массовые организации, т.е. достигнут той цели, за осуществление которой с переменным успехом вот уже несколько десятилетий борется рабочий класс Западной Европы. Таким образом, его концепция рабочей демократии основывалась на праве социалистических организаций на существование и свободное развитие. Гельфанд вовсе не думал о немедленном и полном переходе к социализму.

Предисловие Гельфанда к памфлету Троцкого занимало всего двенадцать страниц, но было настоящим шедевром политического анализа. Еще никто из его русских товарищей не осмеливался вступить на ту территорию, которую теперь, с отвагой и дерзостью первопроходца, исследовал Гельфанд. Уверенно, без малейших колебаний он подвел свои изыскания к логическому завершению: он призвал русское социалистическое движение ни много ни мало к немедленному захвату политической власти. Однако руководители социалистического движения были в это время абсолютно не готовы принять брошенный им вызов.

Меньшевики, которые еще совсем недавно хотели воспользоваться «авторитетом» Гельфанда в борьбе со своими противниками, не могли последовать его призыву. Они были не согласны с его идеей о временном правительстве, полагая, что здесь он зашел слишком далеко, и что его воображение в данном случае взяло верх над его способностями к критическому анализу. Ведь Гельфанду пришлось признать, доказывали они, что Россия проходит через стадию буржуазной революции. А значит, ведущую роль примет на себя все-таки средний класс; пролетариату же следует выставить все свои классовые требования и всемерно поддержать оппозицию царскому режиму.

Когда меньшевики попытались в споре с Гельфандом сослаться на Маркса и Энгельса, он указал им, что основной принцип марксистской тактики заключается в использовании, в целях социальной революции, любой фазы исторического развития. «А чего хотите вы – использовать

революцию в интересах пролетариата или, подобно мистру Струве, использовать рабочих, чтобы совершить революцию?» – вопрошал он своих критиков⁴.

Большевиков план Гельфанда тоже поверг в ужас. Они повели себя так, словно Гельфанд выдал тщательно скрывавшуюся партийную тайну. Концепция немедленного, хотя и временного, захвата власти пролетариатом показалась Ленину столь опасной, что он незамедлительно разразился страстным опровержением. В середине марта 1905 года он писал в своей газете «Вперед»: «Это невозможно, поскольку речь идет не о случайном, проходном эпизоде, а о революционной диктатуре, причем достаточно длительной, которая неизбежно оставит определенный след в истории. Это невозможно, поскольку лишь та революционная диктатура может быть достаточно длительной (разумеется, не абсолютно, а относительно), которую поддерживает огромное народное большинство. Однако пролетариат составляет сейчас меньшинство русского народа».

Не политическая программа Гельфанда в целом, а его призыв к захвату рабочими власти показался Ленину таким чудовищным. Его собственные представления о том, что он называл «революционной демократией» были, по сути дела, такими же, как у Гельфанда. Ленин также стремился к осуществлению определенных классовых целей; он тоже хотел, чтобы определенные требования рабочего класса обеспечивались конституцией. Но его смущала мысль о том, что русский пролетариат, составляющий лишь небольшую часть населения Империи, должен завладеть властью в одиночку. По этой причине он выступал за коалицию с сельскохозяйственным пролетариатом и левым крылом «мелкой буржуазии». По его мнению, временное правительство должно было включать в себя «самых разных представителей революционной демократии». Безусловно, в его состав должна войти и социал-демократия, однако не как большинство, а как меньшинство.

⁴Scharlau Winfried. *Parvus und Trockij: 1904-1914*. // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropa. 1962, October. Vol. 10. P. 365.

Летом 1905 года в партийной среде тянулись бесконечные споры. А тем временем революционная ситуация в России и не думала сходить на нет. 6 августа царь наконец пошел на серьезные, можно сказать, фундаментальные уступки: императорский манифест объявил о его намерении создать совещательный парламент; впрочем, царь сохранил за собой право его роспуска.

И снова в среде русских эмигрантов разразились ожесточенные споры – на этот раз по поводу отношения к Думе. Ленин считал делом принципа отказ от участия в выборах. Меньшевики же, напротив, призывали, по меньшей мере, к участию в избирательной кампании. В этой дискуссии, как и обычно, Гельфанд не смог устоять перед искушением высказать свое собственное мнение. Он не поддержал ни большевиков, ни меньшевиков. В конце концов, он уже в течение десяти лет проповедовал германскому революционному движению активную политику «участия». Теперь он призвал к такому же образу действий и русских социалистов. Наиболее полно использовать любую представившуюся возможность – такова была аксиома его тактики. Впрочем, также как и царь, он потерпел неудачу – ни тому, ни другому не удалось убедить русских партийных лидеров принять участие в предстоящих выборах.

Однако в это же время появились первые признаки того, что его полемика, направленная против обеих фракций социал-демократической партии, получила некоторый отклик в самой России. Человек, подобный Парвусу, утверждавший, что он не является ни большевиком, ни меньшевиком и довольствуется своей принадлежностью к социал-демократическому движению как таковому, привлек внимание русских рабочих. Его имя даже дало название одной партийной программе: 29 марта 1905 года большевистский печатный орган «Вперед» сообщил, что на периферии меньшевистской группы в Санкт-Петербурге сформировался новый кружок, члены которого называют себя «парвусистами». Основными фигурами в этом кружке были Рязанов, ставший позднее директором московского музея Маркса-Энгельса-Ленина, и Эрманский, в годы войны присоединившийся к меньшевикам. Ожидалось даже,

что в скором времени они выступят с официальным заявлением об отходе от меньшевиков.

И хотя в последующие недели этого не произошло, все же само существование такого кружка свидетельствовало о том, что Гельфанду удалось накопить в России значительный политический капитал. Естественно, он не собирался претендовать на завоевание верховной власти в партии, это не входило в его планы. Он лишь хотел обрести уверенность в том, что может рассчитывать на место среди вождей революции, независимо от того, будет ли он соблюдать партийную дисциплину. Именно в этом качестве независимого политика, полагающегося в первую очередь на стихийную поддержку рабочих, а не на поддержку партийной организации как таковой, Гельфанд и приобрел в Петербурге достаточно широкую известность в последующие месяцы.

А тем временем политическая ситуация в России накалялась все сильнее и сильнее. Забастовка, которую в начале октября начали работники типографий, неожиданно переросла во всеобщую стачку. Снова тысячи рабочих вышли на улицы. 13 октября был создан так называемый Совет рабочих депутатов, который принял на себя руководство восстанием. Троцкий объявился в России в самый подходящий момент. Перед этим он прожил какое-то время в Киеве, затем скрывался в подполье в Финляндии и в середине октября прибыл в Санкт-Петербург — как раз вовремя, чтобы возглавить движение.

Для Гельфанда октябрьская стачка тоже явилась решающим доводом в пользу его возвращения в Россию. Он отмахнулся от предостережений своих немецких друзей, опасавшихся, что его поездка может закончиться в Сибири. Гельфанда не смущали опасность и трудности, он всецело положился на удачу и помощь друзей. И то и другое было ему действительно необходимо, поскольку денег на дорогу у него не было.

В двадцатых числах октября он неожиданно объявился в редакции «*Leipziger Volkszeitung*». Главный редактор газеты Пауль Ленш и его помощник Конрад Хениш не верили своим глазам — ведь Гельфанд был выслан из Саксонии, и

его самовольное возвращение было, по сути дела, уголовным преступлением. В своих воспоминаниях Хениш живо описал эту встречу:

- Это действительно ты? Откуда? И куда едешь?

- Из Мюнхена. С гадиной покончено! [Эти слова Гельфанда относились к царскому режиму в России].

- Покончено? Неужели и впрямь дело зашло так далеко? И теперь ты можешь, не подвергаясь опасности...

Уничтожающий взгляд огромных серых глаз и презрительное движение плеч были единственным ответом на столь «мелкобуржуазное» малодушие.

- А как насчет денег?

- Аванс за книгу, которую я напишу по своим впечатлениям. А впечатлений у меня будет много – можешь не сомневаться!

- А что же будет с твоим издательством?

- К черту издательство! Какое мне дело до какого-то дурацкого издательства? Этим придется заняться Мархлевскому. Ведь сейчас революция, дружище.

И он энергично хлопнул меня по спине»⁵.

Итак, получив авансом гонорар за будущую книгу, Гельфанд выехал в Санкт-Петербург. Снова он ехал по фальшивому паспорту, снова все обошлось благополучно, и в последние дни октября он оказался в русской столице. Там его уже встретил Троцкий. Столь смелое возвращение на родину послужило для обоих успешным началом их карьеры на русской земле – особенно сильно они выигрывали в сравнении с лидерами двух фракций партии. Ведь до сих пор ни один из эмигрантов не пошел на риск самовольного возвращения в Россию. Лишь после того, как 30 октября царь объявил о всеобщей амнистии политических преступников, партийные руководители, проживавшие в Западной Европе, сочли, что теперь без особого риска могут вернуться в Россию. Мартов, Ленин и Вера Засулич приехали в Петербург в начале ноября. Аксельроду пришлось остаться из-за болезни. Плеханов был настолько поглощен своими теоретическими изысканиями, что ему даже в голо-

⁵Haenisch K. Parvus. *Ein Blatt der Erinnerung*. Berlin. 1925. P. 21.

ву не пришло, что наступил подходящий момент для поездки в Россию.

Рабочие Санкт-Петербурга нуждались в таких руководителях, которые были бы с ними на переднем крае борьбы, и их мало волновало, будут ли они большевиками или меньшевиками, социалистами или нет. Гельфанд и Троцкий хорошо понимали это и умело воспользовались сложившейся ситуацией. Они взяли на себя руководство движением и получили поддержку народа. Оба стали членами Совета: Троцкий принимал участие в его первом заседании. Друзья прекрасно знали чего хотят, они были достаточно энергичны и опытны, чтобы усилить и укрепить уже занятые ими ведущие позиции. Им удалось осуществить чрезвычайно ловкую акцию: в начале ноября они взяли в свои руки руководство доселе незначительной либеральной «Русской Газетой» и за весьма короткий срок превратили ее в первую по-настоящему популярную русскую социалистическую газету. Гельфанд доказал, что не зря провел несколько лет в подмастерьях у Бруно Шенланка. Буквально за несколько дней «Русская Газета» резко сменила ориентацию, превратившись из расплывчато либеральной и, по сути дела, смертельно скучной в живую, яркую и – главное – доступную пониманию широких слоев читателей. Стоила она всего одну копейку – здесь уместно сравнение с первыми массовыми английскими газетами, которые можно было купить всего за одно пенни – и объемы ее продажи быстро и резко возросли. Поначалу тираж вырос с тридцати до ста тысяч, а в начале декабря достиг уже полумиллионной отметки. А в то же самое время большевицкой газете «Новая жизнь» приходилось довольствоваться всего-навсего пятидесятитысячным тиражом. Так Парвус и Троцкий, на целую голову обойдя своих соперников, оказались в самом центре внимания.

Когда руководители партии наконец прибыли в Петербург, им оставалось лишь смириться со сложившейся ситуацией. Раскол в социал-демократической партии практически не отразился на составе Совета, куда вошли представители разных политических группировок. Более того, Совет не выдвинул социалистическую программу.

Это обстоятельство даже вызвало у Ленина серьезные подозрения относительно деятельности нового органа. Он одобрил существование Совета лишь после долгих колебаний, окончательно убедившись в том, что ему ничего не удастся предпринять, чтобы лишить Троцкого и Гельфанда их руководящего положения в Совете.

Лидеры меньшевиков Мартов и Потресов отнеслись к Совету более разумно, чем большевики. Они не стали, подобно Ленину, проявлять сдержанность и осторожность, а приняли ситуацию такой, какова она есть, предложив Гельфанду и Троцкому принять участие в создании новой газеты «Начало», преемницы нелегальной «Искры». Друзья в принципе приняли предложение, однако выдвинули свои условия. Они настаивали на том, чтобы их статьи были свободны от редакторской цензуры, они хотели иметь возможность высказывать свои мнения свободно и не зависеть от политической линии, проводимой меньшевистской фракцией. Мартов и Потресов приняли их условия. Они не знали тогда, на что идут: и Гельфанд, и Троцкий воспользовались предоставленной им свободой в полной мере, по сути дела превратив «Начало» в воинствующую антилиберальную газету. А ведь меньшевики проводили последовательную политику союза с либералами, и потому поведение Гельфанда и Троцкого поставило их в весьма незавидное положение. Они были вынуждены, по меткому выражению одного из них, смотреть сквозь пальцы на «пропаганду весьма рискованных идей», прямо противоположных их собственным взглядам.

В своей деятельности Гельфанд и Троцкий идеально дополняли друг друга. Двадцатилетний Троцкий стал любимцем народа. Его ораторский талант, его умение убеждать, его страстное красноречие – все это позволяло ему оказывать огромное влияние на Совет. На самом деле его работой руководил именно Троцкий, а вовсе не Хрусталёв-Носфарь скучный адвокат, волею случая оказавшийся председателем Совета рабочих. Парвус же оставался на заднем плане, однако по своему влиянию и политическому весу ничем не уступал Троцкому. Под его контролем находилась пресса, а своими частными выступлениями по воп-

росам программы он фактически формировал мнение Совета.

В передовице, которой открылся первый номер «Начала», Гельфанд недвусмысленно отметал выдвинутые большевиками и меньшевиками возражения и снова настаивал на необходимости создания временного правительства рабочих и установления рабочей демократии. Будучи авангардом революции, рабочий класс имеет право выдвигать свои собственные требования, писал Гельфанд. Он снова подчеркивал, что именно введение восьмичасового рабочего дня, обеспеченное законом, должно стать главной целью пролетарского движения. В этой статье Гельфанд впервые дал понять, что вовсе не рассматривает русскую революцию как событие, полностью изолированное от классовой борьбы в Западной Европе. В его цепи размышлений появилось теперь новое звено. Россия, будучи индустриально слаборазвитой страной, все же составляет часть мирового рынка, который в целом созрел для социализма. И поскольку входящие в мировой рынок капиталистические страны образуют некое единство, то революция в России неминуемо окажет влияние на события в мировом масштабе. Таким образом, санкт-петербургские рабочие станут зачинателями мировой социальной революции. Требование о введении восьмичасового рабочего дня станет искрой, которая воспламенит всю Европу. В течение более чем десяти лет немецкая партия ведет мощную агитацию именно в этом направлении. Достижение этих требований русскими рабочими послужит сигналом для восстания в Германии. Борьбу за восьмичасовой рабочий день, направленную в той же мере против абсолютизма, что и против либерализма, Гельфанд считал необходимым проявлением подлинной политики рабочего класса и первым шагом на пути к мировой социалистической революции.

Много лет спустя Гельфанд подробно описал те цели, к достижению которых он стремился в революционные недели 1905 года: «Во время революции 1905 года в России мои тактические соображения исходили из следующей отправной точки: следовало всячески стремиться к тому, чтобы стимулировать всплеск революционной энергии пролета-

риата Западной Европы. Хотя я прекрасно понимал, что на данном этапе в России нельзя было достигнуть социализма, я понимал также, что победоносная революция, поддержанная рабочими массами, даст пролетариату власть. Я считал, что этой властью пролетариат должен воспользоваться в целях установления рабочей демократии. «Если бы речь шла только об установлении в России буржуазной парламентской системы, – говорил я своим русским друзьям, – я бы и не подумал уезжать из Германии, где эта парламентская система имеет уже достаточно долгую историю»⁶.

И действительно, в начале ноября казалось, что рабочим вот-вот удастся совершить решающий политический прорыв. Царь всячески избегал открытого единоборства с Советом. Средний класс заявил о своей солидарности с требованиями рабочих об установлении демократического и конституционного порядка в стране. Некоторые санкт-петербургские промышленники даже выплачивали бастующим рабочим заработную плату, чтобы поощрить их к продолжению борьбы. Выполняя распоряжения Совета, санкт-петербургские издатели не отсылали газеты на проверку цензорам. Впервые за всю историю Россия получила столь неограниченную свободу.

Социалистические лидеры упивались властью, которая так неожиданно оказалась в их руках. Люди, которым прежде приходилось сталкиваться лишь с трудностями и неустройством, люди, на чью долю выпал позор ссылки, изгнания или тюремного заключения, выступали теперь в роли полномочных представителей обновленной России. Не всем было легко приспособиться к этой новой роли. Ленину, например, было крайне трудно осуществить этот переход – из зоны риска, с которым была сопряжена нелегальная подпольная работа, и анонимной безопасности выйти на резкий, беспощадный свет открытой общественной деятельности. Что же касается Гельфанда и Троцкого, то они чувствовали себя в своей стихии. Прямо из Технологического института, где происходили заседания Совета,

⁶Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 9-10.

они мчались в редакции своих газет, с партийных собраний они отправлялись напрямиком в политические салоны, где к ним было приковано всеобщее внимание. Они были признанными предводителями народных масс, любимцами толпы.

Гельфанд пребывал в состоянии постоянного душевного подъема. Его окрыляла перспектива скорой победы и снедала неутолимая жажда деятельности. Ни на минуту не забывая о своих политических интересах, он, тем не менее, находил время для участия в культурной жизни столицы. Однажды он купил пятьдесят билетов на понравившееся ему сатирическое представление. Однако ему не удалось передать их, как он собирался, своим друзьям – его задержала полиция. Обыскивавший Гельфанда полицейский был весьма обескуражен своей странной находкой, обнаружив в его кармане пятьдесят билетов в театр. Рассказывая об этом случае в своих воспоминаниях, Троцкий добавлял: «Они не знали, что Парвус делает все по большому счету».

Эти театральные билеты Парвус купил на деньги, полученные им за опубликованный в России сборник его теоретических трудов. Со времени своего приезда в Санкт-Петербург он прилагал множество усилий, чтобы добиться выхода этой книги. Он знал, что она укрепит его позиции в русском социалистическом движении и небезосновательно надеялся, что при данных политических обстоятельствах эта публикация принесет ему неплохой доход. Издателя было найти нетрудно. Гораздо сложнее оказалось собрать воедино его печатные труды – ведь надо было отыскать множество немецких газет за самые разные годы. Все это заняло у Гельфанда немало времени. Ему пришлось обратиться за помощью к Моттелеру, одному из старейших членов германской партии, который заслужил себе прозвище «красного почтмейстера» за чрезвычайно удачную организацию в восьмидесятые годы перевозки нелегальной социалистической литературы из Швейцарии в Германию. Моттелер сделал подборку всех требуемых статей и отослал их издателю Гельфанда в Санкт-Петербург.

В начале 1906 года вышли в свет два тома избранных сочинений Гельфанда под заголовком «Россия и револю-

ция»⁷, куда вошли его важнейшие публикации в «Искре», а также ряд статей из «*Sachsische Arbeiterzeitung*» и «*Neue Zeit*».

Однако прежде, чем была осуществлена эта публикация, стало ясно, что революция пошла на убыль. Вполне вероятно, что именно активным выступлениям Гельфанда и Троцкого в защиту требования о восьмичасовом рабочем дне революционные лидеры были обязаны тем трудностям, с которыми им теперь пришлось столкнуться. Естественно, это требование возникло прежде, чем друзья начали свою кампанию. Но именно они выдвинули его в качестве основного пункта революционной программы. Восьмого ноября в нескольких районах Санкт-Петербурга рабочие по собственной инициативе предприняли попытку перейти на восьмичасовой рабочий день. Двумя днями позже рабочие, занятые в тяжелой промышленности, выдвинули своим хозяевам то же требование. Совет под бурные аплодисменты принял соответствующую резолюцию.

Преодолевая сопротивление меньшевиков и невзирая на численную слабость пролетариата, Гельфанд и Троцкий последовательно проводили политику отделения рабочих от либеральной оппозиции — именно в этом и состоял, в первую очередь, смысл кампании за введение восьмичасового рабочего дня. Их конечной целью был захват, по крайней мере временный, власти в стране; их орудием была вссобщая стачка. Средний класс незамедлительно отреагировал на происходящее. Одностороннее введение восьмичасового рабочего дня вызвало резкое обострение отношений между буржуазией и рабочими. На мощную забастовку 20 ноября хозяева промышленных предприятий ответили увольнением почти ста тысяч рабочих. Теперь политика Совета было открыто направлена как против правительства, так и против буржуазии, и фактически привела к настоящему противоборству.

И меньшевики, и большевики опасались, что рабочие могут оказаться в политической изоляции, и призывали к

⁷Россия и революция и В рядах германской социал-демократии. Ст.-Пет 1906.

умеренности. Но Гельфанду и Троцкому казалось, что растущее противостояние Совету со стороны среднего класса является явным свидетельством того, что буржуазия готова окончательно продать революцию. Вместо того, чтобы реально оценить свои силы и соответственно изменить отношение к буржуазной оппозиции, они упорствовали в своей политике дальнейшего разжигания классовой борьбы. Они высокомерно отвергли предложение, появившееся на страницах либеральной газеты «Русь», о том, что представители Совета вместе с представителями либеральных партий должны вместе сформировать революционное правительство. Гельфанд и Троцкий были убеждены, что «пролетариат может остановить промышленность всей страны без всякой поддержки со стороны буржуазии», и потому сочли возможным отказаться от предложения о сотрудничестве. По их мнению, на данной стадии революции ни о каком политическом сотрудничестве уже не могло идти и речи. Они считали, что победы можно достичь лишь при условии стремительного наступления, а на рытье окопов в тылу времени уже нет. В то же время взоры друзей были направлены и за пределы России, в сторону социалистических партий Западной Европы, которые должны были, по их мнению, последовать примеру России и дать русскому пролетариату возможность «натянуть прочную революционную цепь между немедленной и конечной целями русской революции»⁸.

Уже в начале декабря 1905 года стало совершенно очевидно, до какой степени Парвус и Троцкий ошиблись в своих расчетах. Они переоценили революционную готовность Западной Европы и недооценили возможность заключения коалиции между средним классом и царской системой с целью нанесения ответного удара. Они не учли того обстоятельства, что незначительность русских губернских городов и политическое невежество «мужиков» далеко не всегда играет революционерам на руку. Состоявшая преимущественно из крестьян армия не делала различий между иностранным врагом и своим собственным народом,

⁸Троцкий. *Начало*. № 10.

если ей отдавали приказ стрелять. Гельфанд и Троцкий как-то не подумали о том, что Санкт-Петербург – это еще не вся Россия. Несмотря на поддержку Москвы и нескольких крупных промышленных губернских городов, революционному движению не удалось справиться с административной государственной системой.

К началу декабря было ясно, что дни свободы уже сочтены. Пятого декабря правительство графа Витте решило помериться силами с Советом: его председатель Крусталева-Ностар и несколько других членов исполнительного комитета были арестованы. Совет, избравший своим новым председателем Троцкого, был уже неспособен сражаться на равных. Его главное орудие борьбы – всеобщая стачка – несколько притупилось, и к тому же его нельзя было использовать бесконечно. Поэтому Совет избрал тактику пассивного сопротивления.

В это же время Крестьянский Союз предложил Совету поддержать декларацию о налоговом бюджете и об изъятии из банков всех депозитов. В связи с этим Совет учредил специальную комиссию, которой было поручено дополнить предложения Союза и, совместно с Союзом, заявить общий протест правительству. Гельфанду было доверено подготовить проект этого заявления: после нескольких заседаний специальной комиссии Совета 14 декабря финансовый манифест был передан в редакции санкт-петербургских газет.

Вполне доступным языком – и это обличало авторство Гельфанда – в манифесте подвергалась жестокой критике установившаяся в царской России система финансовых злоупотреблений. Царь препятствует созыву конституционного собрания, говорилось в манифесте, поскольку не хочет допустить внешнего контроля за деятельностью правительства, которое с помощью сфабрикованных счетов и иностранных займов грабит народ и не дает хода свободному развитию торговли, промышленности и транспорта. Из этого положения есть лишь один выход: лишить правительство его доходов и свергнуть самодержавие. Манифест предлагал осуществить следующие меры: «Следует отказаться от амортизационных выплат, так же, как и вообще от всех выплат в пользу государства. При заключении лю-

бых сделок, включая выплату заработной платы, оплата должна производиться золотом, а в случае, если сумма не превышает пяти рублей, полновесной монетой. Все депозиты должны быть отозваны из сберегательных банков и из государственного банка и выплаты должны производиться золотом. Народ никогда не облакал правительство безграничным доверием или неограниченной властью. А в настоящий момент правительство обращается со своей собственной страной, как с оккупированной территорией. Это дает нам основания заключить, что долги, которые правительство сделало в ходе открытой и беспощадной борьбы с собственным народом, не будут уплачены»⁹.

На следующий день – 15 декабря – манифест был напечатан во всех важнейших социалистических и либеральных газетах Санкт-Петербурга. Немедленно последовали ответные шаги: все номера газет были конфискованы, а члены Совета подверглись аресту. Правительство предприняло крайние меры, и последнее заседание Совета завершилось для его участников в камерах Петропавловской крепости.

Волею случая в этот день Гельфанду удалось избежать ареста – он отсутствовал в зале заседаний, когда туда ворвалась полиция. Он не собирался отказываться от борьбы. Необходимо было сформировать новый руководящий состав Совета, и Гельфанд, не теряя времени, принялся за дело. В труднейших обстоятельствах он сумел организовать новый Совет. В него вошли двести, а не четыреста, как первоначально, членов, однако в полном составе он собрался лишь однажды. Работой этого заново созданного органа руководил исполнительный комитет, в котором ведущие позиции занимали Виктор Семенов, Борис Гольдман, Тимофей Смирнов и Евгений Френкель. Председателем Совета стал Гельфанд.

Поскольку царское правительство не желало продлевать агонию революции, новому Совету пришлось уйти в подполье и довольствоваться весьма скромными средствами

⁹Горин П. *Очерки по истории советов рабочих делегатов в 1905.* 2 изд. Москва. 1930. С. 363.

агитации и пропаганды. Его печатный орган газета «Известия» вышла лишь дважды и известила читателей об образовании второго Совета. Затем вышли два номера газеты «Северный голос», преемницы «Начала» и «Новой жизни», но затем она также была конфискована. Дальнейшие попытки восстановить контакт с рабочими – на этот раз в форме издания газеты «Наш голос» – также не удалось. В довершение ко всему Совет испытывал недостаток в денежных средствах. Казна была пуста, а просить рабочих снова вносить пожертвования было уже невозможно. Непревзойденный конспиратор Лев Дейч отправился в поездку по столицам Западной Европы с целью собрать какие-нибудь средства. Но далеко он не уехал. Первой остановкой на пути его следования был Берлин, где ему дали понять, что бастующим рабочим не следует рассчитывать на помощь. Смирившись с неудачей, он вернулся в Петербург с «несколькими тысячами рублей»¹⁰.

Несмотря на все трудности, исполнительный комитет решил 20 декабря провести забастовку протеста против ареста первого Совета. Призыв принять участие в забастовке был обращен «ко всему народу»: «Граждане! Свобода или рабство, Россия, управляемая народом, или Россия, разворовываемая шайкой грабителей. Таков выбор... Почетнее умереть сражаясь, чем жить в рабстве»¹¹.

Первоначальный план стачки был, казалось, многообещающим. Забастовали около восьмидесяти трех тысяч рабочих в Санкт-Петербурге, Москве и тридцати двух губернских городах. Однако вскоре стало очевидно, что дело обречено на провал. Силы рабочих были истощены, ведь всего за девять недель они бастовали трижды. Кроме того, экономические способы борьбы были уже недостаточны перед лицом вооруженной мощи государства. Оценив ситуацию, Гельфанд счел необходимым призвать рабочих к вооруженному восстанию, к жестокой гражданской войне за власть в государстве.

В губернских городах уже через четыре-пять дней забастовки

¹⁰Deutsch L. *Viermal entflohen*. Stuttgart. 1907. P. 117.

¹¹Горин. Цит. пр. С. 375.

стовщики потерпели поражение. Уличные бои под предводительством большевиков начались только в Москве. А в это время в Санкт-Петербурге исполнительный комитет вел ожесточенные споры о революционной тактике. Гельфанд со свойственной ему страстью выступал за вооруженное восстание. Однако в распоряжении Совета не было оружия, его члены не имели никакого опыта по ведению боевых действий. Председатель Совета развивал фантастические планы по поводу того, как можно преодолеть эти трудности. Он предлагал разоружить полицию с помощью брандспойтов. Тем временем, заявлял он, следует разложить армию изнутри, используя для этого пропагандистов, и тогда войска перейдут на сторону рабочих.

Гельфанд весь отдался во власть революционных грез, практически полностью оторвавшись от политической реальности. Это сопровождалось стремительным падением его авторитета в исполкоме Совета. Ему не удалось заменить Троцкого. Члены исполнительного комитета относились теперь к Гельфанду, как к запутавшемуся теоретику и неопытному, неспособному к практической работе интеллектуалу. Он не умел вдохновлять и убеждать, он не обладал качествами подлинного лидера. Будучи в достаточной степени самоуверенным, он не мог вдохнуть эту уверенность в других.

Однако после долгой дискуссии комитет в принципе одобрил его предложение о вооруженном восстании. Впрочем, поскольку в настоящей ситуации осуществить его было невозможно, комитет постановил прекратить забастовку первого января. Совет обратился к рабочим с очередным воззванием, в котором говорилось, что подрывная экономическая стачка не соответствует наступившей фазе революции. Далее рабочим рекомендовалось вооружаться для восстания и готовиться к будущей борьбе.

Гельфанд, зная о том, что в Москве рабочие все еще сражаются на баррикадах, заявил о своей несогласии с этой резолюцией и о своей отставке с поста председателя Совета. Он решил, что в настоящий момент его место не в кресле председательствующего, а за рабочим столом в редакции газеты. Это решение он принял как раз вовремя. 16 января

члены исполнительного комитета второго Совета были арестованы. Гельфанд в это время уже занимался другим делом, пытаясь наладить издание новой газеты. Снова счастливый случай помог ему избежать ареста.

Однако Гельфанд не знал, что с арестом Совета в руки полиции попали весьма важные материалы, непосредственно касающиеся его деятельности. Органы безопасности во всех подробностях ознакомились с его работой в исполнительном комитете. Его имя значилось теперь в списках разыскиваемых полицией революционеров¹². Однако до начала апреля Гельфанду удавалось скрываться в подполье. Он даже издал памфлет, каким-то образом избежавший внимания цензуры, под заглавием «Настоящее политическое положение и виды на будущее»¹³. В нем он попытался подвести итоги революции.

Предвосхищая критику в свой адрес, что он и Троцкий своей агитацией за введение восьмичасового рабочего дня завели революцию в тупик, и заранее опровергая своих идейных противников, он настаивал на том, что вооруженное столкновение с правительством в любом случае было неизбежно. Он добавлял, что ритм революционного движения был задан рабочими и что Совет лишь принял на себя руководство движением, в целом подчинившись этому ритму: «Мы были лишь струнами арфы, на которых играла буря революции... Допускали мы ошибки или нет, одно можно сказать наверняка: правительство атаковало нас не из-за наших действительных или воображаемых ошибок, а из-за того, что наши сила и решимость представляли для него серьезную опасность».

О Совете Гельфанд отзывался чрезвычайно высоко. Особенно замечательным был, с его точки зрения, тот факт, что Совет принял социалистическую программу не формально. Он объединил рабочих не с помощью голой агитации, а посредством практической работы, и именно так познакомил их с социалистическими целями. Для Гель-

¹²Полицейский рапорт от 8 июля 1906. // 1905 год в Петербурге. М. и Л. 1925. С. 159-61.

¹³Настоящее политическое положение и виды на будущее. Перепечатано в «Россия и революция». С. 212-225.

фанда Советы вовсе не были делом прошлого. Он считал, что их необходимо использовать и в будущем, поскольку «в лице санкт-петербургского Совета возникла организация, способная не только на разрушительные, но и на конструктивные действия. Таким образом, появилась и получила определенное развитие та сила, которая сможет в будущем принять на себя дело реконструкции государства».

С поистине пророческим прозрением Гельфанд упомянул о той возможности, которая через одиннадцать лет была в полной мере использована Лениным, с одной лишь разницей: в 1917 году Совет не «реконструировал» старую государственную систему, а полностью упразднил ее. Гельфанд и не помышлял о замене народного собрания Советами: в его представлении, в будущем государственном устройстве советы рабочих должны были занять определенное место внутри рабочей демократии. В 1917 году Ленин подошел к гораздо более ясному осознанию подлинной сущности политической власти. Именно он, а не Гельфанд, воплотил революционные идеи на практике.

В конце концов полиции все же удалось схватить Гельфанда. Он был арестован ранним утром третьего апреля 1906 года. Пришло и его время разделить судьбу участников русского революционного движения – большинство его друзей, по меньшей мере, однажды уже подвергались аресту. Тюремное заключение или ссылка в Сибирь были неременной составляющей жизненного опыта вот уже нескольких поколений борцов против самодержавия. Это было для них школой жизни, местом общения, в каком-то смысле даже местом отдыха и развлечений. Хотя условия в тюрьмах были не самыми лучшими, все же они не поддаются никакому сравнению с теми стандартами, которые установились в ходе дальнейшего исторического развития. Эти новые формы предполагали сознательную, организованную жестокость в обращении могучего тоталитарного государства со своими гражданами. А ведь в царской тюрьме Троцкий писал статьи, беспощадно обличающие самодержавие; в сибирской ссылке Ленин охотился на уток; Лев Дейч, устав от неволи, попросту уехал.

Навсегда покинув Россию, Гельфанд увез с собой фото-

графию, на которой он был снят вместе с Троцким и Дейчем. Трое друзей выглядели чрезвычайно респектабельно в хорошо сшитых темных костюмах с крахмальными воротничками и дорогих галстуках. Весь их внешний вид свидетельствовал об абсолютной уверенности в себе и в будущем. Взглянув на эту фотографию, можно было подумать, что ее сделал модный санкт-петербургский фотограф. В действительности же она была сделана в царской тюрьме, в присутствии тюремного надзирателя.

В день ареста Гельфанда доставили из его убежища в ближайший полицейский участок. Длинная, неопрятная комната отапливалась большой изразцовой печью. Время от времени в топку подбрасывали стопки туго связанных газет. Гельфанд понял, что его греют конфискованные копии написанного его другом революционного памфлета¹⁴. После завтрака, которым его любезно накормил полицейский, Гельфанда повезли в тюрьму.

Его заперли в карете, грязной, разбитой, с вытертой обивкой, однако, по его собственным словам, «не без потуг на элегантность», похожие кареты использовались «для третьеразрядных похорон». Сопровождал Гельфанда всего один охранник, и это навело его на мысль о возможности побега. Он понял, что ему нужно будет броситься на охранника, повалить его, может быть, даже убить. Дальнейший ход его размышлений наглядно свидетельствует о том, что он не чувствовал, что его жизнь в опасности и что ему надо любыми средствами вырваться на волю. Ведь, в конце концов, он не убийца, а писатель, думал Гельфанд, и предупреждал сам себя: «Будь осторожен, здесь речь идет не о газетной статье, а о человеческой жизни!» Он так ничего и не предпринял, и, мирно беседуя с охранником, доехал до самых ворот тюрьмы. Тюрьма эта называлась «Кресты», находилась в Выборгском районе Санкт-Петербурга и состояла из тысячи одиночных камер.

Камера № 902 во всех отношениях была весьма приятным местом и походила скорее на комнату провинциально-

¹⁴Parvus. *In der russischen Bastille während der Revolution*. Dresden. 1907. Эта часть главы основывается, главным образом, на единственном подробном автобиографическом фрагменте из воспоминаний Гельфанда.

го комфортабельного отеля. Там был электрический свет и центральное отопление, но зато не было уборной. В углу камеры стояла неизбежная параша – до половины наполненная водой бадья, служившая для заключенного источником весьма неприятных ощущений, особенно в летние месяцы. В противоположном углу висела икона. Над столом был прикреплен список правил и инструкций, внутреннего распорядка, на обратной стороне которого были перечислены наименования товаров, которые арестанты могли приобрести в тюремной лавке, и цены на них. В тюрьме была хорошая библиотека, и Гельфанд почти сразу принялся за дело. Ему доставляла редкое удовольствие полученная возможность «самому выбирать темы работы, не подлаживаясь под стук печатных станков».

Первые допросы были связаны с установлением личности Гельфанда; никаких формальных обвинений выдвинуто не было. Гельфанд предъявил свой фальшивый австро-венгерский паспорт, на этот раз на имя Карла Ваверка. Но напрасно: из агентурных донесений и документов, конфискованных во время ареста членов Совета, полиция уже знала, кто попал в ее руки.

Пасха 1906 года была последними днями, которые Гельфанд провел в комфортабельных «Крестах». Ночью его разбудил звон колоколов; открыв глаза, он увидел, что в камере горит свет. В дверях стоял надзиратель – он принес заключенному традиционные пасхальные дары: красные яйца, кулич, творожную пасху с изюмом. Это пасхальное приветствие навело Гельфанда на весьма характерные для него размышления: «Христос воскрес! Искуситель оставил этот мир мученичества и слез. Терзаемый болью, Он простил всех. Да, именно так это должно было быть. Так было тогда, когда священников христовой церкви преследовали и бросали в тюрьмы, как сейчас нас. Так было тогда, когда они делили стол и кров с нищими. Христос воскрес. И теперь они поют масляными голосами, думая о том, что дома их ждет водка и ветчина»¹⁵.

Вскоре после Пасхи Гельфанда вместе с Троцким пере-

¹⁵Там же. Р. 40.

везли в пользовавшуюся дурной славой Петропавловскую крепость. Действительно, там было неизмеримо хуже, чем в «Крестах». Камеры были холодными, непроветриваемыми и темными; впервые со времени ареста Гельфанду пришлось надеть арестантскую одежду. Построенная в 1747 году, Петропавловская крепость была одним из самых старых общественных зданий в Петербурге. И хотя в ее стенах находились также Императорский монетный двор и усыпальница Романовых, все же она больше пользовалась известностью как тюрьма, где содержалась элита политических преступников. Чернышевский, Бакунин и другие славные представители русского революционного движения отсидели свои сроки в холодных камерах Петропавловки.

В этой тюрьме самым тяжелым для заключенных была вовсе не бесчеловечность охранников – нет, они относились к узникам вполне терпимо – а строго соблюдавшийся режим одиночного заключения. Впрочем, людям, обладавшим, подобно Троцкому, высокой внутренней дисциплиной, было нетрудно примириться с навязанным одиночеством. Когда Троцкий покидал «герметично запечатанную камеру», то он, по его собственному свидетельству, делал это даже с некоторым чувством сожаления. «Там было так тихо, так спокойно – словом, идеальные условия для интеллектуальной работы». Он быстро превратил свою камеру в настоящую монашескую келью. Вся она была завалена книгами и рукописями. Именно здесь Троцкий разработал основы своей теории перманентной революции.

Гельфанд же, напротив, никак не мог примириться со своим новым положением. В тот момент, когда он простился с Троцким, еще на пороге своей камеры, он почувствовал, что на него наваливается гнетущее чувство полной оторванности от внешнего мира. Ему казалось, что он заживо погребен в могилу, и он не мог найти в себе внутренних сил, чтобы противостоять своей внезапно обнаружившейся слабости. Он погрузился в какие-то туманные, подчас сентиментальные грезы. Его охватило чувство жалости к самому себе – он казался себе беспомощной жерт-

вой жестокости царского режима. Как дикий зверь он метался по камере, считая часы и минуты, лелея мечты о политической амнистии, которая нарушит его могильный покой и откроет ему двери в мир живых. Попытки самоанализа не помогли, наоборот, они пробудили в Гельфанде жестокое разочарование в своей судьбе. Та жизнь, которую он вел в Европе, привычка к приключениям и кипучей деятельности оставили свой след: Гельфанд уже не мог довольствоваться лишь своим собственным обществом. Одиночество стало для него адской мукой. Единственное, на что он оказался способен, это вести патетический дневник, куда он вносил все свои настроения и переживания.

В начале мая его дух был почти сломлен. Нехватка свежего воздуха, света, физических и умственных упражнений, поставили его на грань безумия. Он неоднократно пытался добиться улучшения условий своего заключения, и эти попытки неизменно приводили к стычкам с тюремной администрацией. Гельфанд наивно полагал, что начальство можно убедить разумными соображениями, и потратил на это массу нервной энергии. Опытный революционер никогда бы не поддался такому заблуждению. Лишь через три месяца одиночного заключения его положение несколько улучшилось. Три раза в неделю он мог брать книги в библиотеке, ему разрешили передавать письма. Были разрешены и ежедневные двадцатиминутные прогулки. Благодаря этим послаблениям, Гельфанд смог прийти в себя после кризиса последних недель.

Он был убежден, что его будут судить вместе с другими членами Совета, и начал энергично готовиться к своей защите. Он знал, что политические процессы можно использовать в целях политической пропаганды, и решил, что побьет противника его же оружием, превратив обвинения в свой адрес в обвинение царского режима. Составляя свою защитительную речь, Гельфанд постоянно думал о том, какой эффект она произведет за пределами судебного зала заседаний.

Обдумывая эту речь, Гельфанд проявил большую предусмотрительность, чем Троцкий, который даже не попытался оспорить обвинение в том, что Совет готовил

вооруженное восстание и насильственное свержение самодержавия. В своей речи Гельфанд постоянно указывал на глубокую пропасть между правительством и народом – между ними не было никакого согласия, никакого единодушия. Пик разногласий пришелся на октябрь 1905 года – ведь даже после появления 31 октября императорского манифеста, наделившего русский народ определенными конституционными правами, по словам Гельфанда, «не было никакого правительства, были только злоупотребления правительства»¹⁶. Потому народ и отнесся к Совету, как к своему представительному органу. Что же касается самого Совета, то он и не думал призывать к вооруженному восстанию. В целях самозащиты – от черни, от реакционных черносотенных организаций, от казаков, от полиции, от армии – рабочие приняли решение вооружиться. Но по существу они это решение не выполнили. «Я скажу вам, где было это оружие, – писал Гельфанд, – оно было в казармах, в руках армии. Винтовки были на стороне реакционного правительства, рабочие же стремились оказать влияние на тех, кто держал эти винтовки в своих руках. Они хотели убедить солдат, чтобы те, бок о бок с рабочими, выступили на защиту тех требований, о которых я уже неоднократно говорил в ходе своей речи»¹⁷.

Однако Гельфанду не удалось дописать речь до конца. В конце июля руководителей Совета перевезли в другую тюрьму, где должны были происходить допросы. И хотя ему удалось переправить рукопись на волю, у него уже не было возможности продолжить свою работу. Гельфанд радовался встрече с друзьями и несколько отвлекся от мыслей о предстоящем суде. Вместе со Львом Дейчем они начали строить планы побега. То, что они оказались не слишком успешными, не огорчило друзей-конspirаторов. Двери камер закрывались только на ночь, а в дневное время заключенные пользовались неограниченной свободой передвижения в пределах тюрьмы. Именно эта возможность свободного общения и была для них сейчас главной. Кроме

¹⁶Парвус. Цит. пр. С. 112.

¹⁷Там же. С. 128.

того, какие-то развлечения приходили и извне: Роза Люксембург, принимавшая участие в революции в Варшаве и недавно освобожденная из тюрьмы, приехала навестить своих друзей в Санкт-Петербург. Она сообщала Каутскому, что «толстяк похудел, но полон энергии»¹⁸.

А тем временем правительство решило не возбуждать дела против членов второго Совета. Чести принять участие в публичном процессе удостоились лишь руководители первого Совета. Гельфанд был лишен возможности торжественно произнести свою защитительную речь – его привлекли лишь к административной ответственности. Приговор был не слишком суров – три года ссылки в Сибири. Гельфанд даже несколько стеснялся этого и умолчал об этом приговоре в отчете о своем тюремном заключении, который был в следующем году опубликован в Дрездене. Вероятно, он считал, что три года в Сибири были недостаточной наградой за ту роль, которую он сыграл в революции.

4 сентября 1906 года из Санкт-Петербурга под конвоем вышла весьма колоритная партия заключенных. За исключением маленькой группки «политических», среди которых были Дейч и Гельфанд, она состояла примерно из пятидесяти уголовных преступников. Местом назначения был Туруханск, город в Енисейской губернии, находившийся недалеко от Северного полярного круга. Гельфанд радовался, что вместе с ним отправили Дейча – вряд ли ему удалось бы найти лучшего компаньона. Оба были снаряжены всем необходимым для побега: в узелках с нехитрыми пожитками были запрятаны алмазы для резки стекла, фальшивые паспорта, адреса местных партийных агентов и, вдобавок, достаточное количество наличных денег.

Этапируемые добрались до Красноярска, где должны были сесть на пароход, ходивший вниз по Енисею. Здесь во время остановки Дейч отправился в поход по магазинам – и не вернулся. Гельфанду пришлось задержаться еще на несколько дней. Удобный случай для побега представился

¹⁸Письмо Розы Люксембург Карлу Каутскому от 13 августа 1906 г. // *Einige Briefe Rosa Luxemburgs und andere Dokumente*. «Bulletin of the International Institute of Social History». Amsterdam. 1952. №. 1. P. 9-39.

лишь тогда, когда партия была уже в Енисейске. Он подпол конвой и вместе с несколькими другими товарищами бежал. Переодетые в крестьянское платье, они через пустынную безлюдную тайгу вернулись обратно в Красноярск. Местная станция Транссибирской железной дороги усиленно охранялась. Друг купил Гельфанду билет, и тот, переодетый мужиком, сел на поезд. Естественно, он ехал третьим классом, и для того, чтобы остаться несобнаруженным, — в поезде находился вооруженный полицейский наряд — ему пришлось смешаться с крестьянами. Здесь он был в безопасности. Но ему трудно было справиться с отвращением: водка, грязь, вонь были ему противны. Непосредственный контакт с народом не послужил для Гельфанда источником вдохновения. Проехав таким образом наиболее охраняемую территорию, он сошел с поезда и укрылся в доме друзей.

Через некоторое время из вагона второго класса на Санкт-Петербургском вокзале вышел солидный, респектабельный джентльмен. Вместо того, чтобы подыскать какое-нибудь безопасное убежище, он остановился в отеле. Но фальшивый паспорт не помог Гельфанду, и вскоре полиция напала на его след. Однако товарищи вовремя предупредили его, и, не имея даже возможности вернуться в отель за багажом, он покинул столицу налегке. Пребывание в России было для него теперь слишком опасным. В начале ноября с одним маленьким чемоданчиком, битком набитым рукописями, он пересек немецкую границу.

Это посещение России стало последней встречей Гельфанда с родиной. Больше он не вернулся сюда никогда.

ПОЛКОВОДЕЦ БЕЗ АРМИИ

Несмотря на ожидания многих социалистов, особенно тех, кто принимал непосредственное участие в событиях в Санкт-Петербурге, ударная волна русской революции не распространилась далеко на запад. Докатившись до Западной Европы, отзвук происшедшего в России пробудил здесь лишь надежды и страхи, но отнюдь не революционные настроения. Вместо того, чтобы выходить на баррикады, народы Германии и Австро-Венгрии занялись избранием своих новых парламентских представителей. В Германии уже в начале зимы 1906 года начала набирать силу избирательная кампания. Особенно ожесточенная борьба развернулась среди охваченных кризисом партий среднего класса. Всеобщее внимание в этот период занимали колониальная политика и открытый поединок между государственным канцлером Вернхардом фон Бюловом и Католической центристской партией.

На долю социал-демократов в этой избирательной кампании выпала весьма незавидная роль. Партия не собиралась, да и не могла прийти к соглашению с буржуазным центром. Разгоревшийся в лагере буржуазии скандал по поводу колониальной политики заставил социалистов столкнуться с проблемами, на которые теория Маркса не давала однозначного ответа. Должна ли партия воспротивиться колониальной экспансии? Следует ли считать реакционной эту внешнеполитическую деятельность, выходящую за пределы Европы? Может ли социализм предложить в данном случае альтернативную политику, удовлетворяющую требованиям классовой борьбы?

Исполнительный комитет партии уклонялся от того, чтобы дать ясный ответ на эти вопросы, тщательно избегая открытых высказываний на внешнеполитические темы. Результатом такого поведения исполкома стали колебания и смятение в рядах партии. Рабочие в местных организациях оказались предоставленными сами себе, и им приходи-

лось самостоятельно, по мере своих сил и возможностей, выработать линию поведения в соответствии с обстоятельствами.

Гельфанд вернулся в Германию вовремя. В раздираемом противоречиями, охваченном политической нестабильностью обществе он чувствовал себя как рыба в воде.

Прямо с границы он отправился в Рурскую область, что было с его стороны весьма смелым поступком. На этой территории действовало прусское законодательство, и в случае, если бы его схватила полиция, ему вряд ли удалось бы легко отделаться – слишком серьезным преступлением считалось «самовольное возвращение из ссылки». Немецкое правительство в это время выдавало России русских революционеров, и потому у Гельфанда были все шансы вторично отправиться в Сибирь.

В Дортмунде друг Гельфанда Конрад Хениш, главный редактор газеты «*Dortmunder Arbeiterzeitung*», нес на своих плечах бремя избирательной кампании на западе Германии. Хениш был сыном прусского государственного служащего – весьма необычное происхождение для социалиста левого крыла партии. Он присоединился к движению еще будучи студентом. Семья пыталась принять меры и, чтобы заставить Конрада отказаться от своих политических убеждений, поместила его в психиатрическую лечебницу. Однако это не дало желаемых результатов. Выйдя на свободу, молодой Хениш вначале занимался распространением газеты «*Leipziger Volkszeitung*», а затем стал ассистентом в редакции этой же газеты. Пауль Ленш, Роза Люксембург и Франц Меринг руководили его первыми шагами в социалистической журналистике. В середине девяностых годов, на самом пике аграрных дебатов, он впервые встретился с Гельфандом. Обладавший легковоспламеняющимся, хотя и на редкость упрямым характером, юноша стал столь ревностным почитателем Гельфанда, что товарищи в Лейпциге наградили его прозвищем «Парвулюс», и это прозвище навсегда осталось для него предметом немалой гордости. В начале века Хениш переехал в Дортмунд, где оставался до 1910 года, занимаясь изданием местной социалистической газеты.

Товарищи относились к Хенишу как к воинствующему представителю левого крыла партии, концентрировавшегося вокруг Парвуса и Розы Люксембург. Хениш, с его тяжелой, приземистой фигурой, пылающей рыжей бородой и кипучей энергией, вносил в позиции своего ближайшего окружения изрядную долю революционного романтизма. Блудный сын среднего класса, он испытывал величайшее удовольствие, выставляя на обозрение буржуазии ее могильщика – пролетариат.

Однажды серым декабрьским днем Хениш, придя в редакцию, обнаружил на своем письменном столе краткое письмо следующего содержания: «Дорогой Хениш, скоро я объявлюсь у тебя. Если придут письма для Петера Клейна, оставь их мне. До скорой встречи. Но прошу тебя – осторожность прежде всего. Всегда твой, Петер»¹.

У Хениша не возникло ни малейшего сомнения относительно того, кто на самом деле скрывается под именем Петера Клейна. Через несколько дней налегке, с одним изрядно потрепанным чемоданчиком в Дортмунд прибыл Гельфанд. Хениш с радостью увидел, что его друг ничуть не изменился. Он был все так же самоуверен и энергичен, и казалось, что тюремное заключение не оставило на нем и следа. Когда Хениш спросил, как ему удалось перенести столь тяжкие испытания, Гельфанд скромно ответил: «Ничего особенного. Об этом не стоит даже и говорить». Однако он не удержался от искушения добавить, быть может, чтобы польстить своему самолюбию, быть может, чтобы доставить удовольствие своему другу: «Но если я чем-нибудь действительно горжусь, так это тем, что ни в тюрьме, ни во время путешествия в Сибирь, ни в побеге я не потерял зря ни одного дня, неустанно трудясь на благо партии»².

Оказавшись в Германии, он был готов немедленно приступить к работе. Он сразу же сообщил своему другу, что приехал в Дортмунд, чтобы помочь ему вести избирательную кампанию, что нуждается в безопасном убежище, где можно было бы скрыться от полиции. Хениш с восторгом

¹Haenisch K. *Parvus*. P. 24.

²Там же. С. 25.

оказал своему приятелю требуемую услугу. Работа в газете доставляла ему множество хлопот, и он был счастлив, что рядом с ним будет теперь такой человек, как Гельфанд. Лишь двум ближайшим помощникам он сказал о том, что Гельфанд останется в его квартире. За это время Хениш узнал своего друга еще ближе и еще больше привязался к нему. Гельфанд быстро нашел общий язык с детьми Хениша и, покупая им подарки, получал от этого не меньшее удовольствие, чем они сами. Дети его друзей явно нравились ему гораздо больше, чем собственные.

Естественно, он не мог открыто работать в «*Arbeiterzeitung*», его статьи выходили под псевдонимом. В течение восьми недель Гельфанд просвещал своих товарищей по вопросам внутренней и внешней политики Германии. Он побивал Бюлова и центристскую партию, добившуюся весьма значительного успеха в Рейнланд-Вестфалии, их же собственным оружием. Чтобы подробно и основательно изложить свои соображения о «готтентотских выборах», Гельфанд на некоторое время уединился в небольшом пансионе под Дюссельдорфом. В начале 1907 года памфлет «Выборы в Рейхстаг и рабочий класс»³ был готов к изданию, однако он вышел в свет слишком поздно и не успел оказать воздействие на социалистическую агитацию на федеральном уровне. Партия была жестоко разочарована результатами выборов. Хотя за социалистов голосовало, по сути дела, больше избирателей, однако они потеряли значительное количество мандатов из-за неблагоприятного разделения на округа. Социалисты одержали пиррову победу: они получили голоса, но утратили политическое влияние.

Даже после окончания избирательной кампании проблемы колониальной политики казались Гельфанду достаточно важными и заслуживающими самого пристального рассмотрения. Деньги, полученные за публикацию памфлета, позволили ему провести какое-то время на курорте в Северной Италии. В комфортабельном отеле царили мир и покой, и работа Гельфанда быстро продвигалась. После изматывающих месяцев, проведенных в России, и возбуж-

³*Die Reichstagswahlen und die Arbeiterschaft.*

дения, связанного с избирательной кампанией, он наслаждался представившейся ему возможностью без спешки и без какого бы то ни было давления со стороны записывать свои соображения по интересующему его вопросу. То удовлетворение, которого он не сумел испытать от своей деятельности в качестве политика-практика, он получал теперь от своей теоретической работы.

Гельфанд заинтересовался колониальной политикой еще в девяностые годы девятнадцатого века. Он был одним из первых социалистов, оценивших всю важность и значимость этой проблемы. Он с интересом следил за предпринимаемыми в этом направлении действиями великих держав и не переставал упрекать партию в недостаточном внимании к проблеме колониальной экспансии. Такое поведение партии, по его мнению, предоставляло правительству опасную свободу действий. Исходя именно из этих соображений, Гельфанд, развивая свою старую теорию, вновь обратился к этому, ставшему еще более актуальным вопросу. Он хотел дать общий анализ ситуации, сложившейся на мировом рынке, и одновременно разработать программу действий социалистической внешней политики.

Исследование, озаглавленное «Колониальная политика и распад»⁴, было опубликовано в конце 1907 года и представляло собой первый серьезный анализ современного империализма. Оно резко контрастировало с более поздними работами Рудольфа Гильфердинга и Розы Люксембург, в которых рассматривались в основном экономические последствия колониальной экспансии. Гельфанда же прежде всего интересовали ее политические последствия. Основной упор его теория делала не на обсуждении капиталистических противоречий, заставивших великие державы начать колониальную политику, а на рассмотрении того антагонизма, который, по мнению Гельфанда, в последствии мог привести к войне. Наиболее опасным элементом капиталистической внешней политики Гельфанд считал непосредственную зависимость между колониализмом и воздвижением ограничительных таможенных барьеров.

⁴Parvus. Die Kolonialpolitik und det Zusammenbruch.

Воздвижение этих барьеров стимулировало вывоз капитала из метрополий; однако в то же самое время эти таможенные ограничения распространялись на территории колоний. В результате этого процесса возникало империалистическое единство – «индустриальное государство становилось колониальной империей»⁵.

Тем не менее в отличие от многих позднейших исследователей этого вопроса, в том числе Ленина и Радека, Гельфанд не считал, что империализм является неизбежным следствием капиталистического экономического строя. Он считал протекционизм «наградой за отступление», наглядным свидетельством политической слепоты среднего класса. То, что единство мирового рынка поставлено под угрозу распада в результате соперничества между колониальными империями, никому не может пойти на пользу, утверждал Гельфанд. Напротив, это прямой путь к международной катастрофе: «Вытеснение колониальной политикой политики торговой есть прямая дорога к политическому распаду».

Что же касается позиции Германии в этом вопросе, Гельфанд выразил серьезную озабоченность тем фактом, что в ходе экспансии в Африку и Азию немецкое правительство затронуло интересы Англии, Японии и тем самым вызвало к себе враждебность со стороны этих стран. В таких обстоятельствах единственным выходом для Германии оставался союз с Россией. И вот именно против «русской ориентации» Гельфанд направил всю свою тяжелую артиллерию. Царская Россия, «краеугольный камень самодержавного насилия над всей Европой», не сможет противостоять международному политическому давлению и неизбежно пойдет на уступки в самом ближайшем будущем. Если дело дойдет до империалистического конфликта, Германия окажется в одиночестве, которое будет иметь для нее роковые последствия. И тогда, в пророческом озарении добавлял Гельфанд, опаснейшим врагом Германии станет Англия.

Гельфанд предлагал противоядие против такого катаст-

⁵Там же. С. 97.

рофического развития событий, развития, которое не могло пойти на пользу ни капитализму, ни социализму. Он выступал в защиту свободной торговли, которая должна сохранить мировой рынок открытым для всех. Социал-демократическая партия, предлагал он, должна вести свою агитацию под лозунгом «Демократия, объединение Европы, свободная торговля»⁶. Такая программа позволит партии взять на себя инициативу в области внешней политики.

Делая подобные выводы, Гельфанд преследовал те же цели, что и прежде. Он считал себя великим стратегом, которому самой судьбой предназначено повести немецких социалистов в наступление. Но ни эмоциональные призывы, ни разумные доводы не могли изменить поведения партийных лидеров. Засев в окопах, они выжидали, и никакая сила в мире не могла заставить их выйти на поле боя и вступить в открытую схватку с врагом. Сначала он был отброшен на позиции аутсайдера, теоретика, не имеющего никакого влияния на ход событий и партийную политику. В очередной раз ему напомнили о том, что за время отсутствия в Германии он не продвинулся ни на шаг в смысле своего положения в партийном командном звене.

Однако пока что Гельфанд не воспринимал разочарований болезненно. Внешние обстоятельства его жизни были вполне благоприятными и помогали ему сохранять душевное равновесие. Во время своего итальянского путешествия он встретился с Розой Люксембург, которая тоже решила восстановить силы на берегу озера Ди Гарда. Эта встреча оказала сильное влияние на его дальнейшую жизнь. Со времени их последнего свидания в санкт-петербургской тюрьме многое изменилось. С тех пор как распалось их тесное сотрудничество, объединявшее их во время революции, они оба страдали от чувства одиночества и отчужденности. Оба знали, какие перспективы ожидают их в Германии и прекрасно разбирались в хитросплетениях партийной жизни. Но несмотря на это, они твердо решили продолжать борьбу и не оставлять начатого ими

⁶Там же. С. 30.

дела. И хотя для обоих первейшей заботой была политика, все же они испытывали определенные, во многом сходные личные трудности.

Гельфанд оставил в России свою вторую жену и сына. Дружба с темпераментной, саркастичной, но бесконечно женственной Розой позволила ему легко и быстро забыть о прошлом. Что касается ее самой, то она обрела в Гельфанде поддержку, сочувствие и понимание. Вскоре после революции в Варшаве она порвала со своим другом Лео Йогихесом. Более свободные, не слишком обязывающие отношения, которые установились у нее с Гельфандом, устраивали ее в гораздо большей степени. Роза относилась к обществу Гельфанда, как к приятному развлечению, облегчающему ей духовный кризис последних месяцев.

Свои отношения она не афишировала. Это было их личной тайной, которую оба хранили с величайшим тактом. Они не были романтическими любовниками, но понимали друг друга и могли друг на друга положиться.

Вернувшись в Германию в начале лета, Гельфанд с удовлетворением обнаружил, что роль, сыгранная им во время русской революции, принесла ему немалую популярность. Ведь он принимал в революции личное, самое непосредственное участие. Массовые забастовки, военные бунты, уличные бои — обо всем этом германские социалисты знали только из романтических песен. А Гельфанд видел это, принимал в этом участие, руководил этим. Было гораздо безопаснее возвести человека, принимавшего участие в революции, в ранг героя и всячески прославлять его, нежели разделить его взгляды или оказать ему политическую поддержку. Гельфанд не разглядел подвоха, который скрывался за энтузиазмом его немецких товарищей.

Он был искренне рад такому повороту событий. Партия могла оказать ему поддержку, и она сделала это незамедлительно и великодушно; все его старания вот-вот должны были окупиться с избытком. Были забыты старые ссоры, разочарования, и Гельфанда с распростертыми объятиями приняли обратно в лоно немецкой журналистики. Впервые с 1902 года Карл Каутский заказал ему статьи для «*Neue Zeit*». Даже «*Vorwärts*», с которой он вел кровную вражду с

середины девяностых годов, предоставила ему свои страницы. Итак, прошлое было забыто, по крайней мере, так казалось в этот момент.

Гельфанд использовал представившиеся ему возможности в полной мере; ни один издатель не мог пожаловаться на нехватку в редакционном портфеле гельфандовских материалов. Он возобновил выпуск газеты «*Aus der Weltpolitik*», которая прекратила выходить с конца 1905 года. Огромный успех снискала книга его воспоминаний о русской революции, вышедшая летом 1907 года в Дрездене под заголовком «В русской Бастилии во время революции»⁷. Содержание вполне соответствовало заглавию: политические события России 1905 года были отодвинуты на задний план и служили лишь фоном для описания бурной жизни главного героя книги Александра Гельфанда. Автор знал своих немецких товарищей и их вкусы. Подавляющее большинство из них представляли себе тюремную жизнь не по собственному опыту, а по воспоминаниям Казановы. Гельфанд не пожалел красок, расписывая, каким ужасающим было для него пребывание в тюрьме. Кульминацией повествования было описание побега из Сибири.

Гельфанд рассчитывал одним ударом убить двух зайцев, и его расчеты в точности оправдались. Во-первых, книга моментально разошлась и принесла автору немалую прибыль, а во-вторых, сослужила хорошую службу делу социалистической агитации против царского режима. В этом отношении Гельфанд вполне мог гордиться достигнутыми успехами. Пусть он не мог оказать влияние на формирование внутривнутриполитического курса партии и пробудить в своих немецких товарищах более оживленный интерес ко внешней политике, однако он, безусловно, внес огромный вклад в формирование определенного представления о царской России и соответствующего к ней отношения со стороны социалистического движения Германии. Эта Россия – бастион монархической реакции – была безнадежна и абсолютно неспособна к проведению реформ. Единственным спасением была для нее революция, совершить которую

⁷Parvus. *In der russischen Bastille während der Revolution.*

могли только социал-демократы. Гельфанд в буквальном смысле слова ввел русских партийных руководителей в общество их немецких коллег. Тогда все это вовсе не выглядело столь существенным, каким оказалось впоследствии, во время первой мировой войны.

Вернувшись с проходившего в Лондоне летом 1907 года русского партийного съезда, Троцкий нашел своего друга в весьма оптимистическом настроении. Оба были рады встрече – Троцкий также бежал из Сибири – и решили провести время летнего отпуска вместе. Но сперва Гельфанд позаботился о немецком издании мемуаров Троцкого о революции. Так же, как воспоминания Гельфанда, они были напечатаны в Дрезденском издательстве Кадена. Вместе с женой Троцкого Натальей Седовой они выехали из Дрездена в Саксонские горы, а оттуда перебрались в Богемию, где и остановились в маленькой деревушке, избранном месте отдыха молодых австро-венгерских государственных служащих. Это было замечательное время, но одного человека в этой компании явно не хватало. Гельфанд настойчиво приглашал Розу Люксембург присоединиться к ним в Богемии, однако его осторожная подруга предпочла остаться в Берлине.

В начале осени Гельфанд и Троцкий вернулись в Германию. Седова тем временем отправилась в Россию, чтобы забрать оттуда своего сына. Гельфанд взял на себя миссию познакомить своего друга с виднейшими деятелями немецкого социалистического движения. Он представил Троцкого Карлу Каутскому; к вящему неудовольствию Ленина, Троцкий стал корреспондентом «*Neue Zeit*» и «*Vorwärts*». Доброжелательность и расположение немецких товарищей льстили Троцкому, однако он не считал для себя возможным обосноваться в Берлине. Внутрипартийная атмосфера была, на его взгляд, слишком мелкобуржуазной, в каком-то смысле слишком корпоративной. Он уважал Каутского как крупного авторитета в области марксистского учения, однако считал этого сухого теоретика-книжника смертельно скучным. В общем, Троцкого раздражали, по сути дела, незначительные мелочи, однако вырисовывавшийся из них

в результате образ немецкой партии был весьма непривлекательным.

Из очерка Максима Горького «Ленин» видно, какое впечатление на гостей из России производила немецкая партия в 1907 году; приведенный ниже отрывок – это рассказ о его собственной поездке в Берлин:

«Понижаться оно (настроение – прим. пер.) начало с Берлина, где я видел почти всех крупнейших вождей социал-демократии, обедал у Августа Бебеля, сидя рядом с очень толстым Зингером и в среде других, тоже весьма крупных людей.

Обедали мы в просторной, уютной квартире, где клетки с канарейками были изящно прикрыты вышитыми салфеточками и на спинках кресел тоже были пришпилены вышитые салфеточки, чтобы сидящие не пачкали затылками чехлов. Все вокруг было очень солидно, прочно, все кушали торжественно и торжественно говорили друг другу:

- Мальцейт. (Приятного аппетита – прим. авт.).

Слово это было незнакомо мне, но я знал, что французское «mal» по-русски значит – плохо, немецкое «Zeit» – время, вышло: плохое время.

Зингер дважды назвал Каутского «мой романтик». Бебель с его орлиным носом показался мне человеком немножко самодовольным. Пили рейнское вино и пиво; вино было кислое и теплое, пиво хорошее; о русской революции и партии с.-д. говорили тоже кисловато и снисходительно, а о своей немецкой партии – очень хорошо! Вообще – все было очень самодовольно, и чувствовалось, что даже стулья довольны тем, что их отягощают столь почтенные мякоти вождей»⁸.

Несмотря на все усилия Гельфанда показать своему другу самые привлекательные стороны германского социалистического движения, тот оставался при своем мнении. И когда в конце 1907 года полиция начала чинить Троцкому всяческие препятствия в продлении вида на жительство, он без всякого сожаления уехал из Берлина в Вену. В последние недели его пребывания в Германии друзья, должно

⁸Горький М. *Ленин*. М. 1931. С. 6.

быть, чувствовали, что их пути в скором времени разойдутся. Их встрече после революции недоставало той теплоты, которой некогда были проникнуты их отношения в Мюнхене. Троцкий чувствовал себя теперь более независимым и более зрелым. И хотя он все еще высоко ценил Парвуса, он понимал, что теперь они перестали быть единомышленниками.

Причиной для подобного расхождения во мнениях послужила разработанная Троцким теория, которой впоследствии предстояло стяжать всемирную известность, — теория перманентной революции. Впервые Троцкий занялся этим вопросом в камере Петропавловской крепости, в то время когда Гельфанд сочинял свой отчет о пережитых в России испытаниях. В основу этой теории легли идеи Гельфанда. В своем эссе⁹ Троцкий впервые свел воедино и резюмировал важнейшие идеи Гельфанда, касавшиеся социологических и политических причин слабости русского среднего класса, ведущей роли пролетариата, концепции всеобщего единства мирового рынка, а также особой миссии русского пролетариата, которому суждено стать авангардом мировой революции.

Исходя из этих предпосылок, Гельфанд развил свою концепцию «рабочей демократии», которая, как мы уже видели, должна была представлять собой видоизмененную стадию капиталистического развития. По мнению Гельфанда, революция ни при каких обстоятельствах не могла привести к установлению в России социализма. Социалистический строй, считал Гельфанд, может установиться в России лишь тогда, когда страна достигнет высокого уровня индустриального развития, а рабочий класс будет составлять большинство населения.

На основании тех же самых предпосылок Троцкий сделал совершенно иные выводы. Он утверждал, что, захватив временную власть в государстве, пролетариат должен будет, под внутренним давлением самой революции, выйти за рамки буржуазной и рабочей демократии и перейти к

⁹Троцкий Л. *Итоги и перспективы*. // Наша революция. Ст.-Пет. 1906. С. 224-286.

решительному наступлению на самые основы капиталистического строя. Революцию нельзя искусственно ограничить, она может только расширяться. Сотрудничество между русским и западно-европейским пролетариатом позволит русским рабочим не только утвердить свою власть, но и сделать первые шаги к социализму: «Без прямой политической помощи европейского пролетариата рабочий класс в России не сможет удержать власть в своих руках и превратить свое временное господство в устойчивую социалистическую диктатуру»¹⁰.

Гельфанд не мог согласиться с таким взглядом на революцию. И вовсе не потому, что ему не хватало мужества и проницательности для того, чтобы сделать радикальные выводы из разработанных им же самим предпосылок. Его несогласие с Троцким объяснялось иначе: он сомневался в том, что западноевропейский пролетариат действительно обладает стихийным революционным потенциалом. Гельфанд считал, что Троцкий возлагает неоправданно большие надежды на иностранную помощь, ведь он гораздо лучше Троцкого знал, что на самом деле представляет собой немецкая партия и чего от нее можно ожидать. В то же время, в отличие от Троцкого, которые обращал основное внимание прежде всего на революцию как таковую, Гельфанд тщательно изучил экономические условия, необходимые для успешного введения в стране социалистической экономики. Для него социализм означал преобразование – а не построение – индустриально развитого общества. Его представления о партии, способной осуществить эти преобразования, не имели ничего общего с теми представлениями о партии революционной элиты, которые сложились в России. Гельфанд считал, что эта организация будущего должна взять за образец немецкую партию: дисциплинированную, обученную, строго организованную массовую партию с ее вспомогательными отрядами – профсоюзами и кооперативами. Он сомневался в том, что отсталость России может в политическом смысле сослужить стране хорошую службу.

¹⁰Там же. С. 278.

В результате этих расхождений во взглядах на перманентную революцию духовное сотрудничество между Гельфандом и Троцким, по сути дела, распалось. Однако поначалу они старались сохранить по крайней мере видимость дружбы: оба все еще действовали самостоятельно, не примыкая ни к одной из двух фракций русской партии, и потому были незаинтересованы в том, чтобы предавать свои разногласия огласке и выносить сор из избы. Когда в конце года Троцкий уехал в Вену, это вовсе не означало, что размолвка забыта – просто неминуемый скандал отодвинулся на неопределенный срок. И он действительно разразился – спустя десятилетие, и при таких обстоятельствах, которые друзья едва ли могли предвидеть в 1907 году.

Благосклонность, с которой на этот раз отнеслись к Парвусу его немецкие товарищи, помогла ему вновь обрести почву под ногами и разрешить свои сомнения относительно того места, которое ему надлежит занять в европейском социалистическом движении. В его цели не входило возвращение вслед за Троцким в русскую партию, – в некотором смысле он уже пресытился своей родиной и бывшими соотечественниками. Ему казалось, что в России колесо истории завязло, забуксовало, в то время как для Запада открыты самые широкие перспективы исторического развития. И снова в Гельфанде проснулась глубочайшая антипатия по отношению к эмигрантским кругам. Высокомерно, хотя и в самых осторожных, обдуманных выражениях, он отклонил одно за другим несколько предложений, приглашавших его к участию в русской эмиграционной журналистике. Принять их значило бы для него снова оказаться в вакууме. Деятельность эмигрантов была оторвана от нужд и требований массового революционного движения, и Гельфанд был убежден, что они неминуемо придут к хаосу и разобщению. Он обвинил издателей новой меньшевистской газеты «Голос социал-демократа» в том, что они отказались от принципов классовой борьбы для того, чтобы обеспечить газете безопасное хождение в России. По этой причине он не может сотрудничать с ними и удовольствуется «ролью наблюдателя»,

сохраняя верность, в самую первую очередь, немецкой партии¹¹.

Таковы были намерения Гельфанда, и он неуклонно следовал принятому решению. Это вовсе не значило, что он избрал для себя самый простой и удобный путь. Восторги, окружавшие его в первые месяцы после возвращения из России, были в каком-то смысле явлением исключительным, оазисом в пустыне, которая простиралась как позади, так и впереди него. Пройдет немного времени, всеобщее возбуждение утихнет, и он снова будет низведен до прежнего статуса. Кроме того, Германия в то время вовсе не была раем для социалистической эмиграции. Необходимость поддерживать хорошие отношения с царским правительством России заставляла Берлин достаточно жестко вести себя с революционерами-эмигрантами.

Двое из них были переданы русским властям после приезда Гельфанда в Дортмунд. На протест, заявленный социалистическими депутатами в Рейхстаге, последовал однозначный ответ канцлера, равносильный, по сути дела, объявлению войны русским «грабителям и конспираторам». Фон Бюлов считал эмигрантов из России непосильным бременем для германской внешней политики. Это предупреждение Гельфанд сумел оценить в полной мере. Арест в любой из земель, откуда он был выслан, будет означать для него выдачу русскому правительству и повторное путешествие в Сибирь. И все же он остался в Германии. Он знал достаточно о привычках немецкой полиции и считал, что сумеет в нужный момент обвести ее вокруг пальца.

В период с 1908 по 1910 годы он скитался по Германии, переезжая с места на место, нигде не задерживаясь надолго. Какое-то время он работал в «*Chemnitzer Volkstimme*». Нелегальные посещения Пруссии и Саксонии перемежались более спокойными и безопасными визитами в Штутгарт и Мюнхен. На жизнь он зарабатывал, поставляя статьи в социалистическую прессу. Несмотря на такой об-

¹¹ Парвус – Мартову. // «Социал-демократическое движение». 1908, февраль.

раз жизни, этот период был для Гельфанда чрезвычайно продуктивным. В течение многих лет он как журналист был вынужден облекать свои идеи в форму статей или, в лучшем случае, кратких памфлетов. Теперь же он решил, что пришло время написать настоящее, не ограниченное газетными рамками исследование, возможно, главный труд своей жизни. Пора, думал Гельфанд, подводить предварительные итоги.

Эта работа заняла у него два года. Летом 1910 года он отослал издателю рукопись двух книг, которые были опубликованы несколько месяцев спустя под заголовками «Государство, промышленность и социализм»¹² и «Классовая борьба пролетариата»¹³. Выдержки из обоих этих сочинений уже появлялись в течение 1909 года в виде отдельных памфлетов. Однако пока обе книги не были опубликованы целиком, трудно было в полной мере оценить значение этого первого крупного теоретического труда Гельфанда.

Ретроспективный взгляд на историю германского рабочего движения позволил Гельфанду вкратце упомянуть и в общих чертах оценить свой собственный вклад в партийную полемику. В небольшой главе он высказал свои взгляды по следующим вопросам: массовая политическая стачка, профсоюзы, ревизионизм, экономический кризис, мировой рынок, протекционистские тарифы и колониализм. Здесь же Гельфанд сказал о том, что партии удалось, хотя и ценой значительных, весьма болезненных усилий и внутренних конвульсий, существенно увеличить свой теоретический арсенал. Затем он предложил свою оценку относительной расстановки сил двух противоборствующих сторон, в результате чего обнаружилась следующая картина.

Капиталистическому экономическому порядку, находящемуся под защитой мощной армии и контролируемому монополиями и картелями, вовсе не угрожает скорая гибель, если не будет определенного импульса извне. Теорию «распада», которой придерживались многие социалисты, Гельфанд без малейших колебаний объявил ошибочной.

¹²Parvus. *Der Staat, die Industrie und der Sozialismus*. Dresden. 1910.

¹³Parvus. *Der Klassenkampf des Proletariats*. Berlin. 1911.

Он считал, что капитализм еще жив, хотя эта жизнь и не вечна, и не придавал большого значения случайным, нерегулярным экономическим кризисам. По его мнению, действительно серьезной угрозой для капиталистической системы мог бы стать вооруженный конфликт между империалистическими государствами, а поводом к войне может послужить конкуренция на мировом рынке и вытекающая отсюда империалистическая силовая политика. В результате государство будет вынуждено вести борьбу сразу на два фронта: против внешнего империалистического врага, с одной стороны, и против внутреннего классового врага, с другой. Такая ситуация, утверждал Гельфанд, в конечном счете приведет к краху капитализма, а война и революция, слившись воедино, станут частями единого процесса. «Война обостряет все капиталистические противоречия. Таким образом, мировая война может завершиться только мировой революцией»¹⁴.

Гельфанд не верил ни в неизбежность спонтанного краха капиталистической системы, ни в автоматическую победу социал-демократии. Обе эти идеи, тесно связанные между собой и взаимно дополняющие друг друга, были для него равно неприемлемыми. По его мнению, основная трудность заключалась не в том, что буржуазия находится под мощной защитой государства, а в том, что сам пролетариат достиг предела своих возможностей. Концентрация экономики стала значительным противовесом силе и влиятельности профсоюзов; парламентское влияние партии свелось на нет из-за ослабления влияния парламента как такового. По мнению Гельфанда, пролетариату следовало выработать новую революционную тактику и таким образом ввести в свой арсенал «объединенное оружие»¹⁵. Девятнадцатый век был веком отдельных, единичных боев, и в течение этого столетия пролетариат обращался к различным орудиям борьбы. Однако в двадцатом веке требуется поистине мощная, грандиозная революционная стратегия, которая согласованно и эффективно сведет воедино и ис-

¹⁴*Klassenkampf des Proletariats*. P. 147.

¹⁵Там же. P. 109.

пользует все составные части, все возможности классовой борьбы. «Не существует никаких особых средств революционной борьбы. Революция использует все доступные политические средства., поскольку революция – это не метод борьбы, а исторический процесс»¹⁶.

Этот призыв к стратегическому использованию всех доступных средств борьбы товарищи Гельфанда восприняли как весьма своевременный совет. Простая, незамысловатая рекомендация стала неотъемлемой принадлежностью, плотью и кровью революционного метода коммунистических партий всего мира – от Москвы до Пекина.

Но как применять это оружие? Здесь Гельфанд коснулся самого уязвимого места немецкого социализма. В течение всего 1908 года в среде партийных руководителей бушевали ожесточенные споры, Предметом этих споров был вопрос о том, настало ли время выводить пролетариат на улицы и, организовав всеобщую стачку, добиваться отступления реакционных сил. Мнения по этому вопросу были столь различными, что партия фактически раскололась на три группировки. Умеренная часть партии предостерегала социалистов против любых политических авантур. Левое крыло, представленное Розой Люксембург и сыном недавно скончавшегося партийного руководителя Карлом Либкнехтом, настаивало на активных революционных действиях. Рабочие, утверждали они, готовы к решительной битве, и потому наступил самый подходящий момент, чтобы вступить в бой. Особенно пугала своих немецких товарищей Роза Люксембург: одной из своих речей на партийном съезде она произвела такое глубокое впечатление на Августа Бебеля, что ему почудилось, будто он уже по колено утопает в крови. Она бесконечно ссорилась и пикировалась с Каутским, хотя в течение многих лет ее связывала с ним самая тесная дружба.

И все же наибольшим влиянием пользовалась третья группировка, идейными вождями которой были Бебель и Каутский. Они занимали в этом споре промежуточную по-

¹⁶Die russische Revolution. // «Leipziger Volkszeitung». 1908, 13 November

зицию, которая казалась наиболее приемлемой большинству членов исполкома партии. В своих выступлениях Каутский неоднократно заявлял, что руководство партии готово перейти в наступление, однако пролетариат еще недостаточно силен для решающего сражения. Из такой установки следовал вывод: «Ни революции, ни легальности – ни при каких обстоятельствах».

Таково было положение дел внутри партии, когда Гельфанд приступил к выработке новой стратегии. Было совершенно очевидно, что концепция умеренного крыла не может встретить с его стороны никакого сочувствия. Однако он был далек и от того, чтобы безоговорочно принять предложения двух других группировок. К чисто революционной политике Розы Люксембург он относился, как к безрассудной попытке слепого, безоглядного порыва. Слишком опасно, считал Гельфанд, разжигать страсти народных масс, а затем направлять эту мощную, неудержимую силу на достижение одной цели. Он изложил свою точку зрения в письме к Каутскому: «Революция превратится в массовую забастовку, массовая забастовка – в показательную стачку, и борьба за политическую власть сведется к борьбе за прусское избирательное право»¹⁷.

Роза Люксембург стремилась к осуществлению одной единственной, совершенно определенной цели, абсолютно не учитывая политических и экономических предпосылок. Гельфанд же считал такой подход ошибочным и предлагал другую тактику: двигаться к главной цели постепенно, шаг за шагом, ставя перед собой такие задачи, чтобы их последовательное осуществление естественным путем приводило к усилению революционной борьбы.

Тем не менее он вовсе не хотел играть на руку противникам Розы Люксембург. Ведь она стремилась к верной цели – но неверными средствами. Каутский же был не прав от начала и до конца. По сути дела он призывал к миру и сдержанности, боясь, что, вступив в открытую борьбу, социалистическое движение может потерпеть сокрушительное поражение. По мнению Гельфанда, политика Ка-

¹⁷Гельфанд Карлу Каутскому. *Архив Каутского*. 1910, 14 июня.

утского на практике могла привести только к глубочайшему застою. Его крайне раздражало желание Каутского вычислить наиболее подходящий момент для наступления судного дня и его уверенность в том, что неверный выбор сроков может «испортить» весь ход истории¹⁸.

Подготовив таким образом почву, Гельфанд перешел к изложению собственных соображений по вызвавшему столь бурные споры вопросу. Революцию, повторял он снова и снова, нельзя назначить на определенное время, подобно тому, как в ходе военных действий назначаются сроки решающих сражений. В революции следует видеть диалектический процесс, длинную цепь чередующихся побед и поражений. Выдвижение альтернатив – немедленная победа или катастрофическое поражение – есть не что иное, как отрицание политической реальности. Аналогию революционному процессу, утверждал Гельфанд, можно видеть в цикличности экономических кризисов. Ход мирного развития будет нарушен социальными взрывами, и тогда революция, «развиваясь по своим собственным законам, из единичной акции перерастет в исторический процесс»¹⁹. Революционная эпоха должна знаменоваться переходом к наступательной стратегии. Гельфанд выступал за применение динамичных, диалектических методов борьбы, за планомерное использование всех доступных средств и призывал к стойкости в случае поражения.

На фоне современного ему социалистического мышления его взгляды выделялись своей четкостью и индивидуальностью. Большинство партийных теоретиков проявляли такую узость и ограниченность в своем догматическом восприятии марксистской теории, что им была попросту недоступна та широта взглядов, которой отличался Гельфанд. Он не был ни радикалом, ни ревизионистом, но имел определенные точки соприкосновения и с теми и с другими. Он развил сложную, но подчиненную законам логики теорию революционного действия, вобравшую в себя и преломившую под определенным углом зре-

¹⁸*Klassenkampf des Proletariats*. P. 137.

¹⁹Там же. С. 137.

ния все разнообразие мнений, имевшихся на этот счет в партийных кругах.

В своих изысканиях Гельфанд зашел так далеко, что большинство современников стали считать его беспочвенным мечтателем и неисправимым фантазером. Ходили слухи о том, что его мать умерла, находясь в состоянии умопомешательства, и что здесь-то и кроется корень всех бед, отсюда-то и проистекают его революционные грезы. Чтобы оградить себя от его нападок и избавиться от необходимости обращать внимание на его прозрения, европейские социалисты предпочли относиться к Гельфанду как к душевнобольному. В январе 1905 года он потряс своих русских товарищей идеей о временном рабочем правительстве; это был его первый шаг на пути к утопии. Через пять лет, когда вышли в свет два его вышеупомянутых сочинения, и в первую очередь «Государство, промышленность и социализм», снова возник вопрос о состоянии его душевного здоровья. На этот вопрос – в здоровом ли уме находится Гельфанд – немецкие социалисты также ответили отрицательно. А ведь в действительности не было никаких причин для того, чтобы поднимать такой шум.

Занимаясь вопросами экономики – торговли, монополии, профсоюзов, Гельфанд убедился, что не может более ограничиваться изучением лишь прошлого и настоящего. Капиталистическая система исследована досконально; рабочие уже знают, какими средствами они располагают и как следует их применять в борьбе с установленным порядком. Но до сих пор ничего не было сказано о задачах будущего, о тех политических и экономических проблемах, с которыми столкнуться социал-демократы сразу же после революции. Что представляет собой социализм на практике? Где и как его строить? Как будет функционировать новая система?

Задавшись этими вопросами, Парвус вступил на абсолютно неведомую, неисследованную территорию. Маркс и Энгельс обрисовали будущее социалистическое общество лишь в самых общих чертах, и потому идеологи немецкой партии предпочитали проявлять в этом вопросе крайнюю сдержанность. Они боялись показаться слишком опромет-

чивыми в своих суждениях и навлечь на себя насмешки и даже обвинения в утопизме и ненаучном фантазерстве — такая участь ждала любого, кто рискнул бы слишком самостоятельно рассуждать об устройстве государства будущего. До 1910 года немецкие социалистические писатели ограничивались чистой апологетикой в отношении будущего государственного устройства, тщательно избегая какой бы то ни было конкретности в описании его возможной структуры. Вера в неизбежность исторического развития позволяла им закрывать глаза на те проблемы, которые, в чем они нимало не сомневались, с течением времени разрешатся сами собой.

Когда во время партийного съезда в Ганновере в 1899 году Бернштейн заговорил о тех трудностях, с которыми партии придется столкнуться после революции, Бебель охарактеризовал позицию Бернштейна, как «боязнь правды», добавив, что, создавая искусственные трудности, Бернштейн тем самым разрушает веру в саму возможность победы. Однако этот грозный приговор Бебеля свидетельствовал о том, что он испытывает значительное душевное замешательство. Бебель уже устал от партийцев-интеллектуалов, постоянно создававших проблемы, которых он сам, как политик-практик и опытный парламентарий, мог позволить себе попросту не замечать. В Ганновере он спрашивал своих товарищей: «Неужели вы считаете, что клерки, технические служащие, инженеры и другие не начнут забастовку, не присоединятся к нам, если мы пообещаем им более высокую зарплату и лучшее положение в обществе? (Смех, аплодисменты). Заверяю вас, что к нам придут тогда и многие члены тайного совета, возможно, даже министры»²⁰

Гельфанд совершенно не верил в такую перспективу. Он настаивал на том, что социалистам следует быть более реалистичными, чем Бебель, и не предаваться мечтам о правительстве, в которое якобы войдут почтенные тайные советники и министры. Он считал, что концепция будуще-

²⁰Protokoll Hannover. 1899. P. 127.

го социалистического государственного устройства является «важнейшей теоретической проблемой из всех, стоящих перед нынешним поколением»²¹.

В который раз вступив в противоречие с господствующей в партии точкой зрения, Гельфанд разработал следующую программу социалистического преобразования экономики. Отправной точкой этого процесса он считал национализацию банков. Если социалистическое правительство будет контролировать рынок денег и капитала, оно будет в состоянии управлять и всей экономикой в целом: необходимую основу для этого уже создали сами банки. В этой связи Гельфанд цитировал Вальтера Ратенау, упомянувшего однажды о том, что триста человек контролируют «экономический капитал целого континента». Такую концентрацию управления Гельфанд считал признаком того, что европейская экономика созрела для социальной революции. Нет никакой необходимости, полагал он, немедленно уничтожать частную собственность на средства производства. Построение социализма должно быть постепенным, органично развивающимся процессом, и начальным импульсом послужит для него национализация банков. Социалистическое государство получит власть, которая позволит ему постепенно вытеснить частный экономический сектор на задний план²².

Безусловно, программа Гельфанда была достаточно упрощенной и, быть может, излишне романтизированной. Он оставил за пределами рассмотрения проблемы всеобъемлющего государственного планирования и совершенно не учел тех трудностей, которые неминуемо должны были бы возникнуть при попытке перестроить на редкость громоздкий и неповоротливый бюрократический аппарат. Однако следует помнить, что в то время, когда он писал свою книгу, в обществе не существовало ни интереса к этим проблемам, ни какого-либо практического опыта в этой области. Изыскания Гельфанда вовсе не увенчались созданием идиллического образа земли обетованной. Напротив, он

²¹*Klassenkampf des Proletariats*. P. 4.

²²*Der Staat, die Industrie und der Sozialismus*, passim.

столкнулся с рядом весьма значительных трудностей. В частности, он пришел к выводу, что национализация средств производства изменит «лишь форму капиталистического господства». Она даст государству гораздо большую власть, чем та, которую оно имело когда-либо прежде, и хотя теперь государство станет орудием пролетариата, составляющего большинство населения, все равно будет существовать угроза злоупотреблений. Сосредоточение в руках государства всей полноты экономической власти крайне опасно, если не будут приняты определенные меры по контролю и регулированию.

На этом этапе рассуждений Гельфанд вновь вернулся к выдвинутому им значительно раньше утверждению, что пролетарские организации не исчерпают своих функций, когда власть будет завоевана. Они необходимы не только для того, чтобы достичь власти, но и для того, чтобы построить социалистический порядок. Лишь им можно доверить крайне важную задачу обеспечения прав личности; только они – и в первую очередь это касается профсоюзов – могут создать мощный и надежный противовес укрепившейся государственной машине. Таким образом, социализм означает не просто трансформацию капитализма, но и дальнейшее развитие рабочих организаций.

Здесь Гельфанд затронул самый существенный вопрос теории и практики социалистического развития. Действительно, у нас перед глазами есть достаточно наглядный пример того, как развивались события в Советском Союзе, где первым шагом на пути к диктатуре был роспуск оппозиционных партий и нейтрализация власти профсоюзов. Кроме того, концентрация экономической власти в руках государства в результате привела к ущемлению прав личности. И тем не менее, в предложениях Гельфанда, настаивавшего на необходимости осуществления в социалистическом государстве принципов взаимозависимости и взаимоограничения законодательной, судебной и исполнительной власти, не следует видеть сознательного предостережения против большевистской диктатуры. В 1910 году социалисты еще не могли себе представить такой ситуации, что партия использует дарованную ей революцией власть

против большинства населения страны. Однако тот факт, что уже в 1910 году Гельфанд указал на опасность сосредоточения неограниченной власти в руках даже социалистического государства, безусловно, заслуживает особого упоминания. Он предугадал возможность, которая была недоступна самому изощренному воображению людей, возросших в традициях демократического социализма, возможность, которая самым жестоким и страшным образом реализовалась в России в 1917 году.

Немецкие товарищи Гельфанда в очередной раз фактически пропустили его слова мимо ушей. Критик «*Neue Zeit*» даже не понял, что Гельфанд говорит о социалистическом государстве, решив, что автор «Государства, промышленности и социализма» просто советует имперскому правительству Германии национализировать банки. Роза Люксембург высказалась еще лучше: «Тодстяк написал прекрасную книгу, — писала она одному из своих друзей, — но, по-моему, он медленно сходит с ума».

Хотя Роза Люксембург лучше, чем кто-либо другой, знала об обстоятельствах жизни Гельфанда, в этом случае она не проявила ни проницательности, ни сочувствия. Именно научная и журналистская деятельность была для Гельфанда единственной прочной нитью, связывавшей его с миром здравомыслия, и позволяла ему сохранить рассудок. Что же касается всего остального, то те трудности, с которыми ему пришлось столкнуться, более слабого человека могли сломить окончательно. Сам он прекрасно осознавал, в каком затруднительном положении оказался.

Должно быть, он чувствовал, что написал две последние книги напрасно. Никто не понял их и никто не принял их всерьез. Он потратил два года, и за две книги получил всего-навсего две тысячи марок. К тому времени, как была написана последняя фраза, эта жалкая сумма была истрачена. Высказанные им идеи были слишком сложными, чересчур интеллектуальными и совершенно непригодными для массовой агитации. Партийные руководители относились к предложениям Гельфанда с непониманием, а гораздо чаще даже с открытой враждебностью. В своей попытке

оживить революционное сознание партии он потерпел сокрушительное поражение.

Какой-то вес его положению могла бы придать группа преданных последователей. Но он никогда не прилагал усилий к тому, чтобы создать себе надежную группу поддержки. Лишь Конрада Хениша он мог назвать своим другом и преданным почитателем. Какую-то поддержку и понимание он мог встретить и со стороны Розы Люксембург. Но гораздо больше Гельфанд преуспел в том, чтобы восстановить против себя большинство своих товарищей, занимавших ведущее положение в партии. Всех их от Бернштейна до Бебеля в то или иное время не пощадил его острый язык. Кроме того, ему припомнили инциденты с Шенланком и Мархлевским, которые тоже говорили отнюдь не в его пользу. Слишком многое в поведении и образе мышления делало его чужим для его немецких коллег и обрекало на политическую изоляцию и даже личное одиночество.

И потому совершенно не удивительно, что германские социалисты держали Гельфанда на расстоянии и всячески пытались ограничить его влияние. За девятнадцать лет, которые, с небольшими перерывами, он провел в Германии, ему ни разу не доверяли официальных партийных должностей. Он не был делегатом с правом голоса ни на одном из ежегодных партийных съездов. Как для эмигранта, для него не могло идти и речи о мандате в Рейхстаг. Оставалось лишь несколько газет и журналов, которые он мог использовать, чтобы дать волю своему гневу и негодованию. Немецкая партия не стала, как он надеялся, будучи юношей, его отечеством. Теперь он не знал, куда податься. Во время революции 1905 года в России он понял, что роль лидера, роль руководителя-практика ему не подходит. Когда революция потерпела поражение, он понял, что связь с Россией для него потеряна, и не позаботился о том, чтобы обеспечить для себя место в русской партии. И вот теперь, в конце концов, он убедился в том, что, несмотря на все его писательское дарование, печатное слово не может дать ему ни власти, ни влияния.

Гельфанд был широко известен, но не имел никакой

реальной власти. Он был честолюбив и талантлив, но, за исключением своих литературных трудов, не мог доказать своих достоинств на деле и в полной мере проявить себя как выдающуюся личность. Он был готов предпринять самые крутые меры, самые решительные шаги, чтобы выбраться из этого тупика – и не знал, в каком направлении. И вдруг обстоятельства сложились так, что ему пришлось действовать – и действовать быстро.

С декабря 1905 года над ним сгустились тучи, он же всячески старался не замечать их. Большевики под руководством Ленина развернули в Москве бурную деятельность и так же, как Санкт-Петербургский совет, столкнулись со значительными финансовыми трудностями; особенно много расходов требовала типография. Следовало ожидать, что теперь они вспомнят о том, что Гельфанд должен выплатить им гонорар за пьесу Горького. Так и произошло.

Близкий друг Горького И. П. Ладыжников находился тогда в Берлине. Выполняя указания большевистского центрального комитета, он пытался основать издательство, которое должно было специализироваться на выпуске марксистской литературы, а также трудов «прогрессивных» авторов и в первую очередь – первого русского пролетарского писателя. Доходы от этого предприятия предполагалось использовать для пополнения кассы большевистской партии²³. Однако первым делом Ладыжникову нужно было приобрести авторские права, которые Горький в 1902 году передал Гельфанду. В конце декабря 1905 года Ладыжников писал своему другу: «Я уже передал документы в арбитражный суд. Я советовался с Никитичем и Ильичем (Лениным), и они должны были обо всем рассказать тебе. Конечно, нам не следует рассказывать об этом деле кому попало, чтобы не дать козыри в руки буржуазии. Я или Ильич должны были увидаться с Парвусом – но пока не вышло. Мы хотим потребовать от него немедленной пере-

²³Архив Горького. М. 1959. Т. 7. С. 292.

дачи нам всех прав, на которых он до сих пор здорово наживается...»²⁴.

Большевики подсчитали, что Гельфанд присвоил около ста тридцати тысяч марок, которые должны были по праву принадлежать им²⁵. Однако аргументировать эти претензии было для них не так-то просто. Договор с Горьким был заключен в 1902 году, за год до большевистско-меньшевистского раскола. Предполагалось, что выгоду от этого соглашения получит вся социал-демократическая партия, а не какая-либо одна из ее фракций. Надежды, которые они возлагали на пьесу, были чересчур оптимистическими: они рассчитывали получить за нее около ста восьмидесяти тысяч марок, что составляло огромную сумму по стандартам немецких театральных постановок того времени. Формальным владельцем авторских прав было мюнхенское издательство, дела которого – за исключением пьесы Горького – шли из рук вон плохо. Когда Ладыжников писал письмо Горькому, издательство было на грани ликвидации; о переговорах с Мархлевским Ладыжников даже не упомянул.

Как бы то ни было, дело переросло в грандиозный скандал в социалистическом лагере. Пошли слухи, особенно после визита Горького в Германию в 1907 году, когда он подал жалобу на Гельфанда в исполнительный комитет партии. По словам Горького, Гельфанд присвоил себе всю эту огромную сумму, а в ответ на письмо к нему Горького «вежливо» сообщил, что деньги израсходованы им на путешествия в Италию. Разгневанный поэт посоветовал германскому исполкому партии «надрать уши» издателю Гельфанду.

Гельфанд защищался как мог. Снова и снова он повторял, что во время ликвидации издательства Мархлевский урегулировал с Горьким все спорные вопросы. Вся эта история – клеветническая ерунда, говорил он. И когда это дело всплыло вновь во время первой мировой войны – его использовали, чтобы подорвать репутацию Гельфанда – он

²⁴Там же. С. 131-132

²⁵Там же. С. 294.

еще раз объявил, что готов к новым переговорам и даже согласен постепенно погасить любые крупные долги. Сам Горький заявил тогда, что некоторые журналисты – в частности, Дурцев и Алексинский – в своих сообщениях исказили факты, и добавил: «И тем не менее, я не считаю ни необходимым, ни возможным дополнять или исправлять эти сообщения»²⁶. История на этом не кончилась. Через несколько лет после завершения войны Горький вновь возобновил свои обвинения в адрес Гельфанда. И сделал он это в весьма необычном месте и при весьма необычных обстоятельствах, а именно в некрологе по своему другу, Владимиру Ильичу Ленину.

Как бы то ни было, настойчивость Горького в годы после первой русской революции принесла Гельфанду немало вреда. Все, что он мог сказать в свое оправдание, звучало не слишком убедительно. Такой преданный почитатель Гельфанда, как Хениш, вспоминал в своих мемуарах, что в финансовых делах Гельфанд всегда «действовал с огромным размахом». Когда во время войны Гельфанд начал буквально ворочать миллионами, он часто говорил своему другу, что «главная бухгалтерская книга у него в голове».

Небрежность в ведении счетов не могла послужить достаточным оправданием в деле, в котором были кровно заинтересованы Горький, Ленин и большевистская казна. Проявив финансовую беспечность в отношениях с этими людьми, Гельфанд фактически сам сунул голову в петлю и оказался абсолютно беззащитен – да еще в таком деле, на которое его немецкие товарищи не могли и не желали смотреть сквозь пальцы. Нечестность и преступление против частной собственности были в их глазах куда более серьезными проступками, чем, например, политическая глупость. После того, как Горький обратился с жалобой в берлинский исполком, Гельфанд предстал перед судом партии. Этим чрезвычайно сложным делом занималась в 1908-1909 годах специальная следственная комиссия, в состав которой вошли Каутский, Бебель и Цеткин. Расследование проходило в обстановке полной секретности,

²⁶Биржевые Ведомости. 1915, 20 октября.

рядовые члены партии ничего не знали. Официальный приговор также не был вынесен публично.

Гельфанд оказался в серьезной переделке, и выводы комиссии также были не в его пользу. Германским социалистическим лидерам никогда прежде не приходилось участвовать в скандалах, где была бы замешана русская партия, и они не имели ни малейшего понятия о том, как им следует действовать в подобной ситуации. Вскоре начали распространяться слухи, что Гельфанду вынесено предупреждение, а также запрещено в течение какого-то времени претендовать на занятие редакторских постов во всех социалистических немецких газетах.

И хотя в этом «горьковском» деле весьма трудно отделить правду от вымысла, тем не менее лично для Гельфанда оно возымело крайне неприятные последствия. Было непонятно, как ему удастся выбраться из столь затруднительной, двусмысленной ситуации. Очевидно было только одно: дальнейшее пребывание в Германии сломит его окончательно. Гельфанд был совершенно деморализован и переживал глубокий душевный кризис. И тогда он решил на какое-то время покинуть Германию.

Летом 1910 года Гельфанд отправился в Вену. Он думал, что эта поездка просто позволит ему сменить обстановку — в действительности она стала поворотным пунктом всей его жизни.

АНТРАКТ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

К исходу лета этого судьбоносного для него 1910 года Гельфанд определенно нуждался в перемене обстановки. Столица Габсбургов была для этого идеальным местом. Ее ленивый покой, словно замедленный темп жизни, непринужденный, почти беззаботный жизненный уклад позволили ему справиться с затяжным личностным кризисом последних месяцев. Австрийские социалисты были, похоже, не слишком осведомлены о недавнем партийном судилище над Гельфандом, да в общем-то и не проявляли к обстоятельствам этого дела сколько-нибудь значительного интереса. В Вене все еще жил Троцкий, но от него у Гельфанда не было секретов.

Здесь Гельфанд мог начать работать заново; он мог утешать себя мыслью о том, что годы его участия в социалистическом движении потрачены не зря. Он сыграл выдающуюся роль во всех самых бурных партийных спорах в Германии, а также принял заметное участие в первой русской революции. Он многое узнал как о себе, так и о политике, и теперь понимает, каких ошибок следует опасаться и как защитить себя от друзей и врагов. И, что самое важное, он развил в себе изоощренную, почти сейсмографическую чуткость к политике, необыкновенно ясное видение всевозможных нерегулярностей, исключений из общего правила, которые в действительности служат своего рода вехами в мощном течении европейской истории.

В настоящий момент политическая жизнь как в Германии, так и в России не давала никаких поводов для воодушевления. Подавив в себе на корню возникший было революционный энтузиазм, германское движение впало в состояние глубокого застоя. В России революция, слишком легко сдав свои позиции, потерпела поражение. Гельфанд был нетерпеливым и честолюбивым человеком, и его честолюбивые замыслы распространялись не только на него лично, но и на социализм в целом. Теперь он почувствовал,

что ни ему самому, ни делу революционного социализма не удалось добиться сколько-нибудь значительных успехов и подойти к осуществлению поставленных целей.

Однако ситуация, складывавшаяся к юго-западу от габсбургской столицы, казалась многообещающей. Падение влияния Блистательной Порты на Балканах, революционное развитие внутри самой страны, вхождение Турции в систему капитуляций – все эти компоненты образовали мощный политический заряд, бомбу замедленного действия. Через некоторое время после своего приезда в Вену Гельфанд писал своей подруге Розе Люксембург, что на три месяца уезжает в Константинополь. Вышло же так, что он остался в Турции почти на пять лет.

Итак, Гельфанд спешно заканчивал последние приготовления к своему путешествию на Ближний Восток. Он понимал, что редакторы многих германских и австрийских газет с удовольствием будут печатать материалы из Турции; Троцкий договорился с популярной русской либеральной газетой «Киевская Мысль», чтобы она заказала Гельфанду ряд статей.

Гельфанд прибыл в Константинополь в начале ноября 1910 года. Его новую жизнь с самого начала в значительной степени определило его социалистическое прошлое. На Балканах, на бывших турецких территориях формировались и усиливались рабочие партии. Имя Парвуса было знакомо многим сербским, румынским и болгарским социалистам. Местом встреч им все еще служила турецкая столица. Роль, которую в жизни Гельфанда некогда сыграл Троцкий, теперь перешла к Кристо Раковскому.

Выходец из зажиточной болгарской семьи в Добрудже, Раковский стал румыном отчасти по собственному выбору, а отчасти по случаю, из-за изменения государственных границ в этой части Европы. Он изучал медицину и право во Франции, и уже в то время был социалистом с несколькими годами стажа. После длительного отсутствия – из Франции он переехал в Германию и был выслан из Пруссии в начале девяностых годов, вскоре после того, как та же участь постигла Гельфанда – в 1905 году он вернулся в Румынию. К этому времени он уже окончательно сложился

как личность и стал тем самым человеком, о котором позднее, после того, как он был уничтожен Сталиным во время грандиозных советских чисток, с любовью вспоминали товарищи: энциклопедически образованным марксистом, полиглотом, революционером, великим знатоком истории. Впрочем, за свою политическую деятельность он был депортирован из Румынии, и большую часть жизни ему приходилось проводить в переездах из Вены в Константинополь и обратно. Он подружился с Троцким, а в Германии познакомился с Розой Люксембург и Гельфандом. И вот теперь, когда Гельфанд оказался в Константинополе, Раковский свел его со многими социалистическими деятелями балканских стран.

Некоторые из них в то время вынашивали самые разнообразные планы относительно Балканской федерации – и было бы преувеличением сказать, что турецкие власти относились к этому с неодобрением. Особенное впечатление на Гельфанда произвел молодой болгарский социалист Влахов¹, который действовал в этом направлении столь активно, что ему удалось заинтересовать своими предложениями австрийского посла в Константинополе, и к тому же установить контакты с Русским союзом моряков. Сам Гельфанд усиленно занимался изучением экономической и политической ситуации на Ближнем Востоке; в атмосфере неустойчивости и нестабильности он чувствовал себя как рыба в воде, не испытывая ни малейшего желания возвращаться в Западную Европу.

Однако ему пришлось столкнуться и с определенными трудностями. Коренные жители города на Босфоре вполне могли вести скромный образ жизни и обходиться без слишком больших затрат, европейцам же, чтобы сохранить репутацию, приходилось поддерживать европейские стандарты, и это давалось Гельфанду с огромным трудом. Если бы он жил, как уважаемый европеец, ему приходилось бы питаться как нищему турку и, соответственно, наоборот. За первые месяцы своего пребывания в Константинополе он достаточно повидал и, в частности, хорошо знал, что

¹Парвус Каутскому. *Архив Каутского*. 1911, 3 апреля.

представляет собой азиатская часть города – Скутари и район верфей, находившийся рядом с мостом Галаты. Ему не раз приходилось смешиваться с толпой беднейших и смиреннейших обитателей этого гордого города и делить с ними стол в самых захудалых забегаловках. Позднее, описывая этот период своей жизни одному из друзей, он говорил: «Часто мне приходилось ступать крайне осторожно, чтобы никто не заметил дыр на моих подметках».

Впрочем, как бы то ни было, но фундамент своего будущего благосостояния он заложил именно в Константинополе. Он и прежде пытался делать деньги: к числу таких попыток относились основанные им информационное агентство *«Aus der Weltpolitik»* (кстати, аналогичное начинание, предпринятое им уже в Турции, оказалось куда более успешным) и издательство в Мюнхене. Но обе эти попытки – первые коммерческие предприятия Гельфанда – провалились. Немецкая социалистическая пресса не нуждалась в большом количестве новостей из-за рубежа; обеспечение в Западной Европе авторских прав иностранных писателей также оказалось не столь выгодным делом, каким представлялось поначалу. Однако в Турции ему наконец удалось поймать удачу, которая до сих пор упорно не давалась ему в руки.

Мы не располагаем точными сведениями о том, каким образом Гельфанду удалось разбогатеть, об этом нам остается лишь догадываться. Как правило, сами турки, коренные и постоянные жители столицы, были чиновниками или военными и чуждались занятий бизнесом, оставляя их на долю смешанной, разнородной общины, состоявшей, главным образом, из американцев, греков и евреев. Вполне вероятно, что Гельфанду удалось привлечь к себе внимание европейских деловых кругов и стать их советником и представителем в Османской империи – в этой связи уместно упомянуть концерн Круппа и г-на Василия Захарова. Возможно, что он также по собственной инициативе занялся торговлей зерном и прочими товарами. Во всяком случае к 1912 году – т.е. к началу Балканских войн – он уже активно действовал в обеих этих областях, и притом весьма успешно.

Совершенно очевидно, что в своей коммерческой деятельности Гельфанд пользовался покровительством местных политических деятелей. Он достаточно тесно контактировал с руководителями недавно возникшей националистической партии младотурков и в 1912 году начал финансировать их газету «*Turk Yurdu*»²; известно также, что во время Балканских войн он занимался поставками продовольствия турецкой армии. Не может быть никакого сомнения, что в это время Гельфанд был гораздо теснее связан с турецкими официальными кругами, чем сам признавал впоследствии. Он непрерывно путешествовал по Балканскому полуострову и имел все возможности для того, чтобы поставлять турецкому правительству весьма полезную информацию. Его политический опыт и финансовая эрудиция нашли наконец реальное применение и благодарный отклик.

За два года до начала первой мировой войны Гельфанд впервые приобрел политические связи, из которых можно было извлечь огромную практическую выгоду. Человек, который в течение многих лет находился в немецкой партии и уж тем более в германском государстве на периферии политической власти, теперь постепенно продвигался на самые ведущие позиции. Он понял, что в тех условиях, которые существовали в Турецкой империи, реальную власть могут дать только деньги, а деньги можно получить, только имея власть политическую. Гельфанду удалось воспользоваться этим знанием и извлечь из него максимальную пользу.

28 июня 1914 года выстрелы Гаврилы Принсипа в Сараево вдребезги разбили хрупкий покой Европы. Вслед за убийством прямого наследника Габсбурга и его жены последовал повсеместный взрыв патриотизма: приказы о мобилизации, а затем и объявление войны были встречены горячим одобрением практически во всех странах. Жители европейских столиц поддерживали намерение правительств продемонстрировать военную мощь своих держав;

²Haenisch K. *Parvus*. P. 50 and Harden M. *Gold und Wehrauch*. // «Die Zukunft». Berlin. 1920. P. 2-35.

голоса, призывавшие к умеренности и сдержанности, потонули в мощной волне патриотических лозунгов.

Социалистические партии – члены Второго Интернационала были среди тех, кто пытался предотвратить надвигающуюся катастрофу, в конце июля они организовали демонстрацию в защиту мира. Но было уже слишком поздно.

Гельфанд наблюдал за кризисом из Константинополя. Стремясь сохранять беспристрастность, он ограничился единственным публичным высказыванием по этому поводу – накануне войны в газете «*Tasviri Efkar*» появилась его статья, в которой говорилось, что Турция должна извлечь максимальную пользу из победы Германии в предстоящем поединке; Гельфанд также настоятельно советовал ей избавиться от груза договоров о капитуляции. Он не предпринял никаких шагов в поддержку мирных кампаний Второго Интернационала.

Тут-то европейские друзья-социалисты заметили отсутствие Гельфанда в своих рядах. Троцкий раздраженно обронил, что Гельфанд, должно быть, выжидает, пока «ему можно будет приехать в Петербург на готовенькое»³. Но здесь он заблуждался. Несмотря на то, что обстоятельства его жизни серьезно переменились, он не продался, не вышел из игры. Его главные интересы остались прежними, он и не думал отказываться от них, однако его возможности и, следовательно, самоощущение, стали иными. Он, как и раньше, считал себя социалистом, более чем когда-либо прежде, был готов помогать делу социализма. Но теперь он имел возможность делать это так, как сочтет нужным и выдвигать свои собственные условия. Он приблизился к достижению одной из своих самых заветных целей и присущая ему уверенность теперь была не такой уж бесосновательной: он занял определенное положение в обществе, стал весьма влиятельным политическим деятелем и имел все основания считать, что это положение позволит ему оказать помощь товарищам – когда придет время. Он был готов, подчиняясь политической реальности, идти на необ-

³Abramovich R. *In Tsvei Revolutsies*. New York. 1944. Vol. 1. P. 374.

ходимые уступки, но, прежде всего, он был готов действовать.

И если бы Гельфанду пришлось как-то объяснять свое поведение, то аргументы были бы налицо. В последние дни мира он видел, что Второй Интернационал находится при последнем издыхании, так же как и весь довоенный социализм, для которого он в свое время так много пытался сделать. Социалистическая партия не воздала Гельфанду должного — и не достигла ничего, или почти ничего. И вот теперь на пороге стоит война, которую он предвидел и предсказывал столько лет назад. Гельфанд не придавал никакого значения тому обстоятельству, что произошло все, казалось бы, по чистой случайности, что причиной столь бурных событий послужил молодой фанатик в маленьком провинциальном городке в Боснии. Это была та самая война, которой он ждал, и открывшиеся с ее началом перспективы вовсе не казались ему безнадежными. Дорога к социализму идет не через роскошные проспекты существующего порядка, а через руины национальных буржуазных государств, считал он.

В недели, непосредственно предшествовавшие началу войны, а также в самые первые дни войны он с головой погрузился в бурную деятельность. В первую очередь его занимали агитация за страны германского блока, экономическая мобилизация турецкой империи и осуществление первых подрывных действий против России.

Находясь в Турции, Гельфанд вел агитацию за Германию также в Болгарии и Румынии. Эти страны еще сохраняли нейтралитет, и оба воюющих лагеря пытались привлечь их на свою сторону. Гельфанд действовал через местную социалистическую прессу: через несколько дней после начала войны бухарестская газета «*Zapta*» и болгарская «*Работнически вестник*» опубликовали одну и ту же статью Гельфанда под весьма красноречивым заголовком: «За демократию — против самодержавия»⁴.

Журналистское мастерство и привычка к литературной

⁴Немецкий перевод этой статьи позднее был напечатан в «Die Glocke». 1915. P. 77-85.

деятельности сослужили Гельфанду хорошую службу. Социалисты оказались в довольно трудном положении: ситуация, которой они не могли даже представить себе до войны – а именно, что рабочие вынуждены будут сражаться друг против друга на разных сторонах баррикад – стала теперь жестокой реальностью. Такое положение дел требовало от социалистов незамедлительного принятия однозначного недвусмысленного решения, выработки совершенно определенной стратегии. С этой же необходимостью столкнулся и Гельфанд. Чтобы доказать себе и своим товарищам приемлемость такого решения, он выдвинул в его защиту интересные, весьма нетривиальные аргументы. Его аргументация действовала уже за рамками безвоздушного пространства чистой социалистической теории, поскольку должна была соответствовать той новой, еще не привычной реальности, которую диктовала война.

В румынских и болгарских социалистических газетах Гельфанд писал о том, что не имеет никакого смысла дискутировать о том, по чьей вине началась война. Ни о какой вине не может идти речи; война явилась закономерным результатом экономической конкуренции империалистических государств, а те социалисты, которые ищут причин войны в дипломатических интригах, мыслят «отнюдь не в социалистических категориях». К войне нельзя относиться как к временному разрушению той гармонии, которая якобы присуща капиталистическому строю – ее следует преобразить в средство достижения социализма. Кризис капитализма, указывал Гельфанд, необходимо использовать в интересах социальной революции. В этом и должна заключаться основная задача политики социалистов во время войны.

Именно потому в это трудное время социалисты не должны уходить с политической сцены, не должны прибегать к тактике выжидания. Однако на чьей стороне – и в этом-то и состоял главный вопрос, особенно в тех странах, которые еще не присоединились ни к одному из противоборствующих лагерей, – на чьей стороне им следует сражаться? По мнению Гельфанда, выбор был совершенно очевиден. Гер-

мания, с ее сплоченными мощными рабочими организациями воплощала собой прогрессивные силы. На противоположной стороне, в лагере Антанты, находился русский абсолютизм — и это исключало любые сомнения в том, где следует искать врагов социализма. Гельфанд разъяснял румынским и болгарским социалистам, что победа Антанты будет означать торжество самодержавия, которое, в свою очередь, принесет огромный вред делу революции в России, ознаменовав собой «новую эру неограниченной капиталистической эксплуатации» во всей Европе. Вот почему рабочим партиям следует повсеместно объединиться для борьбы с самодержавием.

Такие воззрения на войну объяснялись глубочайшей ненавистью Гельфанда к царскому режиму. По сути дела, война была для него, прежде всего, средством осуществления революции в России. Он не задумывался о том, что в случае победы Германская империя может предъявить России непосильные требования; его не пугало усиление полуабсолютистского Германского государства; неминуемое, в случае победы Германии, поражение французской и английской демократии также было вне поля его зрения. Позднее, во время войны, ему не раз придется идти на уступки и компромиссы — и неизменно в пользу германского шовинизма.

Но сам Гельфанд не считал себя ни шовинистом, ни предателем социалистического движения. За разрушение самодержавия можно заплатить любую цену, считал он. Его мнение о необходимости победы Германии шло вразрез со взглядами практически всех революционных деятелей Германии. Свою позицию он обосновывал тем, что разрушение самодержавия приведет, в конечном счете, к ослаблению реакционных сил в Германии и будет способствовать ускорению того процесса, который приведет к совершению социалистических революций во всем мире.

Однако работа в социалистической прессе была не единственным занятием Гельфанда. У него было много дел в самой Турции. Во-первых, следовало убедить правительство вступить в войну на стороне стран германского блока, а для этого прежде всего было необходимо мобилизовать

экономические ресурсы страны. В этом отношении его мнение совпадало с мнением германского посла в Константинополе⁵. Вообще Гельфанд мог оказывать германскому правительству весьма ценные услуги – ведь в его руках фактически были сосредоточены поставки зерна в турецкую столицу; помимо этого он занимался модернизацией турецких железных дорог. Действуя быстро и решительно, он сумел закупить зерно в Англии и Болгарии; из Германии и Австрии он вывез железнодорожное оборудование, а также запасные части для оборудования хлебопекарной промышленности⁶. Участвуя в экономических приготовлениях Турции, он немало способствовал ее раннему вступлению в войну; в результате этих операций в его карманах осели довольно крупные денежные суммы, которые позволили ему распространить свои деловые интересы на значительную часть Европы. Когда вопрос с Турцией был решен, он перенес свое внимание на Болгарию, где фактически выполнил аналогичную работу.

Успешно завершив дела по мобилизации турецкой армии, Гельфанд – впервые за время войны – занялся подрывной деятельностью против царского режима. В Вене и во Львове украинцы, известные также под именем «рутены» и частично населявшие западные области империи Габсбургов, основали общество под названием «Союз борьбы за освобождение Украины»; после начала войны Союз вел активную агитацию в прессе, а также в лагерях для русских военнопленных. Союз ставил своей целью освобождение Русской Украины и объявление ее независимым государством, и вскоре организация начала получать поддержку и финансовую помощь от вполне официальных лиц Берлина и Вены. Австрийское и германское правительства с готовностью поощряли практически любую деятельность, кото-

⁵АА. (Auswartiges Amt. *Unpublished documents in the Archives of the German Foreign Ministry.*) Telegram No. 362 to the Foreign Ministry. // Deutschland Nr. 128 geh. 1914, 22 July.

⁶Parvus. *Meine Entfernung aus der Schweiz.* // «Die Glocke». 1919. P. 1488; Haenisch K. Там же. P. 34.

рая могла в конечном счете привести к ослаблению Российской Империи. Они снабжали Союз значительными денежными средствами, и в результате он оказался фактически подконтролен венскому Министерству иностранных дел⁷.

К концу сентября Союз разработал план непосредственных военных действий против России. В соответствии с этим планом, на Украину следовало перебросить экспедиционные войска, которые затем должны были поднять в тылу восстание против царского режима. Двое руководителей Союза, Мариан Басок-Меленевский и д-р Лео Ханкевич, выехали из Вены на Балканы; им предстояло выяснить ситуацию в районе, примыкавшем к месту запланированной акции, а также оценить возможности получения дополнительной помощи. Министерство иностранных дел известило руководителей дипломатических миссий в Софии и Константинополе о предстоящем прибытии двух украинских деятелей и обратилось с настоятельной просьбой оказывать им всемерную поддержку⁸.

Меленевский был знаком с Гельфандом еще со времен его работы в «Искре» в начале века. Социалисты – члены Украинского Союза с вниманием отнеслись к мнению Гельфанда о войне, поэтому именно к нему, а не к австрийскому послу Паллавичини сразу же после приезда в Константинополь отправился Меленевский.

Гельфанд был готов оказать помощь своим украинским друзьям. Он дал Меленевскому рекомендательные письма для издателей крупнейших константинопольских газет; уже в конце ноября «*Tasviri Efkar*» опубликовала первое воззвание Союза, и австрийский посол незамедлительно сообщил в Вену о первых успехах миссии Меленевского⁹. В это же время за независимость своих стран выступили армянские и грузинские социалисты. Они также нашли у

⁷Memorandum by Consul Heinze. «AA». WK 2. 1914, 6 August; относительно Австрии ср. HHuStA (Haus-, Hof-, und Staatsarchiv. Unpublished document in the Vienna State Archives), P.A. Krieg 21, 948.

⁸The Foreign Minister to Pallavicini and to Freiherr von Mittag. 1914, 29 September. HHuStA, P. A. Krieg 8b, 902.

⁹Pallavicini to Berchtold. 1914, 22 October. HHuStA, P. A. Krieg 8b, 902.

Гельфанда поддержку и сочувствие. Его константинопольский дом стал местом встреч для любых заговорщиков против Российской Империи и царского режима; его двери были открыты как для социалистов, так и для националистов.

Тогда же, в конце октября 1914 года, Басок-Меленевский попросил у Гельфанда предоставить печатному органу Украинского Союза его статью «За демократию – против самодержавия». Гельфанд с радостью дал согласие, решив использовать эту возможность для того, чтобы публично высказать свое отношение к вопросу о национальных революциях. Он сделал это в специальном предисловии к переводу своей статьи, которая вышла в свет в Константинополе в декабре 1914 года. Основная идея этого предисловия состояла в том, что национализм несет в себе мощный заряд революционной энергии и поэтому может быть использован в целях свержения самодержавия. Опыт 1905 года показал, разъяснял Гельфанд, что главнейшим рычагом власти, которым располагает автократия, является жесткая административная централизация Российской империи. Социалистическая оппозиция может достичь успеха, лишь действуя в тесном союзе с национальными меньшинствами. Централизованное самодержавное государство следует заменить «свободным союзом всех народов огромной империи».

В беседах с Басок-Меленевским он неоднократно говорил о том, что считает бессмысленной деятельность руководителей националистического движения в эмиграции; Гельфанд придерживался той точки зрения, что революционное движение останется неэффективным в случае, если будет представлять собой времяпрепровождение тесного кружка эмигрантов. Работа должна вестись в самой горячей точке, на месте событий, то есть в России. Только это имеет смысл, только это может привести к желаемому результату. Впрочем, в отношении к этому вопросу между друзьями не было расхождений. Планы Союза по переброске воинских частей в Россию встретили со стороны Гельфанда полное одобрение.

В ходе подготовки этой акции Меленевский представил

Гельфанда д-ру Циммеру, который курировал деятельность Союза от австрийской и германской дипломатических миссий. Так же, как Гельфанд, Циммер хорошо знал Балканы; будучи сыном немецкого промышленника из Мангейма, в 1909 году он поселился на берегу Черного моря. Его крайне интересовали проблемы, связанные со стремлением ряда национальных меньшинств России к независимости. В сентябре 1914 года он предложил свои услуги германскому посольству в Константинополе, и его предложение было с благодарностью принято. Циммеру было поручено осуществлять общее наблюдение и контроль на местах за революционными движениями, финансируемыми германским и австрийским правительствами.

Для Украинского Союза сотрудничество между Циммером и Гельфандом оказалось крайне выгодным. 2 декабря Паллавичини снова сообщал в Вену о поразительных успехах миссии Меленевского. Ценные связи с социалистами, отмечал Паллавичини, позволили Меленевскому получить доступ в русские социал-демократические круги и обеспечили Украинскому Союзу поддержку со стороны российских социалистов. А двумя днями раньше граф Тарновский, австрийский посланник в Софии, в самых оптимистических тонах сообщал о деятельности местного представителя Союза д-ра Ханкевича. Д-р Ханкевич, завязавший связи с большим числом политиков и журналистов, вступил также, по словам Тарновского, в «определенные тайные взаимоотношения» с некоторыми социалистами¹⁰.

Тем временем Союзу удалось набрать необходимое количество добровольцев, составивших ядро экспедиционных войск. Группа украинцев и кавказцев была готова к тому, чтобы начать подрывную деятельность в глубоком тылу, в самых недрах России. Однако этой армии д-ра Циммера не суждено было покинуть Константинополь — столь многообещающий проект закончился самым плачевным образом. Обнаружились и весьма чувствительно зая-

¹⁰Pallavicini to the Foreign Ministry, telegram No. 898, and Count Tarnowski to Consul Urban, telegram No. 1256, 1914, 30 November. HHuStA, P.A. Krieg 8b, 902.

вили о себе ошибки, допущенные в течение последних недель.

Главный просчет состоял в том, что, стремясь завербовать достаточное количество добровольцев, Союз набрал людей, которые в действительности были совершенно не обучены вести партизанскую и подрывную работу. У них не было ни достаточного опыта таких действий, ни сколько-нибудь профессиональных знаний в этой области; по сути дела, они были любителями-авантюристами и никоим образом не составляли военную организацию хорошо обученных профессионалов. И, что хуже всего, они не имели никакого представления о требованиях конспирации. Уже в начале ноября 1914 года, к великому удивлению правительств Берлина и Вены, русская эмигрантская пресса опубликовала первые сообщения о деятельности Украинского Союза¹¹. В этих статьях, увидевших свет в самом начале войны, впервые появились зловещие упоминания о подрывной деятельности Гельфанда. С этого момента его имя стало обрастать слухами, и опутавшая его паутина сплетен и домыслов с течением времени стала столь прочной и изощренной в своих хитросплетениях, что освободиться от нес он уже так никогда и не сумел. В данной ситуации он должен был выработать какую-то тактику защиты, и нам еще предстоит увидеть, как он справился с этой задачей. Вначале, однако, Гельфанд не считал нужным защищаться, полагая, что русские эмигранты в Швейцарии и Франции на самом деле знают не так уж много, и ограничился тем, что категорически отверг обвинения в своих связях с Союзом¹².

Но окончательно предприятие застряло на мертвой точке, когда против отправки выступил Энвер Паша, исходящий из чисто стратегических соображений. Пользуясь поддержкой генерала Лимана фон Сандерса, немца, находившегося в то время на службе у Турции, Энвер добился,

¹¹ «Голос». 1914, 11 ноября; Мельгунов П. С. «Золотой немецкий ключ». Париж. 1940. С. 18-20.

¹² *Ein Verleumdungswerk*. // «Die Glocke». 1915. P. 127.

чтобы переброска экспедиционных войск была отложена до тех пор, пока Турция не получит превосходства на Черном море. Это решение было принято в середине ноября, через несколько дней после того, как Турция вступила в войну на стороне стран германского блока¹³.

Несмотря на неудачу Союза, деятельность которого фактически свелась к политической агитации, Гельфанд вовсе не был разочарован. В начале декабря 1914 года он пришел к выводу, что открыл абсолютно надежный способ свержения самодержавия. Царский режим не сможет долго сопротивляться и падет, если будет заключен союз между странами германского блока и русскими революционерами, между прусскими винтовками и российским пролетариатом. И хотя основания для вступления в такой союз будут различными, цель у обеих сторон одна – свержение самодержавия. Гельфанд считал, что заключение такого союза принесет обеим сторонам огромные преимущества, и его совершенно не смущала их очевидная несовместимость и связанные с этим огромные трудности.

В начале января 1915 года он попросил Циммера устроить ему встречу с германским послом в Константинополе. 7 января Фрайхер фон Вангенхайм принял Гельфанда, который ознакомил его со своей точкой зрения. «Интересы германского правительства, – без обиняков заявил он, – полностью совпадают с интересами русских революционеров. Российские демократы могут добиться осуществления своих целей только при условии полного разрушения самодержавия и разделения России на отдельные государства. С другой стороны, Германии не удастся добиться полного успеха, если в России не произойдет революции. Кроме того, даже в случае победы Германии Россия будет представлять для нее немалую опасность, если Российская империя не распадется на отдельные независимые государства».

Русские революционеры действуют уже достаточно активно, однако между различными партийными фракция-

¹³Pallavicini to the Foreign Ministry, telegram No. 837, 1914, 17 November. HHuStA, P. A. Krieg 8b, 902.

ми, к сожалению, существуют серьезные разногласия. Так, например, меньшевики все еще не объединились с большевиками. Гельфанд сообщил послу, что видит свою задачу в том, чтобы «добиться единства в рядах русских революционеров и организовать широкомасштабное восстание». Съезд руководителей российского революционного движения, который, вероятно, соберется в Женеве, мог бы стать первым шагом на пути к объединению – однако для этого требуются значительные денежные средства. Впрочем, Гельфанд рассчитывал, что имперское правительство в Берлине не ограничится выделением денег на нужды русской революции. Он надеется, заявил послу Гельфанд, что германские социал-демократы также получают вознаграждение за свой «патриотизм» – в виде немедленного улучшения положения дел в начальных школах, а также сокращения продолжительности рабочего дня.

На следующий день, 8 января, Вангенхайм в подробной телеграмме сообщил в Министерство иностранных дел о беседе с Гельфандом¹⁴. Посол особо подчеркнул «ценные услуги», которые Гельфанд оказал Германии в Константинополе, упомянув также о том, что этот «хорошо известный русский социалист и журналист» с самого начала войны обнаруживает «совершенно определенные прогерманские настроения». В той же телеграмме он передавал просьбу Гельфанда о том, чтобы ему позволили лично представить выработанный им план в Министерство иностранных дел в Берлине. Гельфанд, со своей стороны, вынес из беседы с Вангенхаймом впечатление, что на Вильгельмштрассе ему будет оказан весьма благожелательный прием. Телеграмма посла еще не успела дойти до Министерства, а Гельфанд уже отправился в путь.

По пути он сделал несколько остановок, первую – в Бухаресте, куда он прибыл 9 января. Из здешних социалистов Гельфанд знал Димитру Маринеску и Доброгеану-Гереа; но, что самое важное, в румынскую столицу вернулся его старый друг Раковский, который теперь возглавил ме-

¹⁴Zeman Z. A. B. *Germany and the Revolution in Russia*. Document No. 1. London. 1958.

стную партию и был главным редактором ежедневной партийной газеты.

Гельфанд понимал, что в румынской столице ему надо соблюдать осторожность. За несколько недель до его приезда здесь побывал депутат Рейхстага Сюдекум. Он выполнял поручение германского Министерства иностранных дел и исполкома партии и должен был склонить местных социалистов на сторону Германии. Ему удалось добиться лишь того, что румынские социалисты попали под подозрение, что они получают политическую поддержку и денежные субсидии из Берлина. Насколько знал Гельфанд, отношение румынских социалистов к войне в корне отличалось от его собственного. Партийные руководители придерживались твердой линии поведения, стремясь сохранить нейтралитет и удержать страну от участия в войне.

Впрочем, нейтралитет румынских социалистов вовсе не означал, что они занимают анти-германскую позицию. Гельфанд понял это и не стал пытаться навязывать им политику союза с Германией. Он хорошо разбирался в обстановке на Балканах, и потому преуспел гораздо больше, чем Сюдекум. Он был готов удовольствоваться заверениями в «благосклонном» нейтралитете – а Маринеску и Гереа не имели ничего против. Что же касается Раковского, его широкий кругозор позволял ему выйти за узкие рамки проводимого местными социалистами политического курса, и с ним Гельфанд мог говорить совершенно открыто – и не только о ситуации в Румынии.

Целый ряд свидетельств указывает на то, что Раковский согласился принять субсидии для румынской партии, а также поддержал планы Гельфанда относительно России. Через три дня после приезда Гельфанда в Бухарест тамошний германский посланник Буше, заблаговременно предупрежденный министерством иностранных дел о его предстоящем визите, телеграфировал в Берлин, что теперь он получил возможность «снабдить румынских социалистов деньгами, оставаясь при этом вне подозрений», и просил санкции на выделение суммы в сто тысяч лей¹⁵. В тот

¹⁵Zeman. Op. cit. Document No. 84, note 1.

день, когда эти санкции были получены, Буше впервые встретился с лидером социалистов. Однако на партийном съезде, состоявшемся в том же году, Раковский заявил, что он получил лично от Гельфанда триста лей на нужды социалистической газеты, и что позднее этот долг был им выплачен¹⁶. К моменту съезда Раковский был неизменным оратором во время массовых социалистических выступлений за мир, о которых Буше говорил, что они пользуются поддержкой «его лично и австро-венгерского посланника».

После вступления Румынии в войну на стороне Антанты, в конце 1916 года румынская полиция арестовала Раковского по обвинению в антивоенной пропаганде. В 1917 году, после молниеносного поражения Румынии, Раковский объявился в Стокгольме – как всегда, в качестве редактора румынской социалистической газеты. Он обратился к германским властям с просьбой позволить его жене проехать через Германию. В это время Буше был уже в Берлине и занимал видную должность в Министерстве иностранных дел; он поддержал просьбу Раковского, совершенно недвусмысленно заявив, что «прежде Раковский был связан с нами и работал на нас в Румынии». По злой иронии судьбы, история эта имела продолжение. Когда Раковский сидел на скамье подсудимых во время знаменитого московского процесса над «блоком правых и троцкистов» – так назывался этот процесс на официальном сталинском жаргоне – главный обвинитель Вышинский выдвинул против него именно такое обвинение. Опытному социалисту, бывшему советскому послу в Лондоне оставалось только удивляться, откуда прокурор смог получить такую информацию.

Как бы то ни было, в январе 1915 года Гельфанд имел все основания быть удовлетворенным результатами своего стремительного десанта в Бухарест. Всего за несколько часов ему удалось добиться того, на что – совершенно безрезультатно – потратил столько сил и времени выдающийся деятель социалистической партии Германии. Он стремительно продвигался вперед. К тому времени, как Буше

¹⁶*Internationale Korrespondenz*. Berlin. 1915. No. 45. P. 545.

запросил Берлин о выделении суммы в сто тысяч лей, Гельфанд провел уже два дня в болгарской столице.

Он прибыл в Софию 10 января. Имя Гельфанда было хорошо известно болгарским социалистам, которые по старой привычке все еще относились к нему как к ортодоксальному марксисту и одному из главных критиков ревизионизма. Болгарская партия в это время была разделена на две фракции – «узких» и «широких» социалистов. Этот раскол был вызван различным отношением представителей этих фракций к мелкому крестьянству – проблема, аналогичная той, что занимала немецких социалистов во время аграрных дебатов 1890-х годов. Позиция Гельфанда в этом вопросе создала ему особенно высокий авторитет в глазах фракции «узких». И хотя лидеры этой фракции, Димитар Благоев и Георгий Кирков, по отношению к войне придерживались практически тех же взглядов, что и их румынские товарищи, однако они считали себя обязанными помочь Гельфанду, предоставив своему старому товарищу по оружию возможность выступить перед широкой публикой.

Они пригласили его выступить на митинге, который должен был состояться на следующий день. Для болгарских социалистов имя Гельфанда все еще сохраняло свою былую притягательность. 11 января 1915 года около четырех тысяч человек собралось в зале крупнейшего городского театра. Появление Гельфанда было встречено «бурными аплодисментами»¹⁷. Однако его речь вскоре охладила пыл присутствующих. Царизм, говорил он, угрожает европейской демократии. Главная угроза для достижений социализма – это русская армия; Германия несет на своих плечах основной груз борьбы с российским абсолютизмом. Теперь Гельфанд играл в открытую. Он обратился к болгарам с пламенным призывом вступить в войну на стороне Германии. Победа Германии, пояснил он, необходима не только в интересах социализма, но и в интересах национального

¹⁷Blagoev D. *Izbrany Proizvedeniya.*//«Plekhanov i Parvus». Sofia. 1951. Vol. 2. P. 669-76.

развития балканских государств, независимости украинского, кавказского и польского народов.

К тому времени, как Гельфанд кончил свою речь, в зале царило ледяное молчание. Болгарские социалисты были явно не готовы отказаться от избранной ими позиции нейтралитета. Незадолго до этого события Плеханов, крестный отец русского марксизма, пытался сделать для России то, что сейчас Гельфанд делал для Германии. Но ни один из них не добился успеха. В партийной газете *«Новое время»* Благоев назвал обоих патриотами и шовинистами. Берлинское партийное руководство, которое убежденно защищал Гельфанд, по мнению Благоева, предало немецких рабочих 4 августа 1914 года. Истинными представителями германского пролетариата Благоев считал экстремистов, входивших в окружение Розы Люксембург, Либкнехта и Меринга, которые выступили с открытым осуждением войны.

Затем в обсуждение включились прорусски настроенные болгарские патриоты, подвергнув яростной критике как политическую линию Гельфанда, так и его самого. Они называли его агентом германского империализма и предателем социализма, грязным дельцом, нажившим себе состояние на сомнительных сделках, и утверждали, что главную роль в его поддержке германского правительства играют именно денежные, финансовые мотивы.

Гельфанд был убежден, что кампания, предпринятая против него прессой, в действительности инспирирована русской дипломатической миссией в Софии. Как бы то ни было, визит в Болгарию принес ему широкую известность, но не увенчался успехом. Германский посланник в Софии фон Михаэллес, сдержанный и уважающий традиции дипломат старой закалки, с недоверием отнесся к возможности Гельфанда играть роль политического советника; им не удалось найти общего языка. В отличие от Буше, который обладал широким кругозором и вкусом политической импровизации, Михаэллес не имел ни времени, ни желания заниматься гельфандовскими экспериментами. Вернувшись в Бухарест в конце января, Гельфанд доложил Буше о действиях, предпринятых им в Болгарии.

В начале следующего месяца Гельфанд приехал в Вену. В первую очередь его интересовало установление контактов с тамошними русскими эмигрантами, а не с местными австрийскими социалистами. Большинство русских, живших до войны в столице Габсбургов, с началом войны, как граждане вражеской державы, были вынуждены выехать в Швейцарию. Гельфанду повезло, что в числе тех, кому удалось остаться, был Рязанов. Крупный знаток марксистской теории, Рязанов пользовался высоким авторитетом среди австрийских и германских социалистов; в Вене у него были самые широкие связи как в университетах и научной среде, так и в официальных кругах – и он чувствовал себя там как дома. Рязанов был старым другом Гельфанда – они учились в Одессе в одной школе. Когда в начале века Рязанов приехал в Германию, Гельфанд представил его лидерам германского социалистического движения, а также договорился, чтобы для его статей предоставил свои страницы ежемесячник Каутского «*Neue Zeit*». С момента раскола российской социал-демократической партии в 1903 году оба они весьма критически относились к русской партийной организации. Сравнивая ее с массовыми организациями Западной Европы, они видели ее ущербность и неумение – или нежелание – считаться с политической реальностью. Политические взгляды обоих приятелей были чрезвычайно близки. В 1905 году в Санкт-Петербурге именно Рязанов возглавил группу так называемых «парвусистов».

В основе их дружбы, наряду со сходством политических воззрений, лежало также определенное родство характеров. Оба были слишком самостоятельны, критичны и самоуверенны, чтобы с легкостью вписаться в рамки партийной иерархии; хотя вкусы Рязанова лежали скорее в области точной науки – позднее он возглавил в Москве Институт Маркса-Энгельса-Ленина – оба друга с одинаковым презрением относились к интеллектуальной посредственности и одинаково высоко ценили оригинальность и новизну своих собственных идей. Однако в их отношении к войне существовали определенные различия: Рязанов симпатизировал интернационалистам, которые выступали против

участия социалистов в войне и входили в окружение Троцкого, Мартова и их единомышленников, сотрудничавших с парижской газетой «Наше Слово». Впрочем, это не помешало Рязанову предоставить Гельфанду свой дом в Вене. Гельфанд воспользовался его гостеприимством и прожил там несколько месяцев. Незадолго до этого из Вены уехал Ленин, отбыв краткий срок тюремного заключения и получив от австрийских властей позволение пересечь границу со Швейцарией.

Общение с Рязановым было для Гельфанда делом перво-степенной важности, и он извлек из него все, что мог. В первую очередь, он хотел собрать информацию о русских эмигрантах – социал-демократах – об их настроениях и предполагаемой тактике, их дружеских связях, их недоброжелателях. Все эти сведения он мог получить от своего хозяина. В доме Рязанова была собрана вся важнейшая легальная и нелегальная литература; он держал постоянную связь с русскими партийными руководителями и знал, чем они занимаются и каковы их планы. Эти сведения были для Гельфанда не менее необходимы, чем личные контакты с русскими социалистами, в установлении которых ему также помогал Рязанов.

Прошлое связывало Рязанова с Гельфандом узами личной привязанности и политических симпатий. Рязанов был чужд мелочности и узости взглядов, он не боялся пойти на компромисс в том случае, если этот компромисс обещал какие-либо тактические преимущества. Не требовалось особой проницательности для того, чтобы понять, что русские социалисты, и особенно те, кто уже выступили или еще только собирались выступить против войны, на самом деле были маленькой, разделенной и изолированной группкой и потому нуждались в союзниках, которые могли бы предложить им конкретную помощь. Рязанов не имел никаких оснований не верить, что таким союзником может стать Гельфанд. В соответствии со своими убеждениями он и действовал – и был за это вознагражден. Среди немногих сохранившихся после Гельфанда документов был обнару-

жен чек на пять тысяч марок, выписанный на имя Рязанова в 1915 году¹⁸.

В Вене у Гельфанда были и другие, не столь важные дела. Рязанов представил его Абрамовичу – члену меньшевистского центрального комитета и одному из руководителей еврейской социалистической организации «Bund». Гельфанд произвел на Абрамовича огромное впечатление, однако разногласий в отношении к войне им преодолеть так и не удалось¹⁹. Встретился Гельфанд и с главным редактором итальянской газеты «Avanti» Джеачинто Серрати, который заверил его, что Италия будет сохранять нейтралитет. О взглядах итальянского журналиста Гельфанд проинформировал германского посла в Вене фон Чирчки²⁰.

Дела в Вене были в основном закончены, и Гельфанд делал последние приготовления перед отъездом в Берлин. Ему удалось осуществить многое из задуманного и собрать массу полезной информации. Он вернется в Германию не блудным сыном. Пять лет назад Гельфанд останавливался в Вене по пути на Ближний Восток. Тогда он был нищим журналистом, не имел ни гроша за душой и перебивался с хлеба на воду. Он путешествовал тогда не по своей воле – его гнала необходимость найти себе временное убежище от невзгод и жажда приключений. А теперь, хотя он и преступил за это время гораздо больше неписаных законов социалистического кодекса – ведь у него было слишком много денег, и его связи с сильными мира сего были слишком уж близкими – теперь он мог уверенно посмотреть в лицо своим товарищам. Он не сомневался, что они нуждаются в его помощи, и знал, что сам он, в свою очередь, сможет воспользоваться их услугами.

Его финансовое положение в корне переменялось; так же обстояло дело и с положением политическим. В Константинополе и Софии он впервые познал, какую цену ему придется заплатить за эти изменения. Он был одним из тех социалистов, которые одобряли войну – а то, что он делал

¹⁸Nachlass Helphand. Report 92.

¹⁹Abramovich. *In Tsvei Revolutsiies*. Vol. 1. P. 374.

²⁰AA. Von Tschirschky to Chancellor Bethmann-Hollweg. 1915, 10 February, in WK 11c sec.

это вовсе не из патриотических соображений, было не так уж очевидно. Его личность приобрела новые черты: образ радикального социалиста и революционера уступил место пропагандисту, агитирующему за победу Германии. Но цена была не так уж высока, во всяком случае, это не повлекло за собой его исключения из рядов социалистической партии. Он завязал первые контакты с германскими дипломатами, людьми, которым в дальнейшем суждено было играть важную роль в его жизни. Некоторые из них доверяли ему, но никто не полагался на него полностью, он же не доверял им вовсе. В том мире, где существовали эти люди, Гельфанд выглядел весьма странной, даже эксцентричной фигурой; прошло немало времени, прежде чем эти крахмальные воротнички привыкли к нему и научились принимать всерьез его смелые, но часто беспроектные политические планы. Безусловно, он не собирался раскрывать перед ними карты, он привык к закулисной деятельности, он предпочитал находиться в тени, позади политической сцены. Ему нравилось управлять событиями так, чтобы никто даже не подозревал, что он исполняет одну из главных ролей. В зависимости от своего желания, он мог оставаться анонимом, упиваясь при этом своим могуществом. Новое положение позволяло Гельфанду взирать на окружающий мир с невозмутимостью, а возможно, даже с презрением.

МЕЖДУ СОЦИАЛИСТАМИ И ДИПЛОМАТАМИ

Беседа с послом в Константинополе, состоявшаяся в начале января, привлекла к Гельфанду внимание Министерства иностранных дел. Вступил в действие сложный и мощный механизм, с которым он пока был почти не знаком. 10 января Государственный секретарь фон Ягов согласился принять Гельфанда на Вильгельмштрассе. Доктор Курт Ризлер был отправлен из Генерального штаба в Берлин «с более подробными инструкциями»; впрочем, Гельфанду не было сказано, откуда прибыл Ризлер¹. Д-р Макс Циммер, возвратившийся из Константинополя, также был приглашен на встречу с Гельфандом в Министерство иностранных дел. Предварительно он был предупрежден о необходимости сохранять тайну.

Встреча Гельфанда с дипломатами состоялась в конце февраля. Ввиду характера обсуждавшегося вопроса протокол не велся. К счастью, мы располагаем подробным меморандумом, который был передан Гельфандом несколькими днями позже, а именно 9 марта 1915 года, в Министерство иностранных дел. Он дает точную картину участия Гельфанда в этих переговорах. Этот уникальный документ является, по сути дела, грандиозным по своему размаху планом свержения самодержавия в России.

Этот план, представленный Гельфандом немецким дипломатам, состоял из трех пунктов. Гельфанд предлагал, во-первых, оказать поддержку партиям, борющимся за социальную революцию в России, а также национальным меньшинствам, добивающимся независимости; во-вторых, разложить Россию с помощью пропаганды и, в-третьих, организовать международную кампанию в прессе против царизма.

Что касается националистических группировок, Гель-

¹Zeman. *Germany and the Revolution in Russia*. Document No. 2.

фанд выдвинул подробную программу национального освобождения.

С его точки зрения, центральное место среди национальных меньшинств занимали украинцы. Особенно многообещающими казались ему экономические разногласия между украинскими крестьянами и русскими землевладельцами. Украина была краеугольным камнем, сдвинув который, можно было разрушить централизованное государство. Более чем через четверть века после этого известный нацист Альфред Розенберг, один из знатоков деятельности Гельфанда, пришел к такому же заключению и последовательно осуществлял его на практике.

Аналогичную роль, по мнению Гельфанда, могла сыграть Финляндия. Финны еще в 1905 году выступали против русского господства и были готовы возобновить борьбу за независимость. Гельфанд предложил, чтобы шведское правительство вовлекло финнов в переговоры, а также рекомендовал установить военные и политические контакты между Берлином и Хельсинки с целью подготовки финнов к вооруженному восстанию против России. Он делал особое ударение на том обстоятельстве, что эти контакты могут оказаться перед началом революции в России чрезвычайно полезными для получения информации и поддержания связи. Самый простой путь для контрабанды оружием и взрывчатки в столицу России шел через финскую границу.

Меньше оптимизма высказывал Гельфанд относительно многонациональной зоны на Кавказе. Движения за национальную независимость на юге были разобщены из-за существования различных национальных групп: Гельфанд рекомендовал проконсультироваться по этому поводу с турецким правительством. Его предложение состояло в том, что турки должны убедить мусульман Кавказа, чтобы те, опираясь на местных христиан, начали священную войну против России. Гельфанд ожидал, что самую сильную поддержку окажут армяне и грузины; агитацию среди кубанских казаков можно было проводить из Турции через украинское освободительное движение.

Однако больше всего Гельфанда волновала поддержка социалистической оппозиции. История первой русской

революции 1905 года показала, что царское правительство может противостоять растущему недовольству населения лишь с помощью быстрых, стремительных побед. Поскольку ход войны опрокинул эти надежды, то можно было предположить, что несгибаемые силы национализма будут идти на сближение с социалистическим революционным движением. Гельфанд настаивал на том, что в интересах Германии было бы ускорить этот процесс.

Прежде всего следовало установить связи с местными забастовочными комитетами. Кроме промышленных районов юга: Донецкого бассейна, нефтяной промышленности Баку и Черного моря, а также Черноморского торгового флота, Гельфанд придавал особое значение революционному потенциалу Сибири. Большую часть населения Сибири составляли политические ссыльные: вооруженные силы, дислоцирующиеся здесь, были слабы и немногочисленны, и потому здесь легче было бы наладить подрывную работу. Одновременно нужно подготовить побег ссыльных революционеров с тем, чтобы они могли вернуться в европейскую часть России. За счет этого Санкт-Петербург получит «тысячи замечательных агитаторов».

Гельфанд считал, что революционные выступления на местах есть та база, которая уже в следующем году позволит организовать всеобщую забастовку. Она должна быть проведена под лозунгом «Свобода и мир». Далее он указал на Путиловский, Обуховский и Балтийский заводы Санкт-Петербурга как на важнейшие промышленные объекты, которые непременно должны принять участие в забастовке; очень важной он считал поддержку забастовки железнодорожниками. Он был убежден, что «повсеместные забастовки, восстания, вызванные бедственным положением народа, и усиление политической агитации поставят царское правительство в сложное положение. Если оно прибегнет к репрессиям, это приведет к росту сопротивления, если же проявит снисходительность, это будет воспринято как признак слабости, и пламя революционного движения разгорится еще ярче»².

²Zeman. Op. cit. Appendix I. Memorandum by Dr. Helphand. P.144.

Гельфанд объяснил немецким дипломатам, что только российские социал-демократы – и в первую очередь большевики под руководством Ленина – в состоянии организовать забастовку. При этом он считал необходимым, чтобы все социалистические группировки, которые получают поддержку со стороны Германии, образовали единый фронт. Меньшевики и большевики должны наконец прийти к соглашению; еврейский Бунд, Спилка (украинская организация), обе социал-демократические партии Польши, а также социал-демократы Литвы и Финляндии тоже должны принять участие в этом движении. Самым подходящим путем достижения этой цели Гельфанд считал созыв объединенного социалистического конгресса в Швейцарии или другой нейтральной стране.

Особое внимание Гельфанд уделил кампании в печати, которую, по его мнению, следовало проводить как внутри, так и за пределами России. Чисто пацифистскую пропаганду должна поддержать эмигрантская пресса антивоенной и пораженческой направленности. В качестве примера газеты, придерживающейся «абсолютно объективной позиции» по отношению к войне, Гельфанд упомянул «Голос», позднее сменившую название на «Наше слово».

Гельфанд нарисовал собеседникам перспективы широкомасштабного движения за мир и против царизма во всем мире, в котором важную роль будет играть социалистическая пресса всех стран. При этом он особо отмечал, что самого пристального внимания в этом отношении заслуживают к себе Соединенные Штаты, поскольку «там проживает огромное количество евреев и славян», представляющих собой «чрезвычайно благодарную аудиторию для антицаристской агитации».

Таков был план, предложенный Гельфандом немецким дипломатам. Однако к мартовскому меморандуму было приложено дополнение, состоящее из пяти страниц. И вид, и содержание этого дополнения отличаются от основного документа. Вполне вероятно, что оно было составлено несколькими днями позже; в нем излагались результаты деятельности Гельфанда в Будапеште, Софии и Вене, а также

некоторые дополнительные соображения по вопросам, изложенным в меморандуме.

Свое путешествие по Балканам Гельфанд расценил как вполне успешное, отметив изменение тона – в пользу Германии – как в румынской, так и в болгарской прессе. «Болгарская пресса настроена теперь исключительно прогермански: замечен также существенный сдвиг в настроениях румынской прессы. Предпринимаемые нами меры вскоре должны дать еще лучшие результаты»³. Кроме того, Гельфанд сообщил об успехах в установлении первых контактов через Софию с организацией русских моряков в Одессе и выразил надежду, что сможет поддерживать с ними связь через Амстердам. Дополнение он завершил программой, состоящей из одиннадцати пунктов, которая являлась некой модификацией взглядов, изложенных в главной части меморандума.

Теперь ключевое место в своих революционных планах Гельфанд отводит большевикам. Пункт первый гласит: «Финансовая поддержка основной группы (т.е. большевиков) Российской социал-демократии, которая борется с царским правительством всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Лидеры этой группы находятся в Швейцарии»⁴. По мнению Гельфанда, обеспечить успешное проведение массовой забастовки может только опытная ленинская группа профессиональных революционеров. Центральная прежде идея проведения объединенного социалистического конгресса теперь перемещается на восьмое место. Во втором пункте своей программы Гельфанд говорит о возможности проведения забастовок в Одессе и Николаеве, куда им уже посланы первые агенты. В дальнейшем нам еще предстоит вернуться к событиям в Николаеве, где в январе 1916 года забастовочное движение достигло наивысшего напряжения.

Это не были грезы фанатичного конспиратора. Гельфанд разработал совершенно конкретный, практически подробный, а главное, оригинальный план совершения револю-

³Zeman. Op. cit. P. 150.

⁴Там же. С. 150.

ции. Значительную роль в этом плане Гельфанд отвел объединению усилий национальных и социалистических движений; он использовал опыт революции 1905 года и учел, что мировая война станет более подходящим фундаментом для развязывания революции, нежели русско-японская война. Он говорил скорее о «подготовке к политической массовой забастовке», чем об организации революции, которая, по его мнению, проходила в неявной форме и требовала для своей реализации только соответствующего внешнего импульса.

План подрывных действий, разработанный Гельфандом, в частности, включал в себя задачу вывода России из войны. «Таким образом, войска стран Германского блока и революционное движение в самой России расшатывают колоссальную политическую централизацию, на которой держится царская империя, представляющая опасность для мира во всем мире, и оплот политической реакции в Европе будет низвергнут»⁵. При этом вопрос о том, что другие страны Европы после падения «оплота политической реакции» — царизма — окажутся попросту беззащитными, остался открытым.

Стратегия, предложенная Гельфандом, конечно, могла потерпеть неудачу из-за того, что она основывалась на союзе двух фактически несовместимых между собой партнеров. Он знал об этом, но в то время это его не слишком волновало. В конечном счете он больше заботился о социализме, чем о странах Германского блока: в начале 1915 года Гельфанд обманывал скорее дипломатов, чем социалистов. Его скрытые намерения — с помощью империалистической Германии превратить социализм в главную силу в Европе — показывают, что готовность сотрудничать с берлинским правительством объяснялась совсем не германским шовинизмом Гельфанда, как подозревал Ленин. Он сотрудничал с имперским правительством, но не в пользу последнего. Он был достаточно независим в финансовом и политическом отношениях, чтобы позволить себе проводить свою собственную линию поведения. Ситуация в некотором

⁵Там же. С. 150.

смысле была парадоксальной: с его помощью капитализм вырыл себе могилу.

Дипломаты, уверенные в своих силах, еще меньше Гельфанда заботились о несовместимости предполагаемых участников большой игры. Гельфанду было что предложить, и появился он на сцене как раз вовремя. Почва для его появления была подготовлена 18 ноября 1914 года, когда Фалькенхайн, начальник Генерального Штаба, информировал рейхсканцлера о том, что военная ситуация усложнилась. Провал наступления на Марне показал немецким военачальникам, что на легкую победу рассчитывать не приходится. Теперь, ввиду затянувшейся войны и с учетом материального превосходства союзников, перед Германией замаячила опасность поражения. Поэтому военное руководство потребовало от канцлера предпринять шаги для развала вражеского союза политическими средствами.

Руководство страны думало о сепаратном мире с Францией или Россией. Это улучшило бы положение Германии при урегулировании ее отношений с Британией. Первые попытки переговоров о мире с Парижем не дали никаких результатов. И по мере того, как надежды на сепаратный мир на Западе исчезали, усиливалось ожидание соглашения с царем. Фалькенхайн и, в особенности, Тирпиц поддерживали идею мира на востоке. Обязанности начать переговоры с Двором в Санкт-Петербурге взял на себя крон-принц Вильгельм. В своем письме к великому герцогу фон Гессен от 6 февраля 1915 года он пишет: «Я считаю, что заключение сепаратного мира с Россией абсолютно необходимо. Прежде всего, это ужасно глупо, что мы должны рвать друг друга в клочья только ради того, чтобы Англия могла ловить рыбу в мутной воде. А так мы сможем объединить наши усилия, с тем чтобы призвать Францию к порядку, поскольку эта затянувшаяся позиционная война требует много жертв, а это неблагоприятно влияет на моральный дух наших войск. Не могли бы Вы установить контакты с Ники (царем) и посоветовать ему договориться с нами полюбовно? Стремление России к миру весьма очевидно — нужно только избавиться от этого

ублюдка Николая Николаевича (главнокомандующего русской армии)...»⁶.

Однако существовали и серьезные возражения против заключения сепаратного мира на востоке. К примеру, Циммерман, заместитель министра иностранных дел, считал, что Россия – враг Германии не в меньшей степени, чем Англия. «Русские нам не друзья. Основная цель России заключается в объединении под ее владычеством всех славян на Балканах и в Австро-Венгерской монархии... Я убежден, что мы должны во имя самосохранения изо всех сил противостоять этим попыткам экспансии России. Если мы сейчас не сведем счеты с нашим восточным соседом, мы постепенно столкнемся с новыми трудностями, и нам, возможно, придется снова воевать всего через несколько лет»...⁷

Тем не менее заключение сепаратного мира с Россией оставалось для Германии единственным выходом из создавшегося военного тупика. Имперское правительство вскоре решило всерьез заняться зондированием почвы в России. До конца июля 1915 года в Берлине считали заключение сепаратного мира на востоке вполне реальной перспективой. Поэтому мартовский меморандум Гельфанда пришелся как раз кстати. Конечно же, немецкие дипломаты не верили во всякую чепуху об освобождении России от царствующей династии и прокладывании пути к социализму. Однако их заинтересовала возможность поддержки нестабильного положения в России. Это, по их мнению, могло заставить Санкт-Петербург понять, что заключение мирного договора необходимо. Министерство иностранных дел решило поддержать русских революционеров, используя их как средство оказания давления на царя, и таким образом ускорить дипломатические переговоры.

Что же касается Гельфанда, то для него заключение сепаратного мира с царем означало крах всех его планов. Мир развяжет руки российскому правительству и позволит, как в 1905 году, силой подавить революционное дви-

⁶Zechlin E. *Das Parlament*. 1963, 15 May. P. 54.

⁷Zechlin E. *Das Parlament*. 1961, 17 May. P. 275-277.

жение. Это различие целей – дипломаты стремились к миру, а Гельфанд к революции – было главной причиной трений между ними в первые месяцы их сотрудничества. Гельфанд без устали предупреждал дипломатов об опасностях сепаратного мира с царем. Со своей стороны, дипломаты не слишком беспокоились по поводу конечной цели Гельфанда. Только посланник в Копенгагене граф Брокдорф-Ранцау посчитал нужным подчеркнуть в частном письме к помощнику государственного секретаря опасность, которая заключалась в решении оказать поддержку Гельфанду: «В использовании сил, стоящих за Гельфандом, есть определенный риск, но если мы откажемся от этого из боязни, что не сумеем управлять этими силами, то это определенно будет доказательством нашей слабости... Те, кто не понимает особенностей текущего момента, никогда не поймут, какого курса мы придерживаемся или что поставлено на карту в настоящий момент»⁸.

Обе стороны знали, чего хотят, и были готовы пойти на риск. Мир с Россией и победа Германии, революция и триумф социализма были ставками в этой игре. Они смогли прийти к соглашению. В середине марта 1915 года Гельфанд становится главным консультантом германского правительства по вопросам революционного движения в России. Его задание состояло в организации объединенного фронта европейских социалистических сил, направленного против царского режима, и в помощи социалистическим организациям в России в деле приближения страны к краху за счет пропаганды пораженческих взглядов, забастовок и саботажа. В конце марта он получил от министерства иностранных дел первый миллион марок на эти цели. По его просьбе деньги, «за исключением потерь, связанных с обменом валюты», были переведены в Бухарест, Цюрих и Копенгаген⁹. Кроме этого, Министерство иностранных дел аннулировало распоряжение 1893 года, запрещавшее Гельфанду жить в Пруссии. Полиция выдала ему паспорт, который освобождал его от всех ограничений,

⁸Zeman. *Germany and the Revolution in Russia*. Document No.5.

⁹Там же. Document No.3.

накладывавшихся в военное время на граждан вражеских государств.

Но что же сам Гельфанд? Затеял ли он все это просто как игрок? Только отчасти. Он представлял собой особый тип революционера. Карманы, набитые взрывчаткой и нелегальной литературой, секретные шифры и переход через границу, тюремное заключение в конце путешествия – все это было не для него. Он работал по-крупному, используя такие средства, как деньги, связи в высших кругах, вся устрашающая военная машина. Вот что было ему нужно, вот от чего трепетало его сердце. А за всем этим скрывалось огромное честолюбие и тонкий расчет. Он готовил почву к своему торжественному выходу на сцену в качестве реформатора, избавителя, вождя революции. В сделанном им предложении о проведении объединенного социалистического конгресса видны его намерения. Возможно, он считал, что с помощью неограниченных финансовых средств можно реорганизовать Российскую партию, превратив ее под его влиянием, из шайки конспираторов в инструмент революционной власти.

Однако в настоящий момент Гельфанду было нелегко. Он вот уже почти пять лет находился в стороне от европейского социалистического движения. Лидеры немецкой партии, которых он знал на рубеже веков, уступили свое место политическим деятелям молодого поколения. Бибель, Ауэр и Зингер умерли. Карл Каутский порвал все отношения с партийным руководством и заключил союз с Эдуардом Бернштейном: оба были крайне недовольны тем, что большая часть немецких социалистов выступила в защиту войны. Роза Люксембург и Франц Меринг, выступив против дальнейших военных расходов, открыто порвали с партией.

Гельфанд не знал никого из партийных лидеров: ни Гуго Гаазе, ни Фридриха Эберта, ни Филиппа Шейдемманна. Все они были политиками-практиками, их не интересовали ни теории как таковые, ни, тем более, прошлые достижения Гельфанда в этой области. Впрочем, они кое-что слышали о скандалах вокруг его имени и особенно о деле, связанном с Горьким. Слухи, пришедшие с Балкан в Берлин уже в

начале войны, никак не могли благотворно повлиять на его репутацию. Рассказы о его легендарном богатстве, наряду с первыми критическими упоминаниями в социалистических газетах о его связях с Украинским союзом, предшествовали его приезду в Германию и снова всколыхнули интерес к Гельфанду так же, как и старое, не забытое возмущение в его адрес.

Первое обращение Гельфанда к его товарищам в Берлине не принесло ему успеха и не ослабило подозрений. Даже те из социалистов, кто полностью поддерживал имперское правительство и чья политическая позиция по этому вопросу полностью совпадала с позицией Гельфанда, оказались не в состоянии сказать что-либо в его пользу. Председатель партии Гуго Гаазе даже предостерег своих товарищей от любых контактов с Гельфандом, высказав подозрение, что Гельфанд является русским агентом¹⁰. Эдуард Давид сформулировал в своем дневнике отношение к Гельфанду партийного руководства: «Действительно великолепнейший тип: ультрарадикальный революционер, русский осведомитель, негодяй, мошенник (дело Горького!), а теперь еще турецкий агент и спекулянт»¹¹. Когда Парвус обратился к редактору партийного органа «Vorwärts», Генрих Штребель принял его с плохо скрытым презрением. Его тон был ироничен и оскорбителен. Когда Гельфанд пожаловался, что не может избавиться от «дурного запаха своего прежнего радикализма» и что он все еще не получил германского гражданства, Штребель посоветовал ему не проявлять так много «самоуверенности и талантов», а просто быть паинькой и писать патриотические статьи, как это делает Хениш, и тогда он может рассчитывать даже на звание почетного гражданина»¹².

Прежние друзья Гельфанда из радикального левого крыла партии тоже не пришли в восторг по поводу его возвращения в Берлин. Когда он пришел к Розе Люксембург, она даже не дала ему заговорить и указала на дверь. Вторая

¹⁰ *Sudekum papers*. Entry for 1 March 1915 in the diary. «Bundesarchiv Koblenz».

¹¹ Entry for 28 February 1915. «Bundesarchiv Koblenz».

¹² Strobel H. «Die Weltbühne». No.51. 1919, 11 December.

попытка навестить ее тоже оказалась безуспешной – Роза Люксембург была арестована. Карл Либкнехт, Клара Цеткин и Лео Йогихес также приняли его холодно. Цеткин, которая много лет тому назад на штутгартском съезде партии единственная встала на его сторону в полемике с Бернштейном, теперь назвала его «сутенером империализма», продавшимся германскому правительству. Апелляция Гельфанда к их прежней дружбе не произвела на нее никакого впечатления. Разрыв был окончательный: их пути разошлись раз и навсегда.

Однако Гельфанд был очень настойчив, и к тому же у него был один союзник. Его старый приятель Конрад Хениш всецело был на его стороне. Когда началась война, стало ясно, что его радикализм был поверхностным. В глубине души он был настоящим патриотом, и 4 августа 1914 года безоговорочно поддержал решение правительства. Он был рад, что Гельфанд, хотя и другим путем, но пришел к тому же самому решению. Он был одним из немногих немецких социалистов, которые встретили Гельфанда с энтузиазмом. Благодаря посредничеству Хениша, Гельфанду удалось избавиться от подозрений, выдвинутых правым крылом партии под руководством Эдварда Давида и Ленина, а также получить прямой доступ к Эберту и Шейдеману.

По тому, как к нему отнеслись в Германии, можно было представить, что ожидало его в Швейцарии, где находилась большая часть русской эмиграции. Однако прежде чем отправиться в Швейцарию для исключительно важной встречи с русскими революционерами, Гельфанд в середине апреля вернулся на Балканы. Он хотел сначала закончить свои личные дела в Константинополе. По пути туда он сделал остановку в Бухаресте, где еще раз встретился с Раковским и германским посланником Буше. Получив ту часть от миллиона марок, которую Министерство иностранных дел перевело на его счет в банк румынской столицы, Гельфанд попытался убедить Раковского – старого друга и политического союзника Троцкого – перекачать эти деньги в Париж для русской социалистической эмиграции, которая под руководством Троцкого, Мартова и Луна-

царского была занята изданием капитулянтской газеты «Наше слово». Вероятно, Гельфанд добился успеха. Позже, уже в Нью-Йорке, Троцкий заявил, что получал деньги для «Нашего слова» в основном от Раковского¹³.

Любопытно, что именно Троцкий за несколько недель до того, как Гельфанд встретился в Бухаресте с Раковским, обругал своего бывшего приятеля в «Нашем слове». В своей статье «Эпитафия по живому другу», опубликованной в середине февраля, Троцкий показал резкое различие между старым радикалом Парвусом, каким он был до 1914 года, и «политическим Фальстафом» и шовинистом, появившимся на свет после начала войны. Троцкий признал, что Гельфанд был исторической фигурой, его другом и учителем. Но 4 августа 1914 года Парвус в глазах Троцкого умер. «В течение многих лет мы считали Парвуса нашим другом, а теперь должны занести его имя в список политических мертвецов»¹⁴. Наблюдение Троцкого, в котором отмечается разница между старым и новым Парвусом, надолго сохранило свою значимость для публицистов и историков, интересующихся коммунистическим движением. Они до сих пор находят слова глубокой признательности Парвусу — мыслителю социалистического движения; с другой стороны, Парвус времен войны предстает в своих трудах как шовинист и спекулянт, являя собой ужасающий пример упадка II Интернационала.

Статья Троцкого определенно способствовала упрочению отрицательного отношения к его бывшему другу в эмигрантской среде. Однако Гельфанда можно было упрекнуть в чем угодно, но только не в мелочности. Хотя Троцкий несколько затруднил его задачу, он не собирался сдавать свои позиции. У него нашелся помощник. Примерно в то время, когда Троцкий опубликовал свою статью, Карл Радек спровоцировал оживленную дискуссию вокруг имени Гельфанда в русской эмиграции в Швейцарии. Как иммигрант-еврей из австрийской части Польши,

¹³Шуб Дэвид. Ленин и Вильгельм II. Новое о германо-большевистском заговоре 1917. // «Новый журнал». 1959, июнь. С. 226-227.

¹⁴Наше Слово. 1915, 14 февраля.

Радек вступил в германскую партию еще до войны. Затем он играл заметную роль – сначала как друг Розы Люксембург, позже как ее враг – в радикальном крыле партии. Он был талантливым и циничным публицистом и в таком качестве сделал себе имя в германском социалистическом движении. В начале войны, чтобы уклониться от воинской повинности в Австро-Венгрии, Радек уехал в Швейцарию. Его пацифистские взгляды не помешали ему восхищаться Гельфандом.

Гельфанд со своей стороны не мог пожелать себе лучшей рекламы. Радек совершенно бескорыстно проявлял огромную активность, которая шла Парвусу на пользу. Он обожал рассказывать политические анекдоты о Гельфанде в бернских кофейнях. Иногда это были байки о связях Гельфанда с Меленевским и Украинским Союзом; но даже когда речь шла о любовных похождениях Гельфанда или его финансовых операциях, в устах Радека это никогда не звучало осуждающе. Может быть, он осознавал, что Гельфанду удалось многое из того, к чему втайне стремился он сам; во всяком случае на слушателей это производило такое впечатление, будто Радек на добрую половину состоял из Гельфанда¹⁵.

В середине мая 1915 года Гельфанд прибыл в Швейцарию. Впечатление, которое он произвел на российскую эмиграцию, превзошло даже самые фантастические небылицы Радека. Гельфанд не просто поселился в «Bauer an Lac», одном из самых дорогих отелей в Цюрихе, он устроил в нем настоящий двор. Он жил здесь, как восточный принц, окруженный всеми признаками роскоши. При нем неотлучно состояла свита весьма хорошо оплачиваемых блондинок; его любовь к огромным сигарам была под стать его тяге к шампанскому – не меньше бутылки за завтраком. Даже его внешность изменилась. Его массивная, гигантская фигура была более надутой, чем когда бы то ни было. Широкое бычье лицо с высоким лбом, крошечным носом и тщательно подстриженной бородой переходило в отвислый двойной подбородок, полностью закрывающий шею.

¹⁵Litwak A. *Geklibene Schriftn* (in Yiddish). New York. 1945. P. 254.

Маленькие живые глазки глубоко утопали в жиру. Его короткие ножки были почти не в состоянии поддерживать тело, и когда он вставал или шел, казалось, что он помогает себе руками, чтобы сохранить равновесие. Это был совсем не тот человек, которого многие русские эмигранты помнили со времен первой русской революции, когда он журналистским трудом еле-еле зарабатывал себе на пропитание.

Теперь его действия, казалось, были специально направлены на то, чтобы вызывать чувство презрения со стороны прежних друзей. Товарищ Екатерина Громан, в прошлом любовница Гельфанда (она скрывалась под псевдонимом «Волна», когда была на нелегальном положении в Санкт-Петербурге), взяла на себя тем не менее труд распространить в русской колонии новость о прибытии Гельфанда; он дал ей деньги для того, чтобы она раздала их бедствующим эмигрантам. Этот жест еще больше способствовал распространению слухов о его фантастическом богатстве.

Однако самой насущной задачей была для Гельфанда встреча с Лениным. Он знал, что из всех партийных фракций большевики обладают наибольшим опытом и наилучшей организацией. Ленин уже выступил против победы царского режима в войне. Его целью была немедленная революция, причем во всех воюющих странах; он стремился к превращению войны империалистической в серию войн гражданских, но превыше всего была для него революция. Если бы Гельфанд заключил союз с Лениным, то после этого было бы нетрудно завоевать влияние в других фракциях партии; в планах Гельфанда Ленин был ключом к успеху.

Где-то в конце мая Гельфанд, сопровождаемый Екатериной Громан, неожиданно появился в ресторане, где обычно обедали русские эмигранты. На вопрос, здесь ли Ленин, один из русских указал ему на столик лидера большевиков: Ленин сидел за скоромной трапезой со своей женой Надеждой Крупской, с их подругой Инессой Арманд и Каспаровым. После короткого разговора Ленин и Крупская вышли из ресторана вместе с Гельфандом. Гельфанд так описал последующую беседу, которая состоялась в кварти-

ре Ленина на Дистельвег: «Я изложил ему мои взгляды на социал-революционные последствия войны и обратил его внимание на тот факт, что пока продолжается война, в Германии не сможет произойти революция; что сейчас революция возможна только в России, где она может разразиться в результате побед Германии. Он мечтал, однако, о публикации социалистического журнала, с помощью которого, как он считал, он сможет немедленно бросить европейский пролетариат из окопов в революцию»¹⁶.

По словам некоего большевика по имени Зифельдт, которому Ленин сам рассказал об этой встрече, Ленин даже не дал Гельфанду высказаться до конца, заявив, что он считает Гельфанда агентом Шейдемана и других немецких социалистов, ставших шовинистами, и что он не хочет иметь с ним ничего общего. Затем Ленин указал ему на дверь, попросив его никогда не возвращаться¹⁷.

Как бы ни происходил разговор на самом деле, очевидно одно: Гельфанд и Ленин не достигли согласия. Безусловно, немаловажную роль сыграла здесь неприязнь, испытываемая собеседниками друг к другу давно, еще с начала столетия. Со времени раскола партии на большевиков и меньшевиков Гельфанд без устали критиковал Ленина за догматическую узость и эгоцентрический подход к партийным проблемам. Ленин, со своей стороны, возмущался повелительным и высокомерным тоном Гельфанда. Да и различие характеров, и образа жизни должны были усиливать и без того резкие расхождения политических взглядов этих двух людей.

Кроме того, вполне вероятно, что на решение Ленина мог оказать влияние тот факт, что он увидел в Гельфанде соперника по лидерству в революционном движении. Ленин понимал, что если расчеты Гельфанда окажутся верными, то он постепенно сможет захватить бразды правления в русских социалистических организациях и — при его финансовых возможностях и интеллектуальных способностях — обойти всех других партийных лидеров. Мы

¹⁶Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 50.

¹⁷Зифельдт А. «Бакинский рабочий». No 24. 1924, 1 февраля.

знаем, что те же мысли приходили в голову и Гельфанду. Тем не менее Ленин действовал в этой ситуации чрезвычайно осторожно. В своих публичных заявлениях он ни разу не обмолвился о встрече с Гельфандом и никогда, в отличие от многих других социалистов, не подвергал сомнению личные качества или политические проекты Гельфанда. Не исключено, что он просто не хотел сжигать за собой мосты — и, как мы увидим позже, этот шанс, эту возможность, предоставленную ему Гельфандом, он еще использует.

Однако в мае 1915 года существенным для Гельфанда было то, что ему не удалось получить поддержку от Ленина и использовать подпольную организацию большевиков в своих целях. Планы, выработанные им в Берлине в начале марта, лишались своей главной базы. Без Ленина он не мог ни создать объединенный социалистический фронт, ни хоть с какой-либо надеждой на успех действовать внутри России. Гельфанд стоял перед выбором. Он мог проинформировать Министерство иностранных дел о провале своей миссии в Швейцарии и затем, по согласованию с немецкими дипломатами, ограничить свои дальнейшие планы, скажем, социалистической пропагандой в странах Западной Европы. Альтернативой могла стать попытка создания своей собственной организации, достаточно мощной и эффективной, чтобы действовать в России. В этом случае цели, оговоренные в его программе действий, оставались прежними, изменялись только средства их достижения.

Гельфанд не был бы самим собой, если бы избрал первый путь. Он твердо верил, что нет таких проблем, которые нельзя было бы решить с помощью денег и вдохновенной импровизации. Итак, Гельфанд остановился на втором варианте.

При этом он достаточно ясно сознавал, что не сможет создать эту независимую организацию в Швейцарии, на виду у лидеров российской партии. Гельфанду нужно было сменить политический климат, а для этого самым подходящим местом была Скандинавия. Стокгольм и Копенгаген были банковскими расчетными палатами для деловых сделок между воюющими государствами и, кроме того, цент-

рами множества шпионских сетей. Помимо этого, через скандинавские страны проходил «северный подпольный путь» — традиционный канал связи российской эмиграции с родиной, успешно действовавший еще со времен Александра Герцена. Сам Гельфанд и его научные труды были хорошо известны датским социалистам, и потому он решил отправиться в Копенгаген.

Однако перед тем, как покинуть Швейцарию, Гельфанд должен был сделать еще одно дело. Ему нужно было завербовать эмигрантов, которые были бы согласны работать на него. Он попросил Екатерину Громан распространить среди русских в Цюрихе слух о том, что он хочет собрать группу научных сотрудников для работы в Институте научного и статистического анализа в Копенгагене.

Эта идея была типичной для Гельфанда: задуманный им Институт должен был стать организацией-ширмой, под чьей вывеской можно было бы заниматься секретной и конспиративной деятельностью; набор сотрудников можно было проводить совершенно открыто. Если позднее кто-либо из сотрудников откажется заниматься политической деятельностью, его можно будет использовать для выполнения исследовательских работ, если же нет, то, думал Гельфанд, тем лучше. Почти сразу выяснилось, что Гельфанд поставил перед собой задачу не из легких. Обещание Гельфанда, что сотрудники смогут проехать через Германию по легальным паспортам, только возбудило подозрения, которые еще возросли, когда ветеран швейцарской социал-демократической партии Герман Греулих заявил в эмигрантской прессе, что ему было поручено получить в Германском консульстве визы для их проезда через Германию. Когда Гельфанд в начале июня 1915 года отправился в Копенгаген, его сопровождали всего четверо русских эмигрантов. Кроме его постоянной спутницы Екатерины Громан с ним ехали Владимир Давидович Перазич, последователь Троцкого Георгий Чудновский и Аршак Герасимович Зурабов, армянский меньшевик, в прошлом депутат второй Думы.

Отъезд пятерых путешественников из Швейцарии дал повод для очередного скандала, связанного с именем Гель-

фанда. Слухи просочились наконец и в ведущие русские патриотические газеты: научные сотрудники, нанятые Гельфандом, назывались немецкими агентами, а его самого обвинили в тесном сотрудничестве с немецким правительством. Лидер меньшевиков Мартов выражал взгляды большей части эмигрантов, когда высказал в письме к другу, что считает поведение гельфандовских «наемников» «бестактным» – даже если предположить, что сам Гельфанд и не является прямым агентом германского правительства¹⁸.

Несмотря на растущую враждебность окружающих, Гельфанд продолжал вербовать в Скандинавии русских и польских эмигрантов. Он мог предложить им финансовые гарантии и возможность активного участия в политической жизни, т.е. как раз то, к чему эмигранты стремились всеми силами души, но чего были напрочь лишены. Его активность встретила смешанный прием. Николай Иванович Бухарин, ученый-марксист, которому предстояло высоко вознестись в советском государстве только для того, чтобы впоследствии, разделив участь большинства своих товарищей, пасть от руки Сталина, прибыл в Скандинавию незадолго от Гельфанда и никоим образом не был против того, чтобы наняться на работу в Копенгагенский институт. Он отклонил это предложение лишь после вмешательства Ленина¹⁹. Другой отказ последовал со стороны Зета Хеглунда, лидера левого крыла Шведской социал-демократической партии, который за три года до этого перевел несколько исследований Гельфанда на шведский язык.

Более успешными были переговоры Гельфанда с меньшевиком Моисеем Урицким. В 1910 году Урицкий тесно сошелся с Троцким и стал отвечать за переправку газеты «Правда» из Вены, где она тогда издавалась, в Россию. Когда грянула война, Урицкий был в Германии, откуда впоследствии перебрался в Стокгольм. Он оставался в Скандинавии до начала революции в России в 1917 году. В этом же году он стал одним из руководителей Центрально-

¹⁸Письма Аксельрода и Мартова. Берлин. 1924. Мартов – Земковскому. 1915, 10 июля. С. 344.

¹⁹Письмо Ленина в Центральный Комитет партии большевиков. 1917, 12 декабря. Ленинский сборник. Москва. 1959. Т. XXXVI. С. 19.

го комитета партии большевиков. В январе 1918 года именно ему было поручено распустить Учредительное собрание. Впрочем, столь многообещающей карьере суждено было завершиться в том же, 1918 году: он был убит членом партии социал-революционеров.

Его первая реакция на предложение Гельфанда была отрицательной: Урицкого не интересовала работа в научном институте. Однако он признал значение практического плана Гельфанда, и в этом отношении они скоро пришли к согласию. Урицкий сохранил связь с Гельфандом и нередко помогал ему организовать курьерскую службу. В качестве курьера, как правило, использовали датского социалиста Альфреда Крузе. Урицкий всегда высказывался о деятельности Гельфанда одобрительно; несколько раз он выступал в защиту Гельфанда, характеризуя его как честного, заслуживающего доверия и полезного товарища²⁰.

Но самым ценным из приобретений Гельфанда был Якоб Фюрстенберг. Больше известный под псевдонимами Ханеки или Куба, Фюрстенберг был польским социалистом и одним из самых преданных друзей Ленина. Он родился в 1879 году в богатой семье в Варшаве. Проведя несколько лет в университетах Берлина, Гейдельберга и Цюриха он встал на путь революционной борьбы и отдал все свое время и всю свою энергию партийной работе; он был поистине выдающимся специалистом по перевозке нелегальной литературы. Два года до начала войны Фюрстенберг жил с Лениным в Поронино, деревне вблизи Кракова; после недолгой остановки в Швейцарии летом 1915 года он почти одновременно с Гельфандом прибыл в Скандинавию.

Фюрстенберг был превосходным конспиратором; на него можно было полностью положиться; в силу совершенно особой гибкости и подвижности своей натуры он мог одновременно играть две или больше ролей; качества ломовой лошади сочетались в нем с качествами лисицы. Он часто выполнял по требованию Ленина весьма деликатные поручения, не проявляя видимого интереса к их целям и тем более к тому, можно ли эти цели оправдать. Если допу-

²⁰Hoglund Z. *Fran Branting till Lenin*. Stockholm. 1953. P. 157.

считать, что Ленин хотел иметь своего человека в организации Гельфанда, то кандидатура Фюрстенберга напрашивается сама собой. Мы имеем, на самом деле, все основания считать, что Фюрстенберг начал сотрудничать с Гельфандом с согласия Ленина. Лидер большевиков прекрасно знал своих товарищей. Мы видели, что он запретил Бухарину поступить на работу в институт Гельфанда. Почему? Все очень просто: Ленин знал, что интеллектуалы типа Бухарина не смогут оказать ему помощь в слежке за деятельностью Гельфанда. Другому своему агенту в Скандинавии Александру Шляпникову Ленин запретил входить в контакт с Фюрстенбергом. Шляпников был честным, неподкупным партийцем и не одобрял даже то небольшое, что знал о деятельности Фюрстенберга. «Ленин, – писал Шляпников в своих мемуарах, – предупреждал меня, чтобы я не завязывал никаких отношений с Ханеки и другими, кто смешивает вопросы бизнеса и политики»²¹. А ведь это был тот самый Ханеки, которого весной 1917 года Ленин назвал «надежным и умным парнем»²². И если в 1915 году Ленин поддержал намерение Ханеки работать в организации Гельфанда, то это устраивало обе стороны: Ленин получал доступ к информации о том, как протекает работа в Скандинавии, а Гельфанд в лице Фюрстенберга – надежную связь с штабом большевиков.

И наконец, вполне вероятно, что Козловский, адвокат из Санкт-Петербурга и член польской социал-демократической партии, также сотрудничал с Гельфандом. Это сотрудничество было раскрыто только в июле 1917 года, когда Козловский вместе с Лениным и другими был обвинен русским временным правительством в том, что они переправили немецкие деньги в партийную кассу большевиков. К сожалению, о деятельности Козловского во время войны известно очень мало. Тем не менее один факт упоминается в воспоминаниях всех его современников: Козловский часто путешествовал между Стокгольмом и Санкт-Петербур-

²¹Шляпников А. *Канун семнадцатого года*. Москва. 1923. Часть II. Т. 4. С. 297-298.

²²Ленин. *Сочинения*. Т. XX. С. 55. Письмо к Ханеки от 17/30 марта 1917 г.

гом с загадочными и секретными поручениями. Были и другие люди, работавшие на Гельфанда. Среди них попадались революционеры, авантюристы и другие представители полусвета военного времени, чьи не поддающиеся расшифровке псевдонимы и имена дошли до нас в официальных отчетах, сами по себе являясь доказательством того, что их обладатели были темными личностями.

Пока Гельфанд создавал свою революционную организацию, он держался от дипломатов в стороне. И только после того, как дела пошли на лад, он стал более подробно информировать их о своей деятельности. В начале августа его константинопольский друг доктор Циммер прибыл в Копенгаген, чтобы от лица Министерства иностранных дел навести справки об успехах Гельфанда. Он сумел выяснить достаточно много²³. Гельфанд высказал Циммеру свою озабоченность развязанной против него кампанией в прессе стран Антанты, а также в российских эмигрантских кругах. Он посетовал, что из-за этого двое его помощников отказались с ним работать. Гельфанд предположил, что или его визиты в берлинские министерства не прошли незамеченными, или Берлинское правительство недостаточно четко соблюдало меры предосторожности, порекомендовав Министерству иностранных дел пресечь слухи официальным заявлением, что Гельфанд «был приглашен для консультаций по экономическим вопросам, касающимся Турции».

Циммер пришел к выводу, что спекуляции русской эмигрантской прессой, утверждавшей будто Копенгагенский институт Гельфанда – это скрытая конспиративная штаб-квартира, совершенно не соответствуют истине. Гельфанд воспользовался этим мнением как приманкой во время своих вербовочных вояжей. А институт действительно существовал, и действительно соответствовал своему статусу научно-исследовательской организации. Создавалась также и революционная ситуация, но совсем за другим фасадом.

²³АА. *Bericht über den Stand der Arbeiten des Herrn Dr. Helphand*. 1915, 6 August. Akten der Gesandtschaft Kopenhagen, file "Helphand".

С любой точки зрения деловая компания для целей Гельфанда подходила гораздо больше, чем научно-исследовательский институт. Несмотря на войну, все еще велась торговля между Германией и Россией – с августа 1915 по июнь 1916 года объем торговли составил 11220 тысяч рублей и шла она – легально или нелегально – через Скандинавию. Получив от германских властей специальные лицензии на импорт и экспорт, Гельфанд сумел создать в России «торгово-революционную» организацию.

Компания, которую Гельфанд основал в Копенгагене, занималась одновременно политикой и бизнесом. Она имела свою сеть агентов, которые курсировали между Россией и Скандинавией. Кроме занятий бизнесом, эти агенты поддерживали связь с различными подпольными ячейками и забастовочными комитетами, стараясь скоординировать их действия и превратить разрозненные организации в единое движение. Циммер описал их деятельность следующим образом: «Организация, созданная Парвусом, насчитывает сейчас 8 человек в Копенгагене и около 10 человек, путешествующих по России. Основная цель – поддержание контактов с различными людьми в России, поскольку требуется свести воедино многочисленные разобщенные движения. Центр в Копенгагене поддерживает постоянную переписку с ними через своих агентов. Парвус создал фонд для покрытия административных расходов, который используется очень экономно. До сих пор удается вести все это дело так осторожно, что даже никто из работающих в этой организации не подозревает, что за всем этим стоит наше правительство. Замечено, что Парвус тратит много денег на партийные цели. Это можно скрыть, когда фирма по экспорту, связанная с бюро, занята каким-то бизнесом. По этому поводу я сделал несколько предложений доктору Гельфанду»²⁴.

Это была единственная деловая компания в России, связанная с революционным движением. Циммер знал, что Ленин пока не проявляет активности, будучи ограничен в возможностях по причине отсутствия денег, и не возражал

²⁴Там же.

против оказания ему поддержки в случае, если «отношения между ними и Гельфандом уладятся». Тем временем Гельфанд сильно преуспел. Его сотрудники получили доступ во все уголки России, а деятельность компании по экспорту-импорту вскоре создала канал для перекачки денег, которые Германия субсидировала на развитие революционного движения. Российские власти никак не могли воспрепятствовать этому процессу. Гельфанд мог, например, использовать германские деньги для закупки товаров на Западе с целью их последующей продажи в России: таким образом «политические» деньги переводились в доход от сделки, который затем шел на революционную деятельность. Импорт из России для немецкой военной промышленности мог быть весьма прибыльным; часть прибыли затем распределялась между «бизнесменами», а другая снова вкладывалась в закупку товаров для экспорта в Россию и т. д. Член Австро-Венгерской дипломатической миссии в Стокгольме позже так описывал это предприятие:

«Совершенно ясно, что во время войны Гельфанд и Фюрстенберг могли и осуществляли с помощью Германии экспорт товаров через Скандинавию в Россию... Этот экспорт товаров в Россию осуществлялся предприятием Гельфанда-Фюрстенберга регулярно и в значительном объеме следующим образом: Гельфанд получал из Германии определенные товары, такие как хирургические инструменты, медикаменты и химические препараты, нужные в России, а затем Фюрстенберг как его русский агент переправлял их морем в Россию. Деньги, вырученные за эти товары, не переводили обратно в Германию, а с момента начала революции в России в основном расходовали на ленинскую пропаганду»²⁵.

Накопленный Якобом Фюрстенбергом опыт очень пригодился ему, когда после революции его назначили главой Советского Национального банка.

То, что Циммер увидел в Копенгагене, произвело на него большое впечатление, и он предложил немецкой дип-

²⁵Grebing H. *So macht man Revolution.* // «Politische Studien». Munich. 1957. P. 234.

ломатической миссии впредь осуществлять связь с Гельфандом. В последующие годы посланник в Копенгагене граф Брокдорф-Ранцау был связан с Гельфандом самым тесным образом. Их первая встреча произошла в конце 1915 года; двумя неделями позже Ранцау записал: «Теперь я узнал Гельфанда лучше и думаю, не может быть никаких сомнений в том, что он является экстраординарной личностью, чью необычную энергию и невероятные возможности, я считаю, мы просто обязаны использовать как сейчас, когда идет война, так и впоследствии – независимо от того, согласны ли мы лично с его убеждениями или нет»²⁶.

При поверхностном взгляде со стороны казалось, что между этими двумя людьми не может быть ничего общего. С одной стороны Гельфанд, еврей-бродяга, социалист с тягой к шикарной жизни, лишь недавно познавший вкус денег и власти. С другой – Брокдорф-Ранцау, аристократ до мозга костей, утонченный, прекрасно владеющий собой, изысканно вежливый. Свита женщин вокруг Гельфанда его, должно быть, просто шокировала. Он сделал быструю и успешную карьеру в Министерстве иностранных дел. После занятия нескольких постов за границей – пребывание в Санкт-Петербурге между 1897 и 1901 годами пробудило в нем острый и устойчивый интерес к России, – в 1912 году в возрасте сорока двух лет он был назначен посланником в Копенгаген. Брокдорф-Ранцау происходил из старинного Гольштинского рода, связанного с датской королевской семьей. Проводимая им политика отличалась либерализмом; во время войны он проявлял необычайную благосклонность по отношению к немецкой социал-демократической партии.

Брокдорф-Ранцау не имел предрассудков, когда на кон ставились конкретные политические цели. Он вполне мог отказаться от своих классовых привилегий. Он был честолюбив, когда речь шла о нем и его стране, и именно честолюбие заставляло его, когда это было необходимо, иметь дело хоть с самим чертом. Однако он был чрезвычайно замкнутым и необщительным человеком и с трудом нахо-

²⁶Zeman. Op. cit. Document No. 5

дил с людьми общий язык. Он принимал посетителей и беседовал с ними о политике только поздно ночью, и лишь тогда он мог проявить определенную степень «притворной откровенности», особенно по отношению к тем, кто днем, как правило, не вращался в тех же кругах, что и он. Общаясь с Гельфандом, Ранцау забывал о своих личных или политических предрассудках. Их отношения переросли формальные рамки политического сотрудничества. Одержимость идей поражения России и убежденность в том, что революция в Санкт-Петербурге есть самый надежный путь достижения этой цели, порождали общность интересов этих двух столь разных людей. Ранцау видел в Гельфанде, в первую очередь, эксперта по вопросам революции, и внимательно прислушивался к его советам. Но кроме того, между ними существовало взаимопонимание и даже симпатия. Гельфанд мог быть приятным и остроумным собеседником; его бьющая через край энергия и даже его фривольное богемное существование нравились Ранцау.

В Брокдорфе-Ранцау Гельфанд нашел сильного союзника среди дипломатов; лучшей связи с Министерством иностранных дел он не мог себе пожелать. Во время их первой беседы в начале августа Гельфанд приложил все усилия к тому, чтобы отвести от своей революционной политики опасность, грозившую ей в случае заключения сепаратного мира с Россией. Его сверхъестественная интуиция подсказала ему, что Берлин все еще нянчится с идеей сепаратного мира: в дальнейшем его подозрения подтвердились. Он сказал Ранцау, что считает революцию в России «нелизбежной». Он сообщил посланнику, что беспорядки уже распространились в армии и среди рабочих, производящих вооружение. Положение царя пошатнулось до такой степени, что он больше не может осуществлять свою политику, направленную на заключение сепаратного мира с Германией. И снова Гельфанд попытался усилить свои аргументы и обратил внимание Ранцау на долговременные цели на востоке, понимая, что его планы ослабления и децентрализации России могут произвести на официальные круги глубокое впечатление.

В то же время Гельфанд говорил о необходимости координировать военную стратегию Германии с его, Гельфанда, революционными планами. Германия должна приложить все усилия, доказывал он, чтобы России не удалось взять под свой контроль проливы. Если же России удастся осуществить это, то он абсолютно уверен, что за счет этого царское правительство существенно повысит своей престиж. Война будет «проиграна политически, даже если будут достигнуты победы в военных сражениях». Поэтому немецкие войска должны сконцентрировать ударные силы на юге России и таким образом позволить Турции получить отсрочку. Другая линия наступления должна проходить через Донецкий бассейн. Оккупация этой промышленной зоны пережмет главную артерию России²⁷.

Сотрудничество с копенгагенским посланником, так же как и организация революционной штаб-квартиры в столице Дании, явились важным успехом Гельфанда. Осталось сделать только одну вещь: организовать кампанию в прессе, адресатом которой станут европейские социалисты.

Когда доктор Циммер посетил его в Копенгагене, Гельфанд сообщил гостю, что ему все еще не хватает «необходимой базы» для начала этой кампании. Кроме того, он сказал д-ру Циммеру, что намеревается основать свое собственное периодическое издание «*Die Glocke*». Этот проект также получил полную поддержку Ранцау. Необходимо, рекомендовал он помощнику государственного секретаря, чтобы Министерство иностранных дел устранило все препятствия на пути задуманного Гельфандом журнала. Журнал предполагалось использовать не только в целях пропаганды идей революции в России, но также и для разъяснения немецким рабочим необходимости поддерживать государство, и таким образом способствовать стабильности и единству империи. «В противном случае, – писал Ранцау, – мы никогда не достигнем великой цели, которую я вижу перед собой. Я надеюсь не только на то, что мы выйдем из этой войны формальными победителями и самой мощной

²⁷Brockdorff-Rantzaу to the Foreign Ministry, telegram No 1306 of 1915, 10 August, in WK Nr. 2; and a letter to Zimmermann of 13 August, in WK Nr. 11c sec.

державой в мире, но также на то, что после ужасных испытаний, которым в настоящее время действительно подвергаются немецкие рабочие, мы могли бы попытаться обеспечить сотрудничество с теми элементами, которые до войны противостояли нам и казались ненадежными, и объединить их вокруг престола»²⁸.

Тринадцатого августа, т.е. за день до того, как Ранцау отправил свое секретное письмо, Гельфанд выехал в Берлин. Ранцау уже расчистил ему путь, и теперь он вполне мог рассчитывать на хороший прием в Министерстве иностранных дел. Кроме того, последние политические и военные события также играли Гельфанду на руку. Третьего августа мирные инициативы Германии в Санкт-Петербурге закончились крахом, и возможность заключения сепаратного мира снова отодвинулась на неопределенное время. Одиннадцатого августа рейхсканцлер Беттман-Хольвег доложил Кайзеру, что основная цель политики Германии на востоке состоит «в оттеснении Московской империи на восток за счет отделения от нее западных территорий»²⁹. В то же время оккупация Варшавы 5 августа возродила в Германии надежды на скорую гибель России.

Прибыв в Берлин, Гельфанд убедился, что ни Министерство внутренних дел, ни Генеральный штаб не возражают против издания задуманного им журнала. Уладить отношения с Министерством внутренних дел и отменить его запрет на социалистические публикации не составило никакого труда, и Гельфанд получил возможность оказывать непосредственное воздействие на общественное мнение. Теперь ему надо было браться за дело: настраивать европейский социализм против царского режима и подготавливать политическую массовую забастовку в России. Начало забастовки – сигнал к началу революции – Гельфанд намстил на 22 января 1916 года. У него было всего пять месяцев для реализации этой гигантской, невероятно сложной задачи.

²⁸Zeman. Op. cit. Document No. 5.

²⁹Fischer F. *Griff nach der Weltmacht*. Dusseldorf. 1961. P. 238.

НЕ ТОЛЬКО РАДИ ДЕНЕГ

Издание собственной социалистической газеты было мечтой всей жизни Гельфанда. С тех пор как во время дискуссии о ревизионистах в девяностых годах прошлого века Гельфанд пострадал от рук редакторов немецкой социалистической прессы, он мечтал обеспечить себе финансовую и политическую независимость от них. Теперь он был богат, и мечта должна была исполниться, чего бы это ни стоило.

С августа 1915 года Гельфанд сосредоточил усилия на скорейшем издании журнала *«Die Glocke»* («Колокол»), название которого воскрешало в памяти радикальный русский журнал Александра Герцена. У Гельфанда были веские причины, заставлявшие его торопиться с публикацией. С ноября 1914 года Либкнехт и левое крыло партии развивали тезис о том, что Германия вполне успешно отразила вражеское нападение и теперь она ведет войну только с целью территориальных завоеваний. Гельфанд считал такую точку зрения опасно сентиментальной, поскольку при этом Россию представляли в виде державы, терпящей поражение, и, таким образом, подрывали боевой дух пролетарских масс. Поведение Гельфанда определялось журналистскими соображениями в такой же степени, как и политическими мотивами. Карл Каутский выступал против войны и использовал для этого *«Neue Zeit»*. В партийной печати образовался своего рода вакуум, и Гельфанд намеревался заполнить его своим новым журналом. Ведущие ежедневные газеты *«Vorwärts»* и *«Leipziger Volkszeitung»* придерживались линии Каутского, а партийное руководство вынуждено было отступить и довольствоваться поддержкой двух маленьких провинциальных газет *«Hamburger Echo»* и *«Chemnitzer Volkstimme»*.

Гельфанд начал прорабатывать некоторые технические вопросы, связанные с изданием *«Die Glocke»*, еще до того, как официально проинформировал Министерство ино-

странных дел о своем намерении учредить этот журнал. В качестве возможного места расположения редакции его привлекал Мюнхен. Военная цензура в Баварии была менее строгой, чем в других федеральных штатах. Здесь он мог также рассчитывать на помощь Адольфа Мюллера, главного редактора «*Munchener Post*», с которым был дружен еще с начала столетия.

Выходец из буржуазной католической семьи из Рейнской области, Адольф Мюллер обучался медицине и политической экономии и примерно в 1890 году вступил в социал-демократическую партию. В 1893 году, отчасти по рекомендации Христо Раковского, он был назначен редактором «*Munchener Post*». Он был обеспеченным и дружелюбным человеком и мало интересовался тонкостями марксистского учения. Он мог оставаться в стороне от теоретических дискуссий, которые время от времени угрожали единству партии. Он относился к войне, как политик-патриот, и мог оказать Гельфанду ценную и необходимую поддержку.

Уже в мае 1915 года Гельфанд с помощью Мюллера познакомился с владельцами типографии, печатающей «*Munchener Post*», и приобрел большую часть акций кампании. В начале июля он основал в Мюнхене «*Verlag für Sozialwissenschaft*» – «Издательство общественных наук» – и пригласил Луиса Кона, коммерческого директора «*Post*», на роль управляющего новым предприятием. До того, как Кон сформировал редакцию и административный аппарат, основную часть работы для «*Die Glocke*» Гельфанду приходилось делать самостоятельно. Однако он был убежден, что его мощные финансовые возможности позволят журналу преодолеть все трудности, которые могут встретиться на начальном этапе. При подготовке первых номеров он мог позволить себе дорогие импровизации. Он без колебаний шел на любые затраты – лишь бы журнал был таким, каким он хотел его видеть. По коммерческим соображениям Кон возражал против каких бы то ни было упоминаний о политической направленности журнала на его титульном листе. Гельфанд настоял на том, чтобы под заголовком «*Die Glocke*» стояло «Социалистический двух-

недельник» – «Sozialistische Halbmonatschrift». «Я не боюсь бойкота, – писал Гельфанд Кону в середине августа. – Это не так страшно, как Вы думаете. В любом случае я не уступлю»¹.

После лихорадочной деятельности в сентябре 1915 г. наконец появился первый номер «*Die Glocke*». В специальном введении Гельфанд разъяснял цели нового периодического издания. Он не будет, писал он самоуверенно, «угождать вкусам публики». Его задача – обсуждение политических и социальных проблем, вызванных войной, а также поиск путей, ведущих к установлению нового политического порядка после ее завершения. В то же время журнал должен разбудить интеллектуальные запросы рабочих и присоединить их к культурной жизни нации. Это понимание своей культурной миссии в рабочей среде в действительности и определяло тон «*Die Glocke*» до самого конца его существования в 1925 году. Журнал стал особенно популярным среди партийных функционеров, работавших на ниве просвещения, и школьных учителей-социалистов.

Первый номер «*Die Glocke*» не содержал ничего, кроме материалов, принадлежавших перу издателя журнала. Кроме длинного эссе об истории и нынешнем состоянии немецкой социалистической партии, Гельфанд также поместил в нем статью о положении в России и перспективах дальнейшего развития войны. Гельфанд не оставил своей давней любви к писательству, но теперь в его работах явно проглядывало желание компромисса с властями. Конечно же, стремление поддерживать хорошие отношения с Министерством иностранных дел было вполне объяснимо, и сотрудничество с дипломатами было ему необходимо, чтобы прорваться через военную цензуру. В любом случае он был не из тех людей, которые могли бы добровольно отказаться от привилегии пересылать свои рукописи в Мюнхен через дипломатическую почту.

Но как бы то ни было, его длинное эссе о социал-демок-

¹Nachlass Helphand. Rep. 92. Letter from Helphand to Cohn. 1915. 12 August.

ратической партии нельзя было назвать патриотической декларацией или отречением от революционной борьбы пролетариата. Оно воспевало партию как модель международного рабочего движения и в то же время содержало критический анализ как положительных, так и отрицательных результатов деятельности социал-демократической партии в Германии. Фактически это эссе было манифестом, аналогичным работе Троцкого «Итоги и перспективы», своеобразным итогом всех теоретических изысканий Гельфанда. В работе содержалась острая критика германской партии, однако заподозрить ее автора в ренегатстве было никак нельзя. Гельфанд упрекал партию в ее революционной бесплодности. Раньше его критические выступления всегда касались конкретных случаев, а не общих тем. Теперь же, когда воздушные замки, иллюзорность которых Гельфанд старался выставить на всеобщее обозрение еще со времен аграрных дебатов 1895 года, были, наконец, сметены, настало время собирать камни, чтобы заложить их в фундамент новой, надежной и прочной постройки.

По мнению Гельфанда, германская партия, по сути дела, сгладила все острые углы революционного учения Маркса. Единственным результатом деятельности унылого архивульгаризатора Карла Каутского было искажение учения Маркса. Если бы социалисты в свое время прислушивались к словам Гельфанда, то они одерживали бы одну победу за другой в постоянной борьбе с капитализмом. Оборонительная тактика Бебеля, базирующаяся на абсурдных иллюзиях о самопроизвольном разрушении капитализма, не смогла ни усилить революционное движение, ни предотвратить войну. Поэтому немецкая социал-демократия несет на себе груз «великой политической вины». «И это не случайность, а результат неверной тактики, которой придерживались в течение 25 лет и которую не смогли изменить в критический момент. Это вина, которая аккумуляровалась в течение десятилетий»².

В этой критике легко узнавался «старый», предвосный

²«Die Glocke». 1915. P. 41.

Гельфанд, энергичный и беспокойный революционер, о чьей политической смерти Троцкий говорил еще весной 1915 года. Что же можно сказать о «новом» Гельфанде — если таковая личность вообще существовала?

Он вышел на защиту тех социалистов, которые оказали поддержку правительству, когда была объявлена война. Он относился к германскому Генеральному штабу, как к защитнику интересов пролетариата в его борьбе против царизма. Он решительно защищал военную политику правительства от нападков левого крыла партии, группировавшегося вокруг Либкнехта и Люксембург. Но при этом он ни на миг не забывал об интересах и будущем социализма в целом, и немецкого социалистического движения в частности. Он считал его «цитаделью» европейского социалистического движения, падения которой нельзя допустить, так как это приведет к краху социализма повсюду. Если же социал-демократическое движение победит в Германии, тогда будет выиграна битва и во всей Европе. А путь к победе социализма лежит, неустанно повторял Гельфанд, через победу Германии над царской Россией.

«Кровавые жертвы и страдания не должны приноситься впустую». Партия должна теперь освободиться от «лунатиков» вроде Каутского и Бернштейна, которые выступают за мир без завершения войны. Гельфанд предупреждал, что буржуазия не должна питать никаких иллюзий относительно того, что война освободит их от социалистической угрозы. Напротив, рабочие вернутся из окопов, готовые к продолжению борьбы. Война научила их «новой отваге, новой предприимчивости и новой решительности», всем тем качествам, которые они не смогли приобрести в парламентской борьбе. «Новый» Гельфанд фактически провозгласил, что гражданское перемирие закончится в тот день, когда будет подписан мир.

Трудно было ожидать, что германское правительство снисходительно отнесется к подобным доводам, и тем не менее из Министерства иностранных дел не последовало никаких замечаний. Высшие правительственные чиновники на деле доказали свою терпимость и широту взглядов. Они дали Гельфанду свободу действий, они приняли суть

его планов и не стали раздражать его мелкими придирками. Как бы то ни было, их интересовала прежде всего социалистическая пропаганда военной политики Германии, а в этом отношении Гельфанд не обманул их ожиданий. Война, неустанно вдалбливал он в головы своих читателей, по сути дела, носит оборонительный характер и направлена в первую очередь против царского абсолютизма.

В третьем номере «*Die Glocke*» Гельфанд поместил ответы на нападки и клевету, обрушившиеся на него со стороны врагов. Две статьи, помещенные в журнале, являются превосходными образцами полемической манеры Гельфанда³. Он выработал для себя особую тактику ведения подобных споров. Так, например, в данном случае ему нужно было опровергнуть наиболее серьезные обвинения в свой адрес, а именно, что он является агентом германского правительства и проводит правительственную военную политику. Что же сделал Гельфанд? Он ни единым словом не обмолвился о своих связях с официальными кругами Берлина. Вместо этого Гельфанд очень подробно анализировал полуправду и заведомую ложь о нем со стороны своих оппонентов для того, чтобы разрушить, используя полудоказательства и полуопровержения, всю структуру их обвинений. Он не говорил всей правды. Он уходил от сути спора и рисовал столь же неправдоподобную картину своих действий, как и его обвинители.

Утверждение о его сотрудничестве с младотурками он назвал «бесчестной, отвратительной клеветой». Что касается Украинского союза, то он признался в дружбе с Марианом Меленевским, однако настаивал на том, что не имел «никаких связей с самим союзом». Обвинение в том, что его попытки вызвать революцию в России оплачиваются правительствами Турции и Австро-Венгрии, Гельфанд также опроверг с легкостью. С его точки зрения, от этого предложения несло скотным двором, «навозом вонючего животного».

Действительно, он не состоял на австрийской службе. Но

³См. *Offener Brief an die Zeitung "Nasche Slowo" and Ein Verleumdungswerk.* // «*Die Glocke*». 1915. P. 117-132 and 155-162.

как быть с его сотрудничеством с германским правительством? Он нашелся и тут. Он принял вызов и открыто, с пафосом изложил свои цели: «Моя миссия заключается в создании духовной связи между вооруженным германским и революционным российским пролетариатом». Прилагательное «духовная» было, конечно же, настоящим эфемеризмом, пропагандистским средством для прикрытия того явного факта, что он был посредником между немецким правительством и революционным движением в России. Однако понять истинный смысл этого заявления было нелегко. Гельфанд не мог высказаться откровеннее, не поставив под серьезную угрозу успех своего дела.

Лишь выполнив свой долг по отношению к социалистическому движению и потешив свое писательское тщеславие, Гельфанд решился передать бразды правления газетой независимой редколлегии. С начала октября 1915 года ее главным редактором стал Конрад Хениш, когда-то с безграничным энтузиазмом встретивший первую статью Гельфанда. Вокруг него сплотилась группа товарищей-патриотов, среди которых особенно выделялись Пауль Ленш, Эдуард Давид, Генрих Кунов, Эрнст Хайльман и Вильгельм Яансон. В их лице Гельфанд приобрел сильнейших публицистов, отражающих позицию большинства.

Это была смешанная группа. Подобно Хенишу, Пауль Ленш сначала принадлежал к радикальному крылу партии. Будучи членом редколлегии «*Leipziger Volkszeitung*», он стал известен как деятельный и очень влиятельный журналист. После некоторых колебаний во время голосования за военные кредиты в Рейхстаге он уверенно отдал свои симпатии тем, кто поддерживал тезис о революционизирующем влиянии войны на ход текущих событий. Эдуард Давид был школьным учителем немецкого языка и истории; в начале века он был одним из ведущих представителей социалистического ревизионизма. Его талант был сух и дидактичен; его аргументы всегда были продуманными и самостоятельными. Он занимал весьма влиятельное положение в редакционном совете «*Die Glocke*», так же, впрочем, как и в самой партии. Генрих Кунов пользовался в

партии репутацией серьезного экономиста и этнолога; в течение нескольких десятилетий он был одним из основных авторов «*Neue Zeit*». Он придерживался умеренных политических взглядов. После августа 1914 года он, против воли Карла Каутского, попытался изменить ориентацию «*Neue Zeit*» в соответствии с воззрениями тогдашнего партийного руководства. Однако Каутский не уступил, и тогда Кунов решил перейти к Гельфанду.

Хайльман и Яансон представляли собой социалистов более практического склада. Радикал из Саксонии, Хайльман заслужил себе прозвище *Ruberrimus* – *Краснейший*, однако после начала войны он становился все бледнее и в конце концов, полностью и безоговорочно приняв политический курс германского правительства, превратился в одного из самых рьяных социал-патриотов. Вильгельм Яансон являлся связующим звеном между редакционной коллегией «*Die Glocke*» и профсоюзным движением. Швед по рождению, он настолько слился с немецкой партией, что стал фанатичным защитником идеи гегемонии немецкого социалистического движения в Европе.

С этой компанией Гельфанд далеко не всегда находил общий язык. В последующие годы случалось, что редакционная коллегия журнала проводила политику, которую Гельфанд одобрить никак не мог. Антибританские высказывания Пауля Ленша и шовинистический уклон Хениша иногда заставляли издателя «*Die Glocke*» публично заявлять о своем несогласии с ними. Незадолго до окончания войны Гельфанд писал о своих отношениях с этими людьми:

«Я основал «*Die Glocke*» в 1915 году как свободную социалистическую платформу. Редакционная коллегия этой газеты была и остается полностью независимой. Управляют редакционной коллегией Хениш и его помощники. Что касается меня, то я всего лишь издатель. Когда газета была основана, я не предполагал, что война будет продолжаться так долго. Я намеревался поднимать в газете основные проблемы экономических послевоенных преобразований. Но война затянулась и вытеснила наш интерес к ее последствиям на второй план. Под давлением обстоятельств нам

пришлось заниматься почти исключительно военными проблемами. Генеральная линия газеты отвечала моим взглядам на необходимость достижения победы в этой войне. В связи с этим нельзя было избежать путаницы в аргументах отдельных авторов, путаницы, которая возникла в социалистических кругах под влиянием войны... Если бы я редактировал газету сам, я попытался бы применить некоторые ограничения по отношению к чересчур националистически настроенным авторам»⁴.

Несмотря на расхождения во взглядах, Гельфанд дал редакционной коллегии полную свободу. Он довольствовался тем, что в его распоряжении находилось независимое средство связи с населением, которое он сможет использовать, когда в этом возникнет необходимость. Он был достаточно богат, чтобы позволить себе роскошь иметь свой собственный журнал, который, даже если не всегда соответствует его взглядам, то, по крайней мере, носит его имя. Он мог утешать себя мыслью, что его дела идут куда лучше, чем у Каутского, чей журнал выходил лишь один раз в месяц. «*Die Glocke*» заполнил пустое пространство, образовавшееся в средствах массовой информации немецких социалистов, и это сыграло положительную роль в деле консолидации партии после разлада, вызванного войной. Помимо этого журнал служил прикрытием для деятельности Гельфанда, направленной в сторону России. И хотя планы Гельфанда по организации международной пропагандистской кампании против царизма потерпели неудачу, журнал был, по существу, весьма престижным предприятием, что уже само по себе в какой-то мере окупало громадные финансовые затраты Гельфанда.

Острейшей критике «*Die Glocke*» подвергся в момент своего появления со стороны социалистов – противников войны. Карл Каутский презрительно говорил о *Glockner* (звонарях) «имперского Фальстафа» – Гельфанда. Франц Меринг бросил ехидную реплику о «колокольчике бедных грешников, который отлил Парвус-Гельфанд и который дергает Парвулюс-Хенише». Однако в точку попала только

⁴Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 19.

Роза Люксембург. С замечательной прозорливостью она сразу же поняла, что основной целью «*Die Glocke*» была пропаганда идей революции в России. По этому поводу она обратилась непосредственно к Гельфанду. Никогда еще она не страдала от отвращения к Пруссии сильнее, чем в связи с вопросом о революционизирующем воздействии победы Германии над царизмом. «В любом случае, — писала она, — следует опасаться, что война только затормозила революционные процессы в России». Когда же она дошла до противоречия между заявлением Гельфанда, что, установив духовную связь между вооруженным германским пролетариатом и революционными российскими рабочими, он выполнил важную миссию, и тем фактом, что он нажил состояние, работая на датскую разведку, ей пришлось признать, что она вообще больше ничего не понимает»⁵.

Появление «*Die Glocke*» заставило, наконец, Ленина сделать публичное заявление по поводу Гельфанда. В своем «*Социал-демократе*» он назвал периодическое издание Гельфанда «органом ренегатов и грязных лакеев», окруживших «выгребную яму германского шовинизма», присвокупив, что в журнале «нет ни одной честной мысли, ни одного обоснованного аргумента, ни одной откровенной статьи». Заявление Гельфанда о том, что на него возложена миссия, связанная с революцией в России, Ленин назвал «дурной шуткой»⁶.

Статья Ленина против «*Die Glocke*» с тех пор использовалась публицистами-большевиками как веское доказательство того, что между их партией и Гельфандом не было ничего общего. Но им следовало бы быть внимательнее. Характерное для Ленина использование отвлеченных понятий, выраженных грубым языком, укладывалось в рамки допустимой в среде социалистов журналистской ругани, и это вполне соответствовало правилам игры. Гораздо более важно, что даже в этом случае Ленин воздержался от обвинения Гельфанда в том, что он является агентом герман-

⁵«Spartakusblatter». No. 10. Reprinted in «Spartausbriefe». Ed. by Dr. Kolbe H. Berlin. 1958. P. 68.

⁶No. 48. 1915, 20 November.

ского правительства; в статье не содержалось ни единого намека на их встречу в мае. По сути дела, появление этой статьи не могло бы помешать Ленину когда-нибудь в будущем в случае необходимости прибегнуть к услугам Гельфанда.

Вероятно, Ленин считал политически целесообразным публично отмежеваться от Гельфанда. Любопытно, что на молчаливое соглашение по поводу Якоба Фюрстенберга, игравшего одновременно роль помощника Гельфанда и секретного агента Ленина, критика Лениным «*Die Glocke*» ни в коей мере не повлияла.

Несмотря на то что в августе и сентябре работа, связанная с изданием журнала, отнимала у него почти все время, Гельфанд не забывал о России. Через регулярные консультации с Брокдорфом-Ранцау его взгляды стали известны канцлеру или, по крайней мере, высшим чинам в Министерстве иностранных дел. И как только «*Die Glocke*» был передан в надежные руки, Гельфанд снова занялся окончательной подготовкой к забастовке в России, которая, по его мнению, должна была начаться в январе 1916 года.

Последующие недели имели решающее значение для успешного осуществления проекта Гельфанда. Он работал со своей революционно-торговой организацией в Копенгагене, полностью поглощенный этой гигантской задачей. Он забыл даже о Брокдорфе-Ранцау и в течение нескольких недель не появлялся в немецкой дипломатической миссии. В конце ноября один из агентов Гельфанда вернулся из Санкт-Петербурга. Двадцатого ноября Гельфанд сообщил Ранцау новости, полученные им из России.

Он доложил ему о моральном разложении русской армии и о том, что изменилось даже после того, как сам царь стал Верховным главнокомандующим. Положение в тылу также было критическим: в Санкт-Петербурге и Москве зимой ожидали голод. Одно донесение, однако, встревожило посланника: Гельфанд сказал ему, что российская армия не будет готова к революции, пока не завершится война. Пытаясь успокоить растревоженного посланника, Гельфанд намекал на различные местные беспорядки и волнения среди солдат, подчеркнув при этом, что для осу-

ществления поставленной цели важны «революционные организации» пролетариата, а они теперь так сильны, что он «считает революцию неизбежной»⁷.

Тем не мене сомнения посланника заставили Гельфанда описать «революционные организации» более подробно. Он делал это против своей воли. Однако он верил Ранцау больше, чем другим дипломатам, и, кроме того, теперь он нуждался в их помощи больше, чем когда-либо прежде. После предупреждения, что эта информация «строго секретна», он сказал Ранцау, что «100 тысяч человек определено» могут начать забастовку в Санкт-Петербурге, будучи предупреждены об этом за 24 часа. Всего восемь дней назад состоялось собрание всех организованных рабочих, на котором было решено провести трехдневную забастовку, чтобы оценить силы, которыми они располагают для проведения всеобщей забастовки. Гельфанд еще раз высказал свое убеждение в том, что она состоится 22 января, в годовщину Кровавого воскресенья 1905 года. Однако он добавил, что предстоит еще обеспечить связи между ними и армией⁸.

Гельфанд ограничился лишь этой информацией. Это был очень короткий доклад о предпринятых им мерах. Мы уже знаем, что в Копенгагене Гельфанду удалось наладить отношения с Фюрстенбергом, Урицким и Козловским. Теперь он поддерживал связь также с Зурабовым, корреспондентом газеты «Наше слово». Все они были опытными подпольщиками и имели обширные связи с Россией, с местными забастовочными комитетами, независимыми революционными ячейками или просто с отдельными революционерами-единомышленниками. Кроме того, вполне возможно, что через Урицкого Гельфанд был связан с межрайонцами, группой социалистов в Санкт-Петербурге. Урицкий и другой товарищ Гельфанда, Рязанов, были в числе лидеров этой группы. Это была та самая группа, к которой в 1917 году после возвращения в Россию из Амери-

⁷Brockdorff-Rantzau to the Foreign Ministry. Telegram No. 1932. 1915, 21 November. // WK II s sec.

⁸Telegram № 1943. Продолжение телеграммы No. 1932. // WK II c sec.

ки присоединился Троцкий и которая позднее в том же году вместе с ним влилась в партию большевиков.

Гельфанд ничего не сказал Ранцау о своих неудачах. Вторая попытка наладить отношения с Бухариным также потерпела неудачу. Неудачным оказалось и подкрепленное «несколькими сотнями тысяч рублей» предложение журналисту-революционеру из Санкт-Петербурга Гуревичу-Смирнову основать газету. Это предложение было сделано Смирнову Козловским во время одного из его частных наездов в российскую столицу. Однако журналист был озадачен странной формой этого предложения, а также огромными размерами субсидий. Заподозрив, что эти деньги имеют отношение к Германии, Смирнов отклонил предложение, добавив при этом, что он слишком занят⁹. Еще одна попытка установить связь с Санкт-Петербургом была предпринята Гельфандом вместе с Урицким и датским журналистом Крузе. Во время своего путешествия в Россию Крузе должен был встретиться с неким Бухспаном — крупным чиновником из российского Министерства торговли. Если верить Крузе, эта попытка также закончилась неудачей¹⁰.

Большевистские группы в России не принимали участия в деятельности Гельфанда. Сотрудничества с ними можно было добиться лишь с согласия Ленина, которого тот никогда не давал. Кроме того, большевистская подпольная организация была так ослаблена войной, что едва ли могла предпринимать какие-либо активные действия. Санкт-Петербургский комитет, к примеру, насчитывал не больше восьми — десяти членов, и их влияние было весьма ограниченным. За ними неусыпно следила полиция, кроме этого, им приходилось бороться с врагами из числа меньшевиков, поддерживавших войну¹¹. Александр Шляпников, от лица Ленина курировавший большевистскую организацию, яростно доказывал, что большевики не имеют с Гельфандом ничего общего.

⁹ Рассказ Смирнова об этом случае в «Золотом немецком ключе». Мельгунов П. С. Париж. 1940. С. 137.

¹⁰ Futrell M. *Northern Underground*. London. 1963. P. 173-174.

¹¹ Шляпников А. *Канун семнадцатого года*. Т. 2. С. 100.

Совершенно очевидно, что так оно и было. Если бы большевики согласились на это сотрудничество, их дела шли бы куда лучше. Ни их Центральный комитет в Швейцарии, ни бюро в Санкт-Петербурге не имели в своем распоряжении даже самых элементарных финансовых средств. Когда Гельфанд развил в России бурную деятельность, в середине декабря 1915 года Ленин писал Александре Коллонтай в Скандинавию: «Нет денег. Здесь нет денег. В этом главная трудность»¹².

Гельфанд не знал этих трудностей. Министерство иностранных дел, а если требовалось, то и он сам, были прекрасными спонсорами. Тем не менее он продолжал внимательно следить за дипломатами, поддерживать их интерес к революции в России и убеждать их в тщетности попыток заключить сепаратный мирный договор с царем. Особенно тогда, когда забастовки в России стали неминуемы, Гельфанд хотел удостовериться в том, что никакие непредвиденные переговоры между Германским правительством и царем не разрушат его планы.

30 ноября 1915 года Гельфанд вручил Ранцау меморандум, в котором исследовалась проблема заключения мира и вносились дополнительные предложения по поводу путей, которые могли привести к углублению революционной ситуации в России. Он предостерегал немецкое правительство от каких-либо контактов с царским режимом. Если царь, фактически уже утративший реальную власть, заключит мир с Германией, результатом может стать приход к власти реакционного правительства, покрытого, по определению Гельфанда, «толстым слоем националистических румян». Это правительство будет чувствовать себя свободным от принятых царем обязательств. Имея финансовую поддержку Антанты, оно попытается, продолжал Гельфанд, нарушить договор, заключенный царем. И Германия, таким образом, потеряет те «политические достижения, которые были добыты ею на поле боя»¹³. Поэтому

¹²Gankin and Fisher. *The Bolsheviki and the World War*. London. 1940. P. 280.

¹³*Über die Möglichkeit der Revolutionierung Russlands. // WK 11c sec.*

соглашение с царем может привести к окончанию войны, но не к установлению мира. «Россия уже достигла такой стадии политического развития, при которой прочный мир с этой страной невозможен до тех пор, пока заключающее договор правительство не будет пользоваться доверием народа».

Если же, с другой стороны, Германия не заключит мир с царем, то мир станет главным лозунгом революционного движения. Гельфанд добавил, что стремление к миру в сочетании с чрезмерными материальными лишениями послужит мощным импульсом к революции. Для правительства, которое получит власть после революции, первой задачей будет прекращение военных действий и немедленное заключение мира. А поскольку лидеры революции смогут свалить всю ответственность за войну на предшествующее правительство, то им будет гораздо легче пойти на значительные уступки Германии при заключении мирного договора. Мир будет заключен с согласия и одобрения народа и будет пользоваться мощной народной поддержкой.

Гельфанд был убежден, что ситуация на данный момент благоприятствует появлению именно того правительства, о котором он говорил выше: «Революционные организации в России теперь более сильны и настроены более решительно, чем до всеобщей стачки 1905 года. Разочарование, которым сейчас охвачено общество, куда сильнее, чем в 1905 году, и в армии берут верх антиправительственные настроения. Остается только преодолеть инерцию и апатию, которые всегда имеются, когда речь идет о крупных массовых движениях».

Гельфанд считал, что для России, чрезвычайно чувствительной к веяниям из-за рубежа, огромное значение имеет положение дел на восточном фронте. Он был уверен в том, что взятие Риги и Дунабурга произведет на Россию глубочайшее впечатление, разрушив последние слабые надежды на победу.

Затем он предложил некую финансовую махинацию, которая откроет еще один путь для внешней интервенции. Эта махинация, направленная против российского денеж-

ного рынка, должна была обойтись совсем недорого и привести к еще большему падению курса рубля, подорвав доверие населения России к своей валюте. Если бы удалось показать, писал Гельфанд, что в обращении находятся по две купюры с одинаковыми номерами, то в России могла бы возникнуть паника, которая имела бы самые губительные последствия для кредитоспособности страны за рубежом. Было бы совсем несложно, настаивал Гельфанд, выбросить фальшивые деньги на российский рынок. И в заключение он предлагал организовать мощную пропагандистскую кампанию в русской армии. Проводить ее следовало бы в зависимости от обстоятельств, не ограничиваясь разбрасыванием анонимных листовок. Самыми подходящими организациями для проведения такой кампании Гельфанд считал германскую социал-демократическую партию и профсоюзы. При этом следует уважать национальные чувства и избегать прямых призывов к войскам бросать оружие. «Главное, – говорил в заключение Гельфанд, – вызвать революционные настроения. Действовать нужно быстро и решительно, поскольку можно ожидать, что революционные события должны произойти где-то около 22 января».

Брокдорф-Ранцау отправил меморандум Гельфанда канцлеру Бетман-Хольвегу вместе со своим собственным сопроводительным письмом, отметив, что меморандум составлен «на основании секретных отчетов его тайного агента, который вернулся из Петербурга»¹⁴. Далее он продолжал, что «хотя как всегда, когда речь идет о подобных проектах, мы не можем быть абсолютно уверены в успешном исходе, политическое прошлое Гельфанда и особенно роль, которую он сыграл в революции 1905 года, дают нам определенные гарантии успеха его предложений; в любом случае они являются – по сравнению с довольно распространенными смутными рассуждениями о русской революции – чем-то позитивным и, возможно, дают надежду на решение проблемы, которое при благоприятных обстоя-

¹⁴The Minister to Copenhagen to the Chancclor. Report No. 43, of 1915, 30 November. // WK 11c sec.

гательствах окажется более радикальным, чем любое другое предполагаемое решение...»

Несомненно, рекомендации Ранцау были причиной последовавшего за этим донесением немедленного решения Министерства иностранных дел пригласить Гельфанда в Берлин. Посланник в Копенгагене делал все, чтобы заставить Министерство иностранных дел оказать поддержку планам Гельфанда. Через своего кузена, советника Лангверта фон Зиммерна, он даже пытался устроить Гельфанду аудиенцию у рейхсканцлера, однако некоторым лицам из Министерства иностранных дел показалось, что это будет уже слишком. Диего фон Берген, молчаливый влиятельный министр с Вильгельмштрассе, занимавшийся главным образом организацией подрывной деятельности в России, считал, что люди типа Гельфанда не должны иметь доступ в высшие органы государственной власти.

С 16 по 20 декабря Гельфанд находился в Берлине, где он обсуждал свои планы в Министерстве иностранных дел и в Министерстве финансов. Возникли некоторые трудности. В то время как Министерство иностранных дел обещало поддержку, государственный секретарь Гельферих из Министерства финансов отнесся к финансовым проектам Гельфанда с резким неодобрением. В 1915 году нельзя было ожидать, что какое-либо из европейских правительств примет предложение такого рода. Как бы то ни было, Гельферих сомневался как в действенности мер, направленных против рубля, так и в возможности их успешной реализации в обстановке спешки и полной секретности. Тем не менее Гельфанд получил в Берлине обещание, что германское правительство выделит еще один миллион рублей на организацию пропаганды, направленной против русской армии¹⁵.

Хотя Гельфанду не удалось лично встретиться с канцлером, Ранцау делал для него больше, чем предписывало его официальное положение. В день отъезда Гельфанда в Бер-

¹⁵Helfferich to Zimmermann. 1915, 12 December and 26 December. // WK 11c sec.

лин посланник в Копенгагене написал Бетману-Хольвегу. Никогда прежде он не предпринимал столь откровенных попыток оказать влияние на политику Германии на востоке¹⁶.

Брокдорф-Ранцау указывал на то, что русский царь «принял на себя чудовищную историческую вину и лишился права на какую-либо снисходительность с нашей стороны». Поэтому традиционной дружбе с Романовыми больше не следует придавать никакого значения. Ранцау считал, что нужно попытаться уничтожить остатки чувства солидарности между немецкой и русской правящей династиями. Царя он назвал «слабым и лицемерным правителем», который «под влиянием мистиков, занимающихся самобичеванием, мечтал о победе над врагом, никогда не собиравшимся начинать против него военные действия».

Политические предложения, выдвинутые Ранцау, показали степень влияния, оказываемого Гельфандом на образ мыслей посланника. По мнению Ранцау, о сепаратном мире с Романовыми не могло быть и речи, поскольку дни российской династии сочтены. Только революция может решить восточный вопрос. Посланник считал оправданными любые средства, которые обеспечат Германии положение великой державы, защитят ее от истощения и позволят спасти ее от «принятия условий Антанты» на будущих мирных переговорах.

«Победа и вознаграждение за нее – мировое господство – будут нашими, если нам удастся спровоцировать революцию в России в нужный момент, расколов таким образом Антанту. После заключения мира внутренняя катастрофа в России не будет иметь для нас большого значения, а может быть, и вообще окажется нежелательной.

Совершенно справедливо, что д-р Гельфанд не является ни святым, ни праведником. Однако он верит в свою миссию, а его компетентность подверглась проверке во время революции после русско-японской войны. Поэтому я считаю, что мы, пока еще не поздно, должны воспользоваться его советами. Мы должны подготовить себя к такой полити-

¹⁶Report No. 470 of 1915, 16 December. // WK 11c sec.

ке в отношении России, которую наши потомки будут называть традиционной, когда под руководством династии Гогенцоллернов германская нация установит прочные дружеские отношения с русским народом.

Эта цель не будет достигнута до тех пор, пока не падает царская империя. Д-р Гельфанд считает, что он может указать путь к достижению этой цели. Он выдвинул конструктивные предложения, которые базируются на его двадцатилетнем опыте. Принимая во внимание настоящую ситуацию, я считаю, что мы не должны упускать шанс. Ставка очень высока, а успех не гарантирован. Нельзя заподозрить меня в том, что я недооцениваю последствия, которые может повлечь за собой этот шаг, и его возможное влияние на внутреннее политическое положение в стране. Для того чтобы повернуть военную ситуацию в нашу пользу, можно использовать любые средства. Я убежден, что другого выхода у нас нет, поскольку на карту поставлено существование Германии как великой державы, а может быть, даже нечто большее».

В сообщении, отправленном Брокдорфом-Ранцау рейхсканцлеру, определялись цели и проблемы политики Германии на востоке. Ранцау сознавал, какому риску подвергается его страна, и отдавал себе отчет о возможных последствиях для внутренней политики Германии тех мер, которые он предлагал так настойчиво. Те последствия, на которые Гельфанд надеялся, Ранцау предвидел и, может быть, даже боялся их. В этом была единственная существенная разница между ними. Ранцау шел на риск, поскольку в конце 1915 года он был уверен, что победы нельзя достичь с помощью обычных военных средств. Он пошел на сотрудничество с Гельфандом, потому что не видел другого выхода.

С другой стороны, нет сомнений в том, что готовность Ранцау оказывать услуги сильно подействовала на Гельфанда. Он определенно был рад доброжелательному отношению со стороны посланника, может быть, это даже льстило его самолюбию. Это заставило его даже позабыть осторожность, которую он проявлял сначала. Когда Гельфанд писал свой мартовский меморандум для Мини-

стерства иностранных дел, он ограничился обсуждением проблемы организации массовой забастовки; с Ранцау он говорил о подготовке к революции.

То обстоятельство, что германское правительство не оказало его планам той поддержки, на которую он рассчитывал, не обескуражило Гельфанда. Сразу же после своего возвращения из Берлина в Копенгаген Гельфанд снова потребовал через посланника обещанный миллион рублей¹⁷. Он заявил, что должен передать эти деньги агенту, который через несколько дней собирается выехать в Петроград, чтобы за оставшиеся до 22 января недели организовать связь между различными революционными центрами. Гельфанд «не выкручивал мне руки; судя по всему, его просьба продиктована политической ситуацией, а не его личной прихотью», добавил Ранцау, желая предупредить возможные возражения.

Именно во время этой беседы с Ранцау Гельфанд впервые заговорил о том, что нельзя быть абсолютно уверенными в успешном исходе январских событий. Он заявил, что для завершения подготовки к революции потребуется еще 20 миллионов рублей. Он явно изменил свою оценку ситуации, отказавшись от весьма категоричного оптимистического тона в отношении последних прогнозов на будущее, который был присущ ему во время последних бесед с посланником. Хотя Гельфанд все еще был убежден в том, что январские события всколыхнут революционное движение, он добавлял, что оно не охватит «всю страну сразу». И хотя он был уверен, что после первых успехов революции Россия уже не сумеет восстановить внутренний мир и стабильность, он советовал германскому правительству подготовиться еще к одной зимней кампании и немедленно предпринять предложенные им меры.

Теперь, в конце декабря, Гельфанд попытался отступить с тех позиций, на которых он стоял раньше, до того как вместо всеобщей забастовки он начал говорить о революции. Но его попытки вернуть Министерство иностранных дел обратно на землю и развеять в последний момент

¹⁷Report No. 489 of 1915, 21 December. // WK IIc sec.

и иллюзии по поводу грандиозного события, которое вот-вот должно было произойти в Санкт-Петербурге, были обречены на неудачу. Ведь именно он, а не кто-либо иной создавал и поддерживал эти иллюзии. Теперь он сражался с собственной тенью: Парвус-революционер боялся проиграть дипломатическому советнику д-ру Гельфанду.

29 декабря он получил миллион рублей «на поддержку революционного движения в России»¹⁸ и в начале января 1916 года отправился вместе с деньгами в Стокгольм. Отсюда ему было легче связываться со своими агентами, находящимися в России, и наблюдать за развитием забастовки. 3 января 1916 года он телеграфировал Брокдорфу-Ранцау: «Все идет по плану. Ожидаю сообщений из Санкт-Петербурга»¹⁹.

Забастовочное движение в России в январе 1916 года имело бурное начало. 11 января более 10 тысяч рабочих на корабельном заводе в Николаеве начали забастовку. Хотя рабочие выдвинули экономические требования, местная полиция не имела никаких сомнений в том, что в ее основе лежат политические мотивы. Забастовщики требовали такого большого повышения зарплаты, что хозяева были просто не в состоянии удовлетворить эти требования. В полицейском отчете, подписанном контр-адмиралом Муравьевым и направленном правительству, открыто ставился вопрос о том, являлась ли эта политическая забастовка делом рук противников существующего порядка, т.е. левых партий, или же здесь приложил руку враг государства (т.е. Германия)²⁰. Поскольку все попытки прекратить забастовку ни к каким результатам не привели, 23 февраля адмиралтейство отдало распоряжение закрыть фабрику. Через 11 дней после прекращения работы николаевскими рабочими начали забастовку еще 45 тысяч рабочих в Санкт-Петербурге в память о трагических событиях Кровавого воскресенья 1905 года.

Январские забастовки начались неожиданно и бурно.

¹⁸См. *Akten der Gesandtschaft Copenhagen, Helphand*. Там содержится его собственноручная расписка в получении этих денег.

¹⁹Loc. cit. Telegram No. 24.

²⁰Флеер Н. Г. *Рабочее движение в годы войны*. М. 1923. С. 247.

Нет сомнения в том, что Гельфанд считал эти события делом своих рук. Особое значение он придавал развитию революционного движения в южных портах России – Одессе и Николаеве; именно с этими городами во время войны он завязал первые революционные контакты. Дата начала забастовки в столице и ее ход также указывают на влияние Гельфанда. Рабочие имели возможность подолгу не работать: Гельфанд позаботился о том, чтобы стачечные комитеты имели на своих счетах достаточные суммы для выплаты каждому рабочему ежедневно рублевого эквивалента 3 шиллингов (по курсу 1916 года).

Однако забастовки не перерастали в революцию. В столице в движении участвовало меньше людей, чем ожидал Гельфанд; рабочие Москвы и провинции не присоединились к ним. Гельфанд в очередной раз просчитался, надеясь, что за несколько месяцев сможет превратить глухое недовольство масс в революцию; он переоценил эффективность тех средств, которыми располагал. Он рассчитывал, что при наличии необходимого количества денег, воображения и энергии можно обойтись импровизацией и не позаботился о создании строго централизованной, дисциплинированной организации, способной возглавить движение масс; помимо этого он, должно быть, слишком доверчиво отнесся к наигранному оптимизму своих платных агентов.

Однако нельзя сказать, что он сознательно вводил в заблуждение Министерство иностранных дел. Доверие дипломатов и его репутация как эксперта были бы слишком высокой платой за явный обман. На него не оказывали никакого давления, никто не ожидал, что он сумет так быстро добиться осязаемых результатов. Он сам был источником высоких надежд и ожиданий, и он один был в ответе за допущенную им ошибку в оценке ситуации.

Вернувшись в Копенгаген после трехнедельного пребывания в Стокгольме, Гельфанд попытался спасти свою репутацию. В разговоре с Брокдорфом-Ранцау 23 января он сказал посланнику, что в действительности они вовсе не потерпели поражения. Он сказал, что его секретные агенты в Санкт-Петербурге воспротивились – и это звучит вполне

правдоподобно – его директиве начать забастовку 22 января. Ситуация в столице существенно изменилась: несколько ведущих революционеров были назначены на официальные посты, продовольственный кризис был временно преодолен. Поэтому лидеры организации решили отложить начало всеобщей забастовки. Тем не менее, организация готова к действию, а ее руководители надеются, что впоследствии смогут вывести на улицы «достаточное количество народа»²¹.

В одном Гельфанд был прав: Санкт-Петербург действительно готовился к забастовке. В начале февраля выступили рабочие Пулковской фабрики, и течение забастовки сильно напоминало события, происходившие в то же время в Николаеве²². Однако весьма сомнительно, что действительно существовала организация, способная, по утверждению Гельфанда, за 24 часа вывести на улицы до 100 тысяч человек. В ее существование не верил и сам Гельфанд. Он упомянул об этой организации, чтобы объяснить неудачу движения; после этой январской встречи с Брокдорфом-Ранцау он никогда больше не обмолвился о ней ни словом.

Посланник в тот же день, без своих обычных комментариев, передал объяснение Гельфанда канцлеру. Отчет произвел в Берлине угнетающее впечатление. Козырная карта революции оказалась липой. После такой неудачи вопрос о том, стоит ли дальше играть с таким ненадежным и опасным оружием, нужно было решать заново. Неудивительно, что в правительственных кругах зазвучала острая критика революционной политики.

Так, государственный секретарь фон Ягов, который с самого начала относился к революционной аванюре с величайшим опасением, теперь окончательно убедился в том, что его политические и моральные возражения были оправданны. Выходец из благородной прусской фамилии, он сменил Кидерлен-Вехтера на посту главы Министерства иностранных дел в начале 1913 года. На фоне самоуверенных политиков и дипломатов, которые никогда не подвер-

²¹Report No. 19 of 1916, 23 January. // WK IIc sec.

²²Флеер Н. Г. Цит. пр. С. 255.

гали сомнениям победу Германии в войне, чувствительный и критически настроенный государственный секретарь выглядел, по словам современника, «интеллектуалом, склонным к скепсису». Слабое здоровье и вялый темперамент не позволяли ему добиться превосходства в поединке с более решительными и полнокровными, чем он, военными магнатами. Ягов был аристократом и дипломатом традиционной школы и не симпатизировал политиканству. Он презирал всех агентов, посредников и политических интриганов, чьи методы нарушали священные для него правила приличия и порядка.

За тем, как развертывалась революционная политика по отношению к России, он наблюдал с большой сдержанностью. Он не верил Гельфанду ни как частному лицу, ни как политику, и говорил о нем только в насмешливом и саркастическом тоне. Ранцау считал, что государственный секретарь использует Гельфанда лишь для того, чтобы «оттачивать на нем свое остроумие». После январского провала недоверие Ягова еще больше возросло. Он даже высказал подозрение, что Гельфанд прикарманил деньги, предназначавшиеся для развития революции.

В основном под влиянием Ягова Министерство иностранных дел так серьезно восприняло первую же неудачу. После января 1916 года дипломаты снизили свою революционную активность до минимума. В течение года ни Ранцау, ни Гельфанда не просили продолжать организацию подрывной деятельности в России. Велась лишь пропагандистская работа и контрабанда пораженческих листовок, хотя и без сколько-нибудь заметных официальных дотаций. Этой деятельности придавали значения не больше, чем отдельным операциям горстки русских и прибалтийских революционеров, которые иногда получали поддержку со стороны Гизберта Фрайхера фон Ромберга, немецкого посланника в Берне.

Что же касается отношений с дипломатами, то в политических кругах Гельфанд был предан забвению. Сохранял с ним связь лишь Ранцау, но он был не в состоянии возродить их проект по собственному желанию. И все же вера Гельфанда в неизбежность революции позволила ему пережить

тот кризис и дождаться своей реабилитации. Только время должно было показать, была ли проделанная им работа столь бессмысленной, как ее склонны были считать в Министерстве иностранных дел.

Гельфанд сохранил свои революционные штаб-квартиры в Копенгагене и интерес к подрывной деятельности в царской России. Вполне вероятно, что в этих занятиях он получал поддержку со стороны политического отдела Генерального штаба²³. Когда в марте 1917 года интерес Министерства иностранных дел к революционным событиям в России и соответственно к Гельфанду возродился, он стремительно переметнулся из-под опеки Генерального штаба обратно под защиту дипломатов. А в 1916 году Гельфанд занимался в первую очередь расширением деятельности своей копенгагенской экспортно-импортной конторы. При этом заключаемые им сделки помимо финансовых преследовали, как правило, и чисто политические цели.

²³Документы Генерального штаба были уничтожены пожаром во время второй мировой войны.

БИЗНЕС И ПОЛИТИКА

В начале 1916 года Гельфанд решил покончить со своим двусмысленным положением. Более двадцати лет с ним обращались в Германии как с чужаком: его выслали из нескольких земель, в том числе и из Пруссии; его даже сажали в тюрьму за «самовольное возвращение из ссылки». Ему постоянно угрожала высылка в Россию. И – что самое главное – он не имел возможности полноценно участвовать в политической жизни Германии. Гельфанд был странствующим, бездомным революционером; его «новым отечеством» была социал-демократическая партия, а такие термины, как «народ» и «нация», он считал пережитком отжившей эпохи. Несмотря на свое отвращение к Пруссии и ко всему, что стояло за этим словом, несмотря на глубокое неприятие мышления и всего образа жизни средних слоев немецкого общества, с годами в Гельфанде выработалось глубокое уважение к немецкой культуре, которую он считал «гораздо более глубокой и сложной», нежели культуру всех прочих стран. С самого начала немецкий язык и немецкая литература были для Гельфанда воротами, через которые он стремился вырваться из восточно-европейского духовного гетто. В 1891 году Гельфанд писал Либкнехту, что ищет новую страну, но располагает умеренными средствами. В 1916 году вопрос уже стоял совсем иначе. Теперь Гельфанд мог позволить себе многое.

Он выдвинул свои требования резко и решительно. Он слишком долго страдал от бюрократов и теперь решил раз и навсегда положить этому конец. В декабре он упомянул о своем запросе Циммерману в Министерстве иностранных дел; 2 января 1916 года он уже просил о «как можно более быстром рассмотрении этого вопроса». Он хотел стать гражданином Германии, а не Пруссии (право на натурализацию, как правило, предоставлялось одной из земель; государственное германское гражданство могли получить лишь те иностранцы, которые занимали официальные дол-

жности). Гельфанд согласился принять прусское гражданство лишь после того, как министр внутренних дел выразил в его адрес «серьезные опасения». В *curriculum vitae*, прилагавшемся к его заявлению, Гельфанд заявил, что считает себя носителем немецкой культуры, социалистом, «в течение многих лет пользующимся всемирной известностью немецким ученым, выразителем идей германской социал-демократии»¹. «Я вторично обращаюсь с заявлением о предоставлении мне германского гражданства, – присовокуплял он, – не только по личным причинам, поскольку хочу добиться формального признания той духовной близости, которая неразрывно связывает меня с немецким народом, но и, в первую очередь, по причинам политическим. Крайне важно, чтобы каждый показал все, на что он способен, и принял посильное участие в великой борьбе народов. В моем случае это возможно лишь при условии, что я буду признан полноправным гражданином Германии».

Во время предварительных переговоров о натурализации Гельфанд держался самоуверенно и даже дерзко. Он понимал, что выступает с позиции силы; ему нужно было просто получить еще одно подтверждение своего твердого положения в буржуазном обществе.

В этом отношении за последние несколько месяцев он добился огромных успехов. Вскоре после приезда в Копенгаген он приобрел большой дом в Водровсвей, фешенебельном районе города, и обставил его с безвкусной роскошью. Затем он купил один из самых больших автомобилей – огромный лимузин фирмы «ADLER»; несколько породистых псов охраняли его имущество.

У Гельфанда был собственный дом и в Берлине, однако он пользовался им крайне редко, предпочитая поражать воображение своих немецких товарищей роскошными апартаментами отеля «Kaiserhof».

Гельфанд даже попытался устроить свою семейную жизнь. Он поселился вместе с г-жой Марией Шиллингер. Их сын – это был уже третий ребенок Гельфанда, – родившийся в середине 1917 года, получил фамилию матери и

¹1916, 11 февраля. // WK IIc sec.

имя отца. Гельфанд всегда с гордостью говорил о своем сыне, поскольку видел в нем гарантию продолжения рода и семейных традиций. Как и другие дети Гельфанда, Александр Шиллингер бесследно исчез в бурном водовороте истории, захлестнувшем Европу в последующие годы.

Гостеприимство и радушие Гельфанда, а также успешные попытки приспособиться к буржуазному образу жизни дали ему возможность постепенно установить личные контакты с лидерами правого крыла социалистической партии. Если прежде ему приходилось довольствоваться частными визитами, то теперь, весной 1916 года, он уже мог встречаться с ними в различных кафе, особенно в кафе «Вик-тория», частыми посетителями которого были Зюдекум, Кунов, Бааке, Хениш, Ленш и другие. Большинство из них были авторами «*Die Glocke*», где в то время платили необычайно высокие гонорары. С помощью этих людей Гельфанд вскоре получил возможность в более широких масштабах развернуть свою издательскую деятельность.

Как и в начале века, он придавал огромное значение организации социалистического издательского дела, которое, во-первых, позволило бы ему оказывать непосредственное воздействие на политику партии и, во-вторых, могло бы объединить всех тех людей, которые оказывали ему помощь и поддержку. Он уже мог не бояться тех затруднений, с которыми некогда столкнулся при заключении контракта с Горьким. Гельфанд, по его собственным словам, страдал от «избытка денег» и потому мог позволить себе понести любые убытки.

Летом 1916 года Гельфанд перенес свое издательство («*Verlag fur Sozialwissenschaft*») из Мюнхена в Берлин. Во главе издательства встал Генрих Кунов. Годом позже Гельфанд купил газету «*Internationale Korrespondenz*», которую начал выпускать в начале войны Альберт Баумайстер. Публикуя на своих страницах переводы комментариев зарубежной прессы, новая «*Internationale Korrespondenz*» оказывала определенное влияние на провинциальные социалистические газеты. В то же самое время издательство Гельфанда стремилось распространить свое влияние и на

армию: каждые две недели на фронт отправляли бесплатно 20 тысяч экземпляров «*Sozialdemokratische Feldpost*».

Гельфанд думал о будущем и не заботился о деньгах. Было совершенно очевидно, какие политические цели он преследует в своей издательской деятельности: теперь он был германским подданным и мог беспрепятственно занимать любые должности. Терпеливо и упорно он собирал вокруг себя своих последователей и устанавливал прямые контакты с рядовыми членами партии.

Наряду с этим берлинским предприятием процветал также и Институт по изучению социальных последствий войны, основанный Гельфандом в Копенгагене. Вначале Гельфанд использовал его как приманку для ссыльных из России, однако вскоре в институте начала вестись настоящая исследовательская работа. Гельфанду удалось привлечь к работе в институте крупного скандинавского ученого профессора Карла Ларсена, который был известен своими прогерманскими настроениями во время войны. Секретарем института стал датский социалист Свет Трир. За время войны институту удалось собрать уникальную библиотеку – Гельфанд выделял на эти цели 40 тысяч крон ежемесячно. С марта 1916 года институт начал выпускать специальный бюллетень, в котором публиковались статистические данные, а также статьи о политических и социальных процессах в жизни общества, обусловленных военным временем. Сам Гельфанд использовал эти материалы при подготовке исследования, посвященного социальным последствиям войны, которое было опубликовано его берлинским издательством летом 1917 года².

Гельфанд ничего не говорил Брокдорфу-Ранцау о деятельности института. Лишь в декабре 1915 года из донесения специального агента министр узнал о его существовании, а также о том, что в нем работает «несколько молодых евреев»³. Поскольку президентом этой организации был Гельфанд, Ранцау было трудно удержаться от подозрения, что за всем этим кроются какие-то «политиче-

²*Die Soziale Bilanz des Krieges*. Berlin. 1917.

³*Донесение г-на Отто*. // *Akten der Gesandtschaft Kopenhagen*. 124a.

ские цели»; лишь в январе 1916 года он позволил себе «смирненнейше заметить, что объем работ, выполняемых Институтом по изучению социальных последствий войны, значительно возрос, и что этим работам нельзя отказать в определенной академической ценности»⁴.

Гельфанд был необыкновенно чувствителен к любым сомнениям в адрес того, что его предприятие носит исключительно научный характер. В октябре 1915 года во французской газете «*H' Umanite*» русский публицист Алексинский, бывший большевик, назвал Гельфанда провокатором, а его Копенгагенский институт – организацией шпионов, скрывающихся «под личиной науки». Через одного из сотрудников института по фамилии Зурабов Гельфанд послал в «*H' Umanite*» резкое опровержение, угрожая автору статьи судом⁵. Однако Министерство иностранных дел в Берлине сочло, что не следует раздувать скандала. Гельфанд прислушался к этому совету и спустил дело на тормозах.

Обостренная чувствительность Гельфанда в значительной мере объяснялась тем, что он хотел, чтобы к нему относились как к покровителю науки и знания. По сути дела, инсинуации Алексинского были далеки от истины. Гельфанд тратил на институт огромные суммы, всячески пытаясь поддержать существование этого научного учреждения. Однако что касается его международной репутации – а Гельфанд считал, что институт действительно пользуется всемирной известностью, – нельзя сказать, что его достижения были особенно впечатляющими. После войны несколько писателей воспользовались собранными в Копенгагене материалами, но число этих авторов было крайне ограничено, а их известность настолько невелика, что это не принесло Гельфанду желанной славы и не увековечило его имени в анналах истории.

Вся эта разнообразная научная и издательская деятельность стала возможной благодаря фантастическому успе-

⁴Донесение № 6 от 14 января 1916 г. Loc. cit.

⁵Humanite. 1915, 19 October. «*Le Cas Parvus. Une Protestation et une Replique*».

ху, которого Гельфанд достиг как бизнесмен. Он был словно рожден для бизнеса; во всяком случае, результаты, которых он добился на этом поприще, были куда более осязаемыми, чем все, чего он достиг как ученый-экономист. Он всегда стремился к финансовому успеху, но теперь он желал его, как никогда раньше. Он хорошо видел недостатки экономической структуры капитализма и сознательно избегал вторжения в такие области экономики, на которых были сосредоточены финансовые интересы других предпринимателей. Вместо этого он сконцентрировал свое внимание на тех областях экономики, которыми по каким-либо причинам пренебрегали другие промышленники, а также на международной торговле. Приехав в Данию, он продолжал делать деньги с еще большим размахом, чем в Константинополе.

Самое начало его деятельности в Копенгагене уже было многообещающим. Он приобрел лицензию на выпуск плакатов-объявлений, имея в виду в перспективе превратить обычную немецкую систему «рекламных столбцов» в выгодное и доходное дело. Затем, в конце лета 1915 года, он учредил «Торговую и экспортную компанию» – «*Handels og-Eksportkompagniet*», – которая была создана первоначально для прикрытия революционной деятельности Гельфанда, но в последствии стала приносить немалый доход. Ее управляющим стал Якоб Фюрстенберг, чьи связи в России и Польше были чрезвычайно полезны для обеих сторон деятельности компании.

В апреле 1916 года в число сотрудников «*Eksport-kompagniet*» вошел Георг Скларц. Он служил в Морском министерстве и военной разведке; помимо капитала в 40 тысяч марок и благожелательности Генерального штаба он привлек в компанию Гельфанда двух своих братьев, Вальдемара и Генриха. Из троих Скларцев Георг – невысокий, худощавый человек с глубоко посаженными, запавшими глазами на аскетическом лице – был самым старшим. Как делец, он был известен своей находчивостью и изобретательностью, цепкой хваткой и неразборчивостью в средствах. Щуплый человек со страдальческим лицом произвел большое впечатление на Брокдорфа-Ранцау, который с

«огромной теплотой» отзывался о Георге Скларце, рекомендуя его своему кузену Лангверту фон Зиммерну.

Вальдемар Скларц был секретарем у Георга, а работа Генриха заключалась в выполнении секретных поручений в области экономического шпионажа. В конце 1915 года он был послан от Генерального штаба в Копенгаген. В его задачу входила регулярная отправка донесений о влиянии, которому подвергалась экономика Дании со стороны стран-союзниц. Под псевдонимом Пундик Генрих Скларц держал в Копенгагене небольшое разведывательное агентство. В состав его служащих входили агенты, двойные агенты, дамы с сомнительной репутацией и некая актриса по имени Аматис. Помимо своих основных задач Скларц также занимался сбором информации о прохождении через Данию в страны-союзницы тех немецких товаров, на которые было наложено эмбарго.

Германский морской штаб ежемесячно выплачивал на содержание этого агентства 4 тысячи крон; эти деньги шли через Гельфанда и Георга Скларца. Их торговая компания пользовалась теми материалами, которые собирало агентство Генриха Скларца; естественно, что такое сотрудничество благотворно влияло на размеры доходов, получаемых «*Eksportkompagniet*». Безусловно, оно было взаимовыгодным и имело большое значение для всех заинтересованных сторон: доход, получаемый от торговых сделок, можно было считать вознаграждением за политические услуги Гельфанда и его товарищей.

Хотя дела компании велись с большим размахом – в поле ее деятельности входили Нидерланды, Великобритания и Соединенные Штаты, – все же основные интересы были сосредоточены на торговле с Россией. Товары были самыми разнообразными – от носков и контрацептивов до сырья и машинного оборудования. Гельфанд закупал в России необходимые для германской военной экономики медь, каучук, олово и зерно, а туда поставлял химикаты и машинное оборудование. Одни товары перевозились через границу законным путем, другие – контрабандой. На русской границе их передавали представителям петроградской фирмы Фабиана Клингслэнда. Агентом этой фирмы была Евгения

Суменсон – она-то и держала связь с Фюрстенбергом. Согласно заключенному в апреле 1916 года соглашению, в полномочия фирмы Клингслэнда входила продажа в Россию медикаментов из Копенгагена; полученный доход фирма должна была помещать на специальный счет в Петербургском банке⁶.

После неудачи забастовочного движения в январе 1916 года компания Гельфанда или продолжала финансировать революционное движение в России, или – и такое предположение представляется более вероятным – умножала свой капитал в России с тем, чтобы употребить его для тех же нужд в будущем. Как бы то ни было, это предприятие Гельфанда оказалось чрезвычайно прибыльным; оно существовало самостоятельно и не нуждалось в каких бы то ни было дополнительных субсидиях.

Гельфанд распространил свою деятельность практически на всю Европу. В 1916 году он заплатил в Датский департамент государственных сборов налог с капитала в 540 тысяч крон и с дохода в 41 тысячу крон, что составляло лишь незначительную часть его состояния. В июле Гельфанд вложил «значительную сумму» в фирму, размещавшуюся в Болгарии и Турции. В задачи этой фирмы входила реорганизация сельскохозяйственной промышленности этих стран с помощью германского правительства. Он вложил определенные суммы денег в экономику практически всех нейтральных государств.

И все же Гельфанд не исчерпал до конца возможностей делового сотрудничества со Скандинавскими странами. Крепкие экономические связи между Данией и Великобританией вызывали серьезную озабоченность в среде немецких дипломатов, которые опасались, что Дания может подпасть под еще более сильное влияние союзных держав. В такой ситуации – для того, чтобы предотвратить эту угрозу – могло оказаться полезным датское социалистическое движение. Германия могла рассчитывать на доброжелательное отношение со стороны датских социалистов и профсоюзных деятелей, поскольку связи между социали-

⁶Nachlass Helphand. Rep. 92.

стами двух стран не были разорваны, когда разразилась война.

И хотя прием, оказанный Гельфанду местными социалистами, был не слишком радушным, все же к концу 1915 года ему удалось установить тесный контакт с руководителями профсоюзов. Датские профсоюзы представляли собой разветвленную сеть свободных от догматизма, занимающихся практической деятельностью организаций, глубоко внедрившихся в экономическую жизнь страны. Они, в частности, имели самое непосредственное отношение в такой области экономики, как торговля, и именно благодаря этому Гельфанду удалось установить тесный контакт с Карлом Кифером, влиятельным и предприимчивым профсоюзным лидером.

Предприимчивость датских профсоюзов произвела на Гельфанда крайне благоприятное впечатление: он понял, что Германия может оказать ненавязчивую, чисто коммерческую поддержку их торговым компаниям. Для Германии существовала прекрасная возможность оказать влияние на Данию. Главным экспортером угля в Данию была Великобритания; во время войны цена на уголь подскочила и неуклонно поднималась все выше. Зимой 1915/1916 года датская экономика, и в первую очередь частный потребитель, стала испытывать огромные неудобства из-за постоянной нехватки угля. Весной 1916 года Гельфанд поделился с Брокдорфом-Ранцау своим планом сделать Данию менее зависимой от поставок угля из Великобритании. Он предложил ввозить уголь из Германии и продавать его частному потребителю непосредственно через специальную профсоюзную торговую организацию. Гельфанд был убежден, что, исключив все посреднические торговые связи, можно сбить цены на английский уголь.

И снова копенгагенский министр безоговорочно поддержал план Гельфанда. В середине июня 1916 года Гельфанд вновь отправился в Берлин с рекомендацией министра. Он хотел обсудить свой проект с бароном Лангвертом фон Зиммерном и с государственным «экспортным бюро»⁷. В на-

⁷ *Nachlass Brockdorff-Rantzau*, H231402–H231407.

чале Гельфанд столкнулся с некоторыми затруднениями, которые, впрочем, были достаточно быстро устранены с помощью коммерческого атташе в Копенгагене д-ра Топфера. В очень короткий срок Гельфанду удалось добиться, чтобы датские профсоюзы получили конкретные предложения о поставках угля из Германии. Они организовали собственное общество по доставке и распределению угля – «Arbejdernes Faellesorganisation Braendselfortning A/S»⁸. Германские власти согласились поставлять этой компании как минимум 90 тысяч тонн угля в месяц.

Гельфанд не занимал в правлении компании никакого официального поста. Ее председателем стал Карл Мадсен, глава датского профсоюзного движения. Ассистентами Мадсена были Карл Кифер и В.-Г.-А. Вальтер. Технической стороной дела занимались двое немцев – г-н Альбрехт и Георг Скларц. Впрочем, сам Гельфанд также играл здесь немаловажную роль, поскольку, по всей очевидности, без его участия эта сделка просто не могла бы состояться.

Он лично занимался отправкой угля из Германии в Данию. В октябре 1916 года он учредил собственную фрахтовую компанию, «Kobenhavns Befragtnings-og Transport Kompagniet», отдав часть акций датским профсоюзам. Компания объявила, что готова полностью взять на себя перевозку угля. Однако здесь Гельфанд попал в затруднительное положение, поскольку вторгся в такую область, которая серьезно затрагивала интересы крупных предпринимателей. Против такого поворота дела резко возражали Гуго Стиннес, влиятельный промышленник, и г-н Гульдерман, представитель судоходной компании Гамбург–Америка. Страховые компании не желали брать на себя никаких обязательств при условии фиксированного процента страховых премий. Проекту Гельфанда угрожал полный провал – казалось, что возникшие трудности непреодолимы. Предприниматели, связанные с германской торговлей углем, крайне враждебно отнеслись к началу конкуренции, которое сулило огромные выгоды датским профсоюзам.

⁸Chesnais P. G. *Parvus et le parti socialiste danois*. Paris. 1918. P. 16.

Однако Гельфанд не отступил перед трудностями. Напротив. Он в очередной раз оказался в уже привычной для себя ситуации – ему нужно было начинать все с нуля, разрабатывать новый план, на голом месте создавать огромную и сложную организационную структуру – и как можно быстрее. И снова ему удалось извлечь выгоду из чужих разногласий. В этот период существовала жесткая конкуренция между союзом немецких судоходных компаний и независимыми судовладельцами в Штетине – этим и воспользовался Гельфанд. Обеспечив фрахтовым агентам регулярные заказы на перевозку грузов, он получил от них согласие на специальные более низкие условия оплаты. Затем он приобрел определенное количество грузовых судов и, став таким образом независимым судовладельцем, открыл собственное дело по перевозке грузов.

Договоренность о поставке угля из Германии работала на редкость хорошо. К концу осени датские доки были просто завалены углем Гельфанда. Ежемесячный минимум, о котором первоначально шла речь, был значительно превышен, портовые пакгаузы были заполнены до отказа. На складах уже не было места и не хватало рабочих рук для разгрузки судов. Из-за задержек с разгрузкой у Гельфанда возникли сложности в отношениях с судовладельцами. В конце концов из-за нехватки места на складах почти 200 тысяч тонн угля пришлось валить в кучу за пределами Копенгагена.

В то же самое время оказалось, что принадлежавшая профсоюзам компания, которая взяла на себя доставку угля потребителям, просто не в состоянии продавать – а значит, и покупать – такое количество угля. Все попытки Скларца найти дополнительные хранилища разбивались о противодействие датских угольных промышленников, а также, по мнению Скларца, английских агентов – и у тех и у других были все основания желать, чтобы это предприятие потерпело крах. Дело мог спасти только Гельфанд, что он и сделал, предоставив компании в самый критический момент кредит на миллион крон, а это дало ей возможность справиться с серьезными финансовыми затруднениями.

Неудача этой компании укрепила позиции немецких

противников проекта Гельфанда. В сообщениях, которые Брокдорф-Ранцау получал от судоходной компании Гамбург-Америка, говорилось, что «вся эта затея не отвечает требованиям бизнеса», а также что из-за штрафов, выплаченных за задержки в разгрузке судов, цена на уголь будет заметно возрастать. Министру советовали предпринять необходимые меры, чтобы, пока еще не поздно, уберечься от «великого банкротства», – в противном случае перед ним развернется «бездна политического забвения»⁹. Серьезные опасения по этому поводу высказал также коммерческий атташе д-р Топфер. В середине ноября он заявил, что, по его мнению, предприятие Гельфанда в своем настоящем виде потерпело полный крах и может принести больше вреда, чем пользы. Топфер сказал министру, что, согласно имеющейся в его распоряжении информации, датские рабочие получают лишь незначительную часть германского угля. Большую же часть угля компания продает промышленности и правительству. Иными словами, та деятельность, которой в данный момент занята компания, абсолютно не соответствует ее первоначальным намерениям. В заключение он заметил, что Гельфанд назначает за перевозку угля слишком высокую цену – 2 кроны за тонну. Топфер смотрел на будущее предприятия крайне пессимистически и считал, что в данном случае было бы желательным вмешательство берлинского военного министра¹⁰.

Прежде чем предпринимать какие-либо шаги в том или ином направлении, Ранцау хотел услышать мнение Эрика Скавениуса, датского министра иностранных дел. Они встретились 18 ноября, в тот самый день, когда д-р Топфер представил на рассмотрение свой доклад. Скавениус сразу же обратился к Ранцау с просьбой «не делать преждевременных выводов на основании неудачного опыта, которого, вероятно, нельзя избежать, начиная такое крупное и трудное предприятие»¹¹. На замечание Ранцау, что Гуго Стин-

⁹ Гульдерман Б. – Брокдорфу-Ранцау. 1916, 11 октября. // Nachlass Brokdorff-Rantzau, H231 400–H231 401.

¹⁰ Меморандум д-ра Топфера. 1916, 18 ноября. // Nachlass Brokdorff-Rantzau.

¹¹ Меморандум Брокдорфа-Ранцау от 19 ноября 1916.

нес, по всей видимости, попытается использовать возникшие трудности в своих интересах, Скавениус ответил, что именно поэтому, а также потому, что существует реальная угроза английского вмешательства, и следует предпринимать любые меры, чтобы дать профсоюзам возможность самостоятельно заниматься импортированием угля. Министр иностранных дел заявил, что он «категорически против того, чтобы отказываться от этого угольного предприятия», поскольку – и он не мог привести лучшего обоснования – «в этом случае мы лишимся важнейшего средства в нашем стремлении обрести независимость от Англии».

После разговора со Скавениусом Брокдорф-Ранцау уже больше не сомневался в политической важности начатого дела. Он оказал компании огромную поддержку и фактически помог ей снова встать на ноги. По предложению д-ра Топфера поставки угля были временно приостановлены с тем, чтобы дать компании, занимавшейся его перевозкой и распределением, небольшую передышку и предоставить ей возможность разослать по назначению скопившийся в хранилищах уголь, а главное – усовершенствовать свою организационную структуру. Компания успешно справилась с этой задачей. В течение 1917 года она приобрела большое количество верфей и складов, что позволило обеспечить рабочие места для тысячи человек. В то же время Гельфанд преобразовал свое фрахтовое агентство в постоянную судходную компанию, которая могла обеспечить фиксированные процентные ставки при заключении долгосрочных контрактов.

Датчане стремились к заключению долгосрочных соглашений, однако германские власти в этом вопросе не желали идти на уступки, предпочитая регулировать поставки угля ежемесячно, поскольку таким образом они имели возможность контролировать импорт из Дании продовольствия и лошадей, а также, как считало берлинское Министерство иностранных дел, осуществлять контроль над Данией, как таковой. Что касается Гельфанда, то он имел на это собственную, отличную от официальной, точку зрения. Ему даже удалось, при поддержке Брокдорфа-Ранцау и после

длительных переговоров в Берлине, установить прямые связи с угольными компаниями Рурского бассейна.

Немецкие власти продолжали считать торговлю углем делом первостепенной политической важности. Когда, к примеру, возникли трудности с объявлением неограниченного использования немецких подводных лодок, их удалось быстро удалить посредством переговоров Ранцау с Людендорфом. Таким образом, германский министр в Копенгагене имел все основания поддерживать заключение соглашений об импорте угля, поскольку политические последствия этого шага превзошли все ожидания. Уже в августе 1916 года Ранцау мог сообщить, что поставки угля «оказали столь благоприятное воздействие на социалистическую партию, что она готова использовать свое парламентское влияние так, как мне будет угодно»¹². В тот же день министр иностранных дел Скавениус заявил Ранцау, что, к своей великой радости, он нашел в рядах социалистов безоговорочную поддержку своей политики. Когда антигерманские датские газеты опубликовали на своих страницах разоблачения о подкупе датских профсоюзов германским правительством, Ранцау настойчиво повторял, что без всего этого угольного предприятия было бы абсолютно невозможно «привлечь социал-демократические профсоюзы и партию на нашу сторону»¹³.

После успеха в Дании Гельфанд стал размышлять о том, каким образом можно применить подобные методы в других нейтральных странах. Германский министр в Стокгольме Луциус фон Штедтен с восторгом поддержал предложение Янсона, немецкого профсоюзного деятеля шведского происхождения, с которым тот обратился к министру по просьбе Гельфанда. «Эту идею следует осуществить независимо от того, как это может отразиться на немецкой экономике», – писал Луциус фон Штедтен статс-секретарю в Министерство иностранных дел¹⁴. Впрочем,

¹²Брокдорф-Ранцау в Министерство иностранных дел. Телеграмма № 1190 от 12 августа 1916 г. // *Europa Generalia*.

¹³Брокдорф-Ранцау – канцлеру. Донесение № 76 от 6 марта 1917 г. // *Akten der Gesandtschaft Kopenhagen*. 124.

¹⁴Луциус Циммерману. Письмо от 12 июня 1917 г. // *WK 2geh*.

угольное предприятие Гельфанда в Швеции оказалось гораздо менее успешным, нежели в Дании. Из Норвегии Янсон привез категорический отказ местных социалистов. Подобный отказ последовал и из Швейцарии после того, как Роберт Гримм, влиятельный в социалистических кругах издатель «*Berner Tagwacht*», передал предложение Гельфанда швейцарским профсоюзам.

Хотя Гельфанд вскоре и обнаружил, что одна и та же формула неприменима ко всем случаям, все же в Дании он одержал огромную победу. Она была ему необходима, особенно после провала, который он потерпел в России в январе 1916 года. Теперь он был, по меньшей мере частично, реабилитирован в глазах германского правительства. Он смог доказать, что Гельффрих, статс-секретарь Министерства финансов, ошибался, когда называл его, Гельфанда, утопистом и революционным мечтателем.

Здесь, на этой зыбкой почве, где пересекались миры политики и бизнеса, Гельфанд был в своей стихии. У него было множество идей, множество деловых предложений – на самые разные вкусы. Угольный рынок, который он организовал для датских социалистов, был абсолютно надежным. Они заработали на этом огромные деньги и укрепили свое политическое влияние во время войны. С помощью Гельфанда Ранцау получил лавры крупного политического деятеля. Достижение «благосклонного нейтралитета» Дании было приписано заслугам министра; его репутация сложилась в Копенгагене. Это было своего рода возмещение за разочарование в России.

Сам Гельфанд преимущественно «делал деньги» – доходы от угольного предприятия принесли ему миллионы крон. Он никогда не отрицал своего баснословного богатства, напротив, он высказывался по этому поводу откровенно и даже цинично. «Я далек от того, – писал он в 1918 году, – чтобы оправдывать капиталистические прибыли. Но я не вижу никаких причин, почему я не могу забрать себе некоторую часть прибавочной стоимости, накопленной капиталистами»¹⁵. Гельфанд признавал, что он является

¹⁵Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 43.

«бизнесменом, промышленником, капиталистом», но своими деньгами он распорядился не так эгоистично, как было принято в то время. Он с полным основанием мог бы заявить, что значительная часть его доходов пошла на научные цели, т.е. на субсидирование Копенгагенского института, а также что он финансировал содержание дома отдыха для немецких детей в Дании.

То, что он не сделал этого, также говорит в его пользу. Он не видел необходимости оправдывать свое благосостояние и возбуждать зависть в своих менее удачливых врагах. Не было у него и никаких сомнений относительно того, насколько допустимо пользоваться таким богатством. У него не возникало желания поделиться этим богатством с товарищами. В отношении к деньгам Гельфанд был свободен от стандартных социалистических принципов.

Вполне вероятно, что методы Гельфанда были бы не вполне уместны в финансовых и коммерческих кругах лондонского Сити. Ни он, ни его партнер Скларц не имели ничего общего со стандартным представлением о «джентльмене из Сити». Гельфанд знал, что он может рассчитывать только на себя, что ему не на что положиться, кроме собственного ума. Вероятно, ему приходилось размышлять о том, что завитушки на гербах старинных торговых домов появились в результате усилий второго или третьего поколений, которые могли позволить себе гораздо спокойнее относиться к делу накопления капитала. Как бы то ни было, по сравнению с большинством магнатов своего времени, Гельфанд не был ни таким алчным, ни таким бессовестным и беспринципным, каким его пытались представить позднее. Он был оппортунистом в бизнесе и страстным бизнесменом. Он без всяких сомнений или угрызений совести использовал в своих целях слабости той системы, к которой не испытывал ни малейшей симпатии.

По этой причине он не мог относиться к своему финансовому успеху с должным уважением. Деньги, которые он получал, были гораздо менее важны для него лично, чем для его политических планов. Он был миллионером-марксистом, нуворишем, облеченным особой миссией. Существовали определенные общие черты между его угольным

предприятием в Дании и революционным меморандумом марта 1915 года в России. Из обоих этих случаев явствует: Гельфанд считал, что любые политические цели могут быть достигнуты при наличии достаточного количества денег; что элиту социалистических руководителей можно подкупить точно так же, как и любую другую общественную группу; что дружбу, как и политическую поддержку, надо покупать. В непосредственной зависимости от этих взглядов формировалась его политическая стратегия, которая представляла собой квинтэссенцию его политического и человеческого опыта.

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Весной 1917 года революция в России в течение нескольких недель взорвала основы царского режима. В начале марта голодные и озлобленные рабочие Петрограда вышли на улицы. У них тотчас же появились политические лидеры, предъявляющие требования от имени революции. Это спонтанное движение было настолько неожиданным, что ошеломило русских эмигрантов даже больше, чем правительства воюющих стран.

Два с половиной года боев, фронты, растянутые на сотни километров от Балтийского до Черного моря, экономический и административный распад всей государственной структуры – все это создало необходимые предпосылки краха царского режима. Открылись новые перспективы – как для продолжения войны, так и для заключения мира. Сбывались ожидания Гельфанда – он безоговорочно, во всеуслышание признал революцию в России. «Ваша победа – это наша победа», – писал он в *«Die Glocke»* 24 марта 1917 года. «Демократическая Германия должна протянуть демократической России руку помощи для достижения мира и эффективного сотрудничества в области общественного и культурного прогресса». Гельфанд считал, что падение царизма стало возможным в результате военной победы Германии; по его мнению, революция была мощным массовым движением, завершающим этапом «стремительного развития, начавшегося в 1905 году». Теперь России предстояло завершить свою внутреннюю перестройку; Гельфанд писал о немедленном заключении мира как о первой задаче революции.

Но все эти публичные выступления были для него не более чем способом выражения своей симпатии к революции, тогда как в переписке с лидерами немецкой партии он высказывался с большей откровенностью. 22 марта он писал Адольфу Мюллеру, что считает необходимым осуществление следующих мер: вооружение русского проле-

тариата, общественный суд над царем, перераспределение земельной собственности, введение 8 часового рабочего дня в промышленности, созыв Учредительного собрания и заключение мира. Такова была его программа, близкая к идеям большевиков¹.

Он понимал, что теперь, более чем когда-либо прежде, ему понадобится помощь немецких властей. Как только первые сведения об успехе революции достигли Копенгагена, Гельфанд посетил Брокдорфа-Ранцау с просьбой отправить в Берлин следующую телеграмму: «Революция победила, Россия политически несостоятельна, Учредительное собрание означает мир»². На этот раз посланник отнесся к энтузиазму Гельфанда достаточно сдержанно. Он считал, что Гельфанд выражает свои мнения в «излишне самоуверенном, не допускающем возражений тоне»; он уже не первый раз слышал, как тот судит о происходящих в России событиях с чрезмерным апломбом. Но, несмотря на свою сдержанность, посол признал, что «эти события – огромная удача для нас».

И снова Ранцау показал свою готовность внимательно прислушаться к словам Гельфанда. 1 апреля между ними произошел обстоятельный обмен мнениями³. Гельфанд развивал точку зрения, что Россия устала от войны и что стремление к миру скоро охватит всю страну. Поэтому Германия должна воздержаться от военного наступления. Гельфанд опасался, что наступление может вызвать патриотический подъем и стремление защищать «завоеванные свободы». Не следует вмешиваться в течение русской революции, нужно позволить ей «довести до логического развития столкновение интересов, ставшее возможным в результате этой революции». Вследствие классовых столкновений, продолжал Гельфанд, будут потрясены основания России. Крестьяне начнут силой отбирать у помещиков

¹Parvus to Adolf Muller. *Akten der Gesandtschaft Kopenhagen* (Russland).

²Brockdorff-Rantzau to Langwerth von Simmern. Telegram of 17 March 1917. 123

³Стенографическая запись разговора находится в архиве Брокдорфа-Ранцау. H232307-H232325

земли, солдаты — дезертировать и стрелять в своих офицеров. Украинцы, кавказцы и другие национальные меньшинства освободятся от зависимости Петрограда и разрушат централизованную структуру Российского государства. Голод по-прежнему будет испытывать терпение народа, и, по словам Гельфанда, через два или три месяца начнется «еще худшая анархия».

По мнению Гельфанда, отношения с Россией могли развиваться по одному из двух путей: или правительство в Берлине решается на широкую оккупацию России и разрушение централизованной империи, или заключает быстрый мир с Временным правительством.

Для осуществления первого варианта Гельфанд предлагал мощное наступление, которое должно было начаться через три месяца в момент наибольшей анархии и в результате которого была бы захвачена часть России. Таким образом, страна окажется беззащитной. При этом немецкое правительство «должно будет решительно использовать победу в политической сфере и предпринять следующие меры: разоружение русской армии, разрушение ее укреплений, уничтожение флота, запрет на производство оружия, а также обширная оккупация России. Если этого не произойдет, Российская империя, без сомнения, скоро снова превратится в агрессивную военную державу, и ее вражда будет тем опаснее для Германии, чем глубже раны, нанесенные ей сейчас». Чтобы подготовить почву для такого радикального решения русской проблемы, «следует временно поддержать крайние революционные движения с целью усиления анархии».

В случае же, если немецкое правительство не готово, как выразился Гельфанд в разговоре с Ранцау, «сжечь мосты в отношениях с Россией» или если такие меры кажутся ему нецелесообразными, то оно должно постараться «заключить мир с Россией, такой мир, который будет устраивать обе стороны». В противном случае Гельфанд опасался повторения «того, что случилось в наших отношениях с Францией в 1870 году, с той лишь разницей, что Франция не переросла нас (Германию) экономически или политически, тогда как Россия, без сомнения, превратится в эконо-

мическую и политическую силу, значительно превосходящую территориально ограниченную Германию». Для достижения этой цели нет необходимости усиливать анархию в России: напротив, должна быть достигнута определенная стабильность, а затем начаты переговоры с правительством, которое сможет гарантировать мир.

Для себя Гельфанд, конечно же, сделал выбор. Он видел, что его революционная программа воплощается, однако недостаточно быстро; спешный мир с Временным правительством может только замедлить ее развитие. Как бы то ни было, во время разговора с Ранцау возможность заключения мира с новым правительством в Петрограде представлялась отдаленной. В Петрограде и в столицах стран-союзниц считали, что революция пробудит новые силы для успешного продолжения военных действий Россией. Таким образом, Гельфанд отдавал предпочтение первому варианту, т. е. оккупации, что предполагало оказание поддержки «крайнему революционному движению», иными словами, Ленину и его большевистской партии.

Гельфанд вновь оказался почти в таком же положении, как в мае 1915 года. Как мы помним, тогда Ленин отказался от сотрудничества. Однако после революции в игру вступили новые факторы, и, согласно расчетам Гельфанда, они должны были заставить Ленина занять другую позицию по отношению к самому Гельфанду и к немецкому правительству.

Обстоятельства действительно изменились. Ленин находился в Швейцарии и был отрезан от России, закупорен, как в бутылке. Он отчаянно искал пути вырваться из создавшейся ситуации. По словам Ленина, он был согласен даже на сделку с дьяволом, лишь бы это сделало возможным его возвращение в Петроград⁴.

На самом деле Ленину не было необходимости так волноваться. Почва была уже подготовлена; в Берлине было достаточно влиятельных людей, согласных помочь ему пересечь Германию. С подобными просьбами к немецким властям обращались и ранее: в 1915 году русские эмигран-

⁴Крупская Н. *Воспоминания о Ленине*. М., 1957. С. 273-276.

ты, которые должны были начать работать в институте Гельфанда, проезжали через Германию по дороге в Копенгаген. Снова и снова Гельфанд разъяснял немецким дипломатам, как велики возможности Ленина и его партии для организации подрывной работы в России. Канцлер Бетман-Хольвег признавал важность для Германии революционных событий в России; в начале апреля он отдал распоряжение послу в Берне установить связь с русскими эмигрантами и предложить им переезд через Германию.

Однако Гельфанд действовал быстрее, чем немецкие политики. В Министерстве иностранных дел еще только обсуждались технические и легальные стороны переезда, а он уже предпринял первые практические шаги. Поскольку организовать переезд большого числа русских революционеров было непросто, он считал, что в первую очередь следует отправить в Россию двух ведущих большевиков — Ленина и Зиновьева. Здесь-то и оказался чрезвычайно полезным Фюрстенберг — связующее звено между Гельфандом и Лениным.

Для осуществления своего плана Гельфанд прежде всего заручился поддержкой Генерального штаба (а не Министерства иностранных дел), затем попросил Фюрстенберга сообщить Ленину, что проезд для него и Зиновьева устроен, не уточняя при этом, откуда пришла помощь. Тотчас Георг Скларц выехал в Цюрих, чтобы сопровождать обоих руководителей большевиков через Германию⁵.

Но Гельфанд ошибался, полагая, что Ленин примет предложение немедленно. 24 марта глава большевиков попросил Зиновьева отослать Фюрстенбергу следующую телеграмму: «Письмо отослано. Дядя [т.е. Ленин] хочет знать больше. Официальный проезд для отдельных лиц неприемлем. Пишите экспресс-почтой Варшавскому, Клусвег 8». Однако прежде чем телеграмма была получена, Георг Скларц уже уехал из Копенгагена и его предложение заплатить за проезд двух большевиков значительно ослож-

⁵Сообщение Фюрстенберга Ленину не сохранилось; ответ Ленина переданный через Зиновьева опубликован в *Ленинском сборнике*. Т. 13. С. 259; ср. также с телеграммой № 353 от 27 марта 1917 г. из Министерства иностранных дел посланнику в Берне // WK 2 geh.

нило положение в Цюрихе. Ленин резко прервал переговоры.

Гельфанд совершил серьезную ошибку. Сам того не желая, он устроил большевистским руководителям настоящую западню: согласившись на это предложение, Ленин бы настолько скомпрометировал себя в глазах соотечественников, что не мог бы быть полезен ни немцам, ни большевикам. Бестактность предложения Гельфанда усугублялась еще и неуклюжестью, с которой обратился к большевикам Георг Скларц. Хотя Временное правительство и объявило политическую амнистию, однако, учитывая, что Россия все еще находилась в состоянии войны с Германией, поездка Ленина через страну, да еще и на чужие средства, была бы для него неоправданным риском. Этого риска Ленин позволить себе не мог.

1 апреля, когда Гельфанд разговаривал с Ранцау, он уже знал о тех трудностях, которые возникли в связи с его предложением Ленину. Всецело поглощенный событиями в России, Гельфанд решил посетить Берлин, чтобы встретиться там с социалистами и дипломатами. Его репутация эксперта по русским делам значительно окрепла. Свидетельство тому – действия Ранцау в то время, когда Гельфанд находился на пути в Берлин. 2 апреля посол отправил министру иностранных дел длинную телеграмму, в которой подытожил мнения Гельфанда и высказал их от своего имени:

«В случае, если мы в состоянии (военном и экономическом) продолжать войну до осени, абсолютно необходимо постараться создать в России крайний хаос. При этом мы не должны допускать никакого открытого вмешательства в ход русской революции. Я считаю, что нам следует попытаться исподволь усилить разногласия между умеренными и крайними партиями. В наших интересах, чтобы последние завоевали первенство, так как в результате этого произойдет резкая перемена, которая неизбежно потрясет самые основы существования Российской империи... По всей вероятности, мы можем рассчитывать, что в течение 3 месяцев разложение достигнет такой степени, что нам не составит труда сломить мощь русских при помощи военных

действий. Если мы начнем преждевременное наступление сейчас, то только дадим повод всем различным центристским силам объединиться и, возможно, возглавить армию в борьбе против Германии»⁶.

В тот же день Брокдорф-Ранцау написал личное письмо государственному секретарю Циммерману, преемнику Ягова в Министерстве иностранных дел. Циммерман во всех отношениях был гораздо более жестким человеком, чем Ягов, и не церемонился в выборе путей для достижения своих целей.

Одной из этих целей был сепаратный мир, но это должен был быть мир со страной, настолько ослабленной, чтобы она всецело зависела от доброй воли Германии. Таким образом, Циммерман был убежден в необходимости полного политического и военного разложения России; он понимал, что оно, так же как и сепаратный мир, может быть достигнуто только при помощи наиболее крайнего крыла русских революционеров.

Ранцау был дружен с Циммерманом в течение многих лет, и теперь, в письме от 2 апреля, он просил его «быть столь любезным, чтобы принять доктора Гельфанда лично»⁷.

«Мне хорошо известно, что его характер и репутация не расцениваются одинаково высоко всеми его современниками. К примеру, Ваш предшественник особенно любил прохаживаться по его поводу в своих остротах. Со своей стороны я могу заверить, что Гельфанд достиг некоторых особо положительных результатов и что в России он был одним из первых, кто начал работать для достижения результата, который является теперь и нашей целью. Много, возможно даже все, было бы иным сегодня, если бы Ягов не проигнорировал его предложения, высказанные два года назад!

Связи, которые есть у Гельфанда в России, сейчас могут быть, на мой взгляд, решающими в развитии всей ситуации. Более того, он находится в тесной связи с социал-демократами Германии, Австрии и Скандинавии.

⁶Zeman. *Germany and the Revolution in Russia*. Doc. № 22.

⁷Там же. Doc. № 23.

Он искренне признателен Вашему превосходительству, так как знает, что благодаря Вашему посредничеству он стал немецким подданным в тот момент, когда его положение было более чем неопределенным, и теперь он чувствует себя немцем, не русским, несмотря на революцию в России, которая должна была бы его реабилитировать. Ввиду этого я прошу Вас выслушать его, так как я уверен, что если с ним обращаться как должно, он может быть крайне полезен не только в решениях вопросов международной политики, но и в вопросах внутренних дел империи».

К тому моменту, когда Министерство иностранных дел послало формальное приглашение на аудиенцию с государственным секретарем, Гельфанд уже уехал из Берлина. Он успел обсудить все технические детали запланированного переезда русских эмигрантов с фон Бергеном в Министерстве иностранных дел и договориться, что Вильгельм Янссон, его профсоюзный друг, будет включен в делегацию, сопровождающую русских.

Гельфанд не дождался приглашения от государственного секретаря, так как был занят более важными делами. Ему необходимо было привлечь на свою сторону исполнительный комитет «социалистов партии большинства». До сих пор их лидеры, Филипп Шейдеман и Фридрих Эберт, были, казалось, не в состоянии оценить значение политических перемен в Петрограде. Они мало знали о России и совершенно не разбирались в вопросах восточной политики. Они признали революцию как бы между прочим; телеграммы, составленные Шейдеманом и отосланные председателям Думы и Советов, были отправлены против воли Эберта.

Вечером 4 апреля Гельфанд и Янссон выступили перед исполнительным комитетом. Они объявили, что через несколько дней датский социалист Борбьерг, член Парламента и редактор копенгагенского «*Socialdemokrat*», отбудет в Петроград, где он собирается встретиться с руководителями Советов и обсудить с ними возможности заключения мира. Гельфанд и Янссон предложили, чтобы представитель исполнительного комитета немецкой партии как можно скорее выехал в Копенгаген, с тем чтобы проинст-

руктировать Борбьерга. Срочность, настаивал Гельфанд, крайне важна – Борбьерг должен успеть в Петроград раньше Хьялмара Брантинга, лидера шведских социалистов, чьи симпатии лежат на стороне союзников.

Эти аргументы убедили исполнительный комитет, и тотчас же было решено послать в Копенгаген Шейдемана, Эберта и Густава Байэра, секретаря профсоюза. Ни у одного из руководителей партии не было паспорта, и они обратились за ними в Министерство иностранных дел. В своих мемуарах Шейдеман вспоминал с большой гордостью, что Циммерман распорядился в министерстве выдать необходимые документы «на следующий день»⁸. Циммерман был рад, что социалисты согласились на предложение Гельфанда, и просил их в разговорах с Борбьергом подчеркнуть стремление Германии к миру и тот факт, что Польша не должна являться препятствием при договоре.

6 апреля руководители немецкой партии выехали в Копенгаген. С ними ехал и Гельфанд. Он организовал всю поездку: заказал места в поезде и комнаты в дорогом копенгагенском отеле «Central». В его доме на Водровсвей немецким руководителям был устроен прием. Немецкие социалисты не привыкли к такому обращению, и оно произвело на них большое впечатление. Не говоря о том, что Гельфанд был полезен политически – в данном случае играли роль его связи с датскими социалистами, – он оказался учтивым и щедрым хозяином. Он плохо знал Эберта и Шейдемана раньше, до их поездки в Копенгаген. За время поездки он сумел установить с ними дружеские и открытые отношения, которые впоследствии пережили многие невзгоды.

В первый же день после ужина Гельфанд познакомил своих друзей с Борбьергом. Датчанин, дав понять, что его симпатии на стороне Германии, понравился им. В беседе с Борбьергом, точно следуя инструкциям Циммермана и Гельфанда, Эберт и Шейдеман говорили о том, что Германия желает мира без аннексий. Из их слов следовало, что

⁸Scheidemann P. *Memoiren eines Sozialdemokraten*. Dresden. 1928. Vol. I. P. 421.

можно было бы легко договориться о некоторых изменениях границ. Хотя к Балканам формула «без аннексий» в целом не относилась, однако при наличии доброй воли и эта проблема могла бы быть разрешена. Кроме того, Борбьерг может заверить русских в том, что Германия не собирается начинать наступление на Восточном фронте⁹.

Немецкие партийные руководители настолько увлеклись своей ролью участников переговоров на высшем уровне, что совсем забыли об интересах мирового социализма. Они ни разу не упомянули о возможности прямого сотрудничества русской и немецкой партий. Гельфанду пришлось подчеркнуть социалистический аспект создавшейся в России ситуации и привлечь внимание своих товарищей к вопросу о будущем развитии социализма в России.

Гельфанд объяснил Борбьергу, что бессмысленно проводить параллели между событиями в Петрограде и ситуацией в Германии, просил последнего разъяснить партийным руководителям в России, что, пока продолжается война, революция в Германии не может произойти. Кроме того, немецкая революция имеет другие задачи: в отличие от России, в Германии надо избавиться не от устаревшей государственной системы, а от капиталистического строя в целом. Если в России происходит буржуазная революция, то в Германии должна произойти революция социалистическая. Таким образом, Гельфанд совествовал русским не беспокоиться о том, как «достичь свободы в Германии», а добиваться мира, который выведет рабочих-социалистов из окопов и вернет их обратно в ряды партии¹⁰.

Все это было довольно туманным и неопределенным. Борбьерг не повез в Россию ничего нового, кроме заверений, что наступления на Восточном фронте не будет. Но все же эта поездка явилась одним из способов установить контакты с русскими революционерами, хотя существовали и иные, не менее эффективные способы.

9 апреля Гельфанд узнал через Брокдорфа-Ранцау о дне

⁹Scheidemann P. *Memoiren eines Sozialdemokraten*. Dresden. 1928. Vol. I. P. 424.

¹⁰Там же. С. 425.

отъезда русских эмигрантов из Цюриха. Он сразу же сообщил в Министерство иностранных дел, что собирается встретить русских в Швеции, как только они прибудут в Мальме. Только после этого он известил немецких партийных руководителей о том, что Ленин, Радек и 40 других эмигрантов уже находятся на пути из Швейцарии в Стокгольм. Он постарался убедить Эберта, Шейдемана и Байэра, собиравшихся вернуться в Берлин, что хотя бы один из них должен задержаться в Копенгагене. По его словам, русские, вероятно, захотят обсудить сложившуюся ситуацию, и в этом случае было бы уместно, если представитель партии тотчас же выедет в Мальме.

Известие о возвращении русских эмигрантов ошарашило немецких партийных руководителей. Конечно, они не подозревали ни о связях Гельфанда с Министерством иностранных дел, ни о его роли в усилении хаоса в России. Выводы, которые они сделали из этого сообщения, были совершенно неверными: они решили, что проезд эмигрантов «организован доктором Гельфандом» и проводится без ведома немецких социалистов с тем, чтобы, если план провалится, спасти партию от возможных обвинений¹¹.

Их реакция на предложение Гельфанда была столь же наивной. Эберт объяснил, что у него нет времени задерживаться в Копенгагене и что скорее всего русские не захотят вести переговоры с ними. Шейдеман, который было согласился, все же не смог остаться. Немецкая делегация сочла невозможным дожидаться приезда русских.

Тем не менее, партийные руководители выдали Гельфанду письмо, в котором он был полностью уполномочен вести переговоры от лица исполнительного комитета. Впервые в жизни он мог действовать в качестве официального представителя немецкой партии. Главной целью Гельфанда было встретиться с Лениным и большевиками, а то, что встреча будет происходить без свидетелей, его даже устраивало.

Якобу (Фюрстенбергу) было поручено организовать встре-

¹¹Scheidemann P. *Memoiren eines Sozialdemokraten*. Dresden. 1928. Vol. I. P. 427.

чу Гельфанда с Лениным. Директор компании встретил лидера большевиков в Мальме и доехал с ним до Стокгольма. В дороге у них было достаточно времени, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Вопрос о том, разумно ли Ленину встречаться с Гельфандом лично, даже не стоял. Ленин понимал, что после путешествия через Германию ему надо вести себя особенно осторожно и никак себя не скомпрометировать.

13 апреля русские прибыли в Стокгольм, где их уже ожидал Гельфанд. Он понимал, что все предосторожности Ленина не исключают обмена мнениями через их общего друга Якоба Фюрстенберга. Гельфанд попросил Фюрстенберга узнать политические планы Ленина: «Необходим мир. Что он собирается предпринять?» В ответ Ленин заявил, что «его не интересуют дипломатия; его задача – социал-революционная агитация»¹². Это не удовлетворило Гельфанда и через Фюрстенберга он предостерег Ленина, что тот «может продолжать заниматься агитацией, но если при этом он не собирается стать во главе государства, то превратится лишь в орудие в его, Гельфанда, руках».

Письмо, которое позволяло Гельфанду вести переговоры от лица немецкой партии и которым он так гордился, не пригодилось. Он был явно разочарован, узнав, что Ленин не намерен рисковать и встречаться с ним лично. Надо отдать ему должное, Ленин оказался гораздо более прозорливым человеком, чем Гельфанд, – необходимости во встрече на высшем уровне действительно не было. Что бы Гельфанд ни думал, ни он, ни Ленин не были в состоянии самолично заключить мир между Россией и Германией, хотя собственные взгляды Ленина на необходимость мира были хорошо известны. Но, даже нуждаясь в помощи, руководитель партии большевиков должен был вести себя осмотрительно. Все, что Гельфанд и немецкие власти могли для него сделать, они должны были сделать окольными путями. Отказ лично встретиться с Гельфандом прямо подтверждал это.

Фюрстенберг еще продолжал действовать как посред-

¹²Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 51.

ник, но теперь на сцене появился и Карл Радек. Последний был, как мы помним, подданным Австро-Венгерской империи; 13 апреля Гельфанд провел с ним почти весь день.

Это была решающая и абсолютно секретная встреча: мы никогда не узнаем, о чем они говорили друг с другом. Вряд ли они посвятили это время обсуждению теории Маркса. Гельфанд мог предложить большевикам серьезную поддержку в их предстоящей борьбе за политическую власть в России. Радек был облечен достаточными полномочиями, чтобы принять это предложение. События последующих месяцев достаточно убедительно свидетельствуют о том, что именно таким был итог встречи 13 апреля в Стокгольме.

Поскольку Радек имел австро-венгерский паспорт, он не мог ехать вместе с Лениным в Петроград. Ему пришлось оставаться в Стокгольме. Гельфанд вернулся в Копенгаген тремя днями позже и сразу же отправился к Брокдорфу-Ранцау. В краткой, немногословной телеграмме, которую посланник отправил в Берлин, говорилось лишь, что Гельфанд вернулся из Стокгольма после переговоров с русскими эмигрантами и что он прибудет в Берлин 18 апреля на аудиенцию у Циммермана, а также для того, чтобы отчитаться о проделанной работе перед исполкомом социал-демократической партии¹³.

Первая встреча Гельфанда с руководителями партии состоялась поздно ночью, через час после его прибытия в Берлин; тогда же они договорились, что встретятся еще раз на следующий день, 19 апреля. Гельфанд не собирался рассказывать социалистам все подробности своих переговоров с большевиками; у него были с ними совсем другие отношения, чем с дипломатами. Прежде всего он хотел, чтобы его товарищи усвоили правильное – с его точки зрения – отношение к революции в России и не забывали о международных социалистических связях. Кроме того, он хотел убедить их в необходимости заключения сепаратного мира с Россией. Все, что было намечено, он выполнил.

Во время этой встречи 19 апреля расширенный комитет партии (*erweiterter Parteiausschuss*) принял резолюцию в

¹³Zeman. *Germany and the Revolution in Russia*. Doc. № 50

ответ на провозглашенную 14 апреля декларацию Петроградского Совета. Проект резолюции был подготовлен Шейдеманом и получил единогласное одобрение; в резолюции выражалось согласие с русской формулой мира без аннексий и контрибуций. Когда на следующий день партийная пресса обнародовала резолюцию, совпадение мнений германской партии и Совета было еще усилено. Главная ее часть гласила: «С самой теплой симпатией мы приветствуем победу русской революции и пробуждение международного стремления к миру, искра которого была высечена революцией. Мы провозглашаем свое согласие с резолюцией Совета русских рабочих и солдат, в которой говорится о путях достижения всеобщего мира без аннексий и контрибуций, на основе свободного развития всех народов»¹⁴.

Пока германские социалисты агитировали за мир, основная задача германской политики на востоке состояла в том, чтобы воспрепятствовать Временному правительству продолжать войну. Эта задача требовала от имперского правительства немалой изобретательности. Гельфанд был вызван в Министерство иностранных дел для встречи с государственным секретарем Циммерманом. Встреча происходила в обстановке полнейшей секретности: на ней не присутствовали свидетели, и запись беседы не велась.

Не приходится сомневаться в том, что Гельфанд разъяснил государственному секретарю те преимущества, которых достигнет германское правительство, оказав поддержку партии большевиков. Ленин был единственным партийным руководителем, придерживавшимся твердой позиции в отношении вопроса о мире, а его организация была дисциплинированной и действенной. Оказать ему поддержку можно было разными способами: большевикам нужны были деньги для ведения пацифистской пропаганды в русском тылу; следовало также усилить агитацию в войсках на передовой. Все еще существовала опасность, что

¹⁴Protokoll der Sitzung des erweiterten Parteausschusses am 18 und 19 April 1917, im Reichstagsgebäude zu Berlin. 1917. P. 74

германское наступление на восточном фронте будет способствовать объединению патриотических сил России и подорвет эффект проводившейся до сих пор пацифистской пропаганды, а это нанесет большевикам сокрушительный удар. Поэтому в разговоре с Циммерманом Гельфанд, вероятно, снова настаивал на том, что не следует предпринимать наступления, по меньшей мере, в течение ближайших нескольких месяцев. В начале апреля Министерство иностранных дел отдало Министерству финансов распоряжение выделить очередные 5 миллионов марок на политические цели в России. Эта огромная сумма была получена Гельфандом 3 апреля¹⁵. Пути использования этих денег также, вероятно, были предметом обсуждения на встрече Гельфанда с Циммерманом. Гельфанд был единственным человеком, который получал от Министерства иностранных дел суммы такого порядка. Но теперь он был гораздо осторожнее: он уже не давал никаких расписок, как два года назад.

Закончив свои дела в Берлине, Гельфанд отправился в Копенгаген, а оттуда в Стокгольм. Следующие недели он провел в переездах из одной части скандинавской столицы в другую. В Стокгольме он проводил большую часть времени с членами большевистской иностранной миссии. Это был единственный заграничный филиал петроградского Центрального Комитета. Миссия занималась также пропагандой идей большевизма и издавала два немецкоязычных периодических издания — «*Bote der russischen Revolution*» и «*Korrespondenz Prawda*». Членами миссии были Карл Радек, Якоб Фюрстенберг и еще один большевик польского происхождения, В. В. Воровский, известный также под фамилией Орловский.

Из этого трио конспираторов последний был инженером по профессии; в 1913–1914 годах он активно работал в партии в качестве журналиста в Одессе. Приехав в Москву, он поступил на работу в местный филиал фирмы Сименса–Шукерта, которая в январе 1916 года отправила его своим представителем в Стокгольм. Он начал работать с Фюр-

¹⁵Zeman. *Germany and the Revolution in Russia*. Editorial note. P. 24.

стенбергом сразу же после мартовской революции в России; вполне вероятно, что между ними существовали какие-то контакты и до революции¹⁶. вполне возможно, что Воровский был знаком с Гельфандом еще с тех времен, когда в самом начале века он был студентом в Мюнхенском политехническом институте.

Из этой большевистской троицы самым активным был, безусловно, Радек. Теперь он получил возможность познакомиться с людьми, которых он чрезвычайно высоко ценил. Такими людьми кроме Гельфанда были: Густав Майер, прибывший в Стокгольм по официальному поручению германского правительства; некая вездесущая личность по фамилии Гольдберг, агент депутата Рейхстага Эрцбергера; и Карл Моор, шведский специалист, работавший одновременно на швейцарское, австрийское и германское правительства. Пользуясь этими связями, Радек поставил германское правительство в известность о том, что победа большевиков над Временным правительством является лишь вопросом времени. Он неустанно повторял, что не собирается оставаться в Стокгольме на зиму, поскольку хочет вернуться в Петроград немедленно после того, как большевики одержат победу¹⁷.

Помимо пропаганды и разведки эта тщательно подобранная большевистская команда осуществляла и другую функцию — через них шла перекачка денег из Германии в большевистскую партийную казну. Гельфанд был основным — хотя и не единственным — источником этой благотворительности; если большевики до сих пор считали, что Гельфанд задолжал им за дело Горького, то теперь они должны были бы признать, что он уже расплатился с долгами — причем самым щедрым образом.

Все три поляка были опытными подпольщиками, и против Временного правительства они сражались с помощью

¹⁶Во введении к собранию сочинений Воровского, в основе которого лежит очерк Фюрстенберга, нет упоминаний о деятельности Воровского в 1916 году; Ср. В.В. Воровский. *Сочинения*. М. 1933.; Ср. также Н. Пяшев. *Воровский*. М. 1959. С. 184-185

¹⁷Mayer G. *Vom Journalisten zum Historiker der deutschen Arbeiterbewegung*. Zurich. 1949. P. 276-279.

тех же методов, что и некогда против царского режима. Положение им на редкость благоприятствовало: немцы предоставили в их распоряжение дипломатические каналы связи; время от времени большевики пользовались также и российской дипломатической почтой для связи с Петроградом. Кроме того, существовали проверенные и надежные каналы связи между Россией и Скандинавией, отлаженные благодаря деятельности копенгагенской экспортной компании Гельфанда, управляющим директором которой был Фюрстенберг.

Ленин безгранично доверял своим политическим представителям; Стокгольм и Петроград непрерывно обменивались информацией; с самого начала главное место в этой корреспонденции уделялось денежной проблеме. В своем письме к Фюрстенбергу, отправленном через несколько дней после его прибытия в Петроград, Ленин жаловался: «до сих пор... мы все еще не получили от вас денег» и просил иностранную миссию «сохранять чрезвычайную осторожность». Во втором письме Ленин подтверждал, что получил чек на 2 тысячи рублей от Козловского, польского адвоката и социалиста, одного из связных Гельфанда¹⁸.

В начале мая Гельфанду снова пришлось заняться проблемами, связанными с поездкой Борбьерга в Петроград. Эту поездку Гельфанд организовал еще до разговора с Радеком, и теперь Борбьерг допускал ошибку за ошибкой.

Благополучно переехав русскую границу, он прибыл в Петроград в начале апреля. Его встретили члены Совета Чхеидзе, Керенский и Скобелев и пригласили на заседание исполнительного комитета, которое должно было состояться 6 мая. В повестке дня было два пункта: обсуждение послания германской партии и возможности проведения всеобщей социалистической конференции¹⁹. Борбьерг мог говорить лишь о намерениях доброй воли со стороны немецкой партии. Русские подняли вопрос о готовности Германии признать право на самоопределение Эльзаса и

¹⁸ Пролетарская революция. М. 1923. № 9. С. 227-228.

¹⁹ Авдеев Н. Революция 1917 года. М. 1923. Т. 2. С. 64.

Лотарингии; они спрашивали датского эмиссара, действуют ли германские социалисты от лица большинства депутатов Рейхстага или лишь от себя лично. Ни на один из этих вопросов Борбьерг не смог дать удовлетворительного ответа.

Через несколько дней Борбьерга известили о том, что Советы приветствуют идею проведения социалистической мирной конференции, однако ее организацию берет на себя Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Это заявление создало в некотором роде весьма затруднительную ситуацию: датские и скандинавские социалисты готовились к проведению такой конференции еще с конца апреля; намечено было провести ее летом в Стокгольме. Борбьергу также не удалось убедить большевиков принять участие в этой стокгольмской конференции. Во время его пребывания в Петрограде всероссийская конференция большевистской партии приняла резолюцию об отказе от участия в стокгольмской конференции. Кроме того, резолюция провозгласила Борбьерга «агентом» имперского германского правительства и немецких и скандинавских «социал-шовинистов»²⁰.

10 мая Борбьерг вернулся в Копенгаген, где вскоре после своего возвращения встретился с Гельфандом. Гельфанд был полностью на стороне большевиков и с растущим неудовольствием наблюдал за приготовлениями голландско-скандинавского комитета к проведению социалистической конференции в Стокгольме. 21 мая устроители созвали предварительную конференцию; они рассчитывали, что им все же удастся прийти с большевиками к соглашению относительно их участия в конференции. В этих предварительных собраниях приняли участие делегации болгарской, финской, австрийской, чешской и венгерской партий; 4 июня комитет должен был принять представителей германской партии большинства.

Гельфанд держался от всего этого в стороне. Поддерживать организаторов конференции он не желал: «*Die Glocke*», где издатель, как правило, помещал сводки и

²⁰ Авдеев Н. *Революция 1917 года*. М. 1923. Т. 2. С. 258.

замечания о важнейших событиях в социалистическом движении, хранил молчание. Провал миссии Борбьерга показал Гельфанду, какие противоречия раздирают Советы изнутри. Он прекрасно знал о патриотических настроениях многих русских социалистов, которые поддерживают политику продолжения войны. В конце концов его интересовала в первую очередь не социалистическая конференция, а захват большевиками политической власти. И потому он не собирался делать ничего такого, что могло бы поставить под угрозу его политику максимальной поддержки большевиков.

Гельфанд с опаской наблюдал за энтузиазмом отправляющейся в Стокгольм германской делегации – а там были такие столпы партии, как Эберт, Шейдеман, Давид, Герман Мюллер, Карл Легиэн и Густав Бауэр. 30 мая, по пути в Стокгольм, делегаты остановились в Копенгагене для встречи с председателем датской партии Стаунингом, а также для беседы с Борбьергом. Гельфанд устроил настоящий прием в честь своих товарищей; песни и пляски продолжались до глубокой ночи. Когда двумя днями позже делегаты собрались продолжать свое путешествие, Гельфанд не высказал ни малейшего желания присоединиться к ним. Вместо Стокгольма он отправился на несколько недель в Мариенбад – пора было позаботиться о застарелом ревматизме.

Интерес к конференции пробудился в нем лишь тогда, когда было объявлено о прибытии в Стокгольм советских представителей. Это была смешанная делегация, в состав которой входили бывший большевик Гольденберг, двое правых меньшевиков Смирнов и Эрлих и эсер Русанов. Они приехали в Швецию в начале июля, примерно в то же самое время, когда Гельфанд возвратился из Мариенбада в Данию. Гельфанд незамедлительно выехал в Стокгольм, где 13 и 14 июля встретился с русскими для сугубо конфиденциальной беседы. Двумя днями позже Гельфанд доложил об этой встрече берлинскому исполкому. Русские, сообщил он своим товарищам, говорили «вполне разумно» и решительно пресекали всякие попытки вести «бесполезную дискуссию о военной вине». Впрочем, они особо под-

черкнули, что решения предстоящей конференции будут обязательными для всех партий, включая немецкую²¹.

Гельфанд знал, что немцы вовсе не склонны принимать это условие, и, вероятно, желал предостеречь их от бесплодного участия в конференции. Впрочем, на настоящий момент интересы Гельфанда и исполкома были совершенно различными. Большинство социалистов слишком цеплялись за расплывчатую концепцию мира, о чем свидетельствовал их интерес к стокгольмской конференции и поддержка принятой Рейхстагом резолюции о мире. Гельфанд знал, что они не в состоянии понять практических последствий проводимой большевиками политики, и не считал нужным обсуждать это с ними.

Вместо этого 17 июля он посетил Министерство иностранных дел. Дипломаты понимали куда больше, чем его товарищи-социалисты, и Гельфанд, в свою очередь, был с ними гораздо более откровенен. Влияние Ленина, сообщил им Гельфанд, продолжает расти; военное наступление было предпринято русскими под давлением Англии и Америки, в обмен на дальнейшее снабжение деньгами и продовольствием. Тем не менее, как отмечено в меморандуме, Гельфанд сказал также, что «разочарование растет и выльется в дальнейшее разложение армии. Разложение это достигло уже такой степени, что армия устами генерала Брусилова признала, что лишь немедленное наступление может сохранить боевой дух войск. В довершение ко всему России грозит неурожай. Проживающие в Стокгольме русские сообщили, что по сравнению с довоенным положением в этом году засеяно лишь 30 процентов земли. Гельфанд считает это преувеличением, однако думает, что в действительности эта цифра вряд ли составляет больше 50 процентов²².

Гельфанд имел все основания для оптимизма. Рост анархии и разруха шли в России рука об руку; на фронте, где германская пропаганда работала совместно с большевистской агитацией, армия разлагалась на глазах у своих ко-

²¹David E. Diary. Entry for 16 July 1917. *Bundesarchiv Koblenz*.

²²Zeman. *Germany and the Revolution in Russia*. Doc. № 66.

мандиров. В апреле Гельфанд говорил Брокдорфу-Ранцау, что анархия в России достигнет высшей точки через несколько месяцев. Он был убежден, что никакие силы не смогут помешать большевикам в их разрушительной работе. Однако теперь он был более осторожен, чем в 1915 году; он не называл точных сроков, хотя и был абсолютно уверен, что рано или поздно большевики захватят верховную власть в государстве.

После консультаций в Министерстве иностранных дел Гельфанд совершил непредсказуемый шаг. Вместо того чтобы возвращаться в Скандинавию, 22 июля он выехал в Швейцарию, мотивировав это тем, что климат этой страны полезен для его здоровья. Кроме того, в эти дни Скандинавию заполнили шпионы и тайные агенты, выслеживавшие собравшихся на стокгольмскую конференцию социалистов. Впрочем, у Гельфанда были и другие причины, побуждавшие его скрыться из Скандинавии. В последние несколько дней над его головой стали собираться грозные тучи.

16 и 17 июля, когда Гельфанд заверял дипломатов в неизбежной победе большевиков, Ленин и его партия организовали в Петрограде восстание против Временного правительства. Однако это восстание было подавлено, и Временное правительство решило раз и навсегда свести с большевиками счеты. 18 июля Министерство юстиции предало огласке документы, из которых явствовало, что Ленин и большевистская партия виновны в государственной измене. Документы свидетельствовали о том, что большевики получали деньги от германского правительства; вся эта операция была направлена на то, чтобы дискредитировать большевиков в глазах общественности. В газетах были напечатаны телеграммы Фюрстенберга, Козловского и петроградского представителя компании Нестле Суменсона, а также телеграммы Ленина Фюрстенбергу и Коллонтай, русской социалистке, которая впоследствии в течение пятнадцати лет была советским послом в Швеции. Разразился огромный политический скандал.

На следующий день – 19 июля – заголовки русской пат-

риотической прессы кричали о государственной измене Ленина. Кампанию в прессе вели два журналиста, Алексинский и Бурцев, которые обвинили большевиков в том, что те начали изменять родине еще в 1914 году. Бурцев был давно знаком с Гельфандом – и ненавидел его. И вот теперь Гельфанд был центральной фигурой всего действия, человеком, который организовал и наладил сотрудничество между большевиками и германским правительством.

«Парвус не просто провокатор, – писал Бурцев 20 июля в милюковской газете *«Речь»*, – он агент Вильгельма II». По вполне понятным причинам Ленин обычно старался избегать подобной терминологии в своих публичных нападках на Гельфанда.

Пресса устроила настоящее судебное разбирательство над большевиками. В качестве обвинения был выдвинут тот факт, что Фюрстенберг и Коллонтай перевели полученные от Гельфанда через стокгольмский *«Neu Bank»* деньги на счет Суменсона в Сибирский банк в Петрограде – счет, к которому имели доступ большевики²³. Основные обвинения были следующими:

«Расследование установило, что Якоб (псевдоним *«Куба»*) Ганецкий-Фюрстенберг, находясь в Стокгольме во время войны, имел тесные финансовые связи с Парвусом, агентом германского правительства.

Деятельность Парвуса как германского и австрийского агента была направлена на поражение России в войне и на отделение Украины.

...На основании множества телеграмм, попавших в руки законной власти, установлено, что между Суменсоном, Ульяновым (Лениным), Коллонтай и Козловским, с одной стороны, и Фюрстенбергом (Ганецким) и Гельфандом (Парвусом), с другой, велась постоянная и обширная переписка. Хотя эта корреспонденция в основном касается коммерческих соглашений, поставок различных товаров и денежных сделок, тем не менее имеются достаточные осно-

²³Browder R.P. and Kerensky A.F. (editors). *The Provisional Government 1917*. Stanford. 1962. Vol. 3. P. 1464–1465.

вания предполагать, что корреспонденция эта была лишь ширмой для прикрытия отношений чисто шпионского характера»²⁴.

На основании доступных ему свидетельств обвинитель считал вину «подсудимых» – сотрудничество с Германией с целью ослабления боевого духа России – доказанной.

«Для этой цели на полученные деньги... они организовали пропаганду среди гражданского населения и в армии, призывая ее немедленно сложить оружие и поднять в Петрограде 16–17 июля 1917 года вооруженное восстание против существующего порядка...»²⁵

Благодаря своевременной утечке информации из Министерства юстиции Ленин и Зиновьев успели вовремя скрыться. Козловский, Суменсон, а позднее Троцкий были арестованы. Все было, как в старые времена, – большевистская партия ушла в подполье. На карту было поставлено теперь само ее существование, и она должна была сделать все, чтобы восстановить свое доброе имя. В «Листке Правды» Центральный Комитет большевиков судорожно опровергал «неслыханные обвинения» в адрес Ленина и «чудовищную клевету» контрреволюционеров. Центральный Комитет потребовал, чтобы Временное правительство и Совет немедленно провели расследование, которое сделает явным «все обстоятельства грязного заговора погромщиков и наемных убийц против жизни и чести лидеров рабочего класса»²⁶.

Троцкий, находившийся под особым подозрением из-за его дружбы с Гельфандом, публично отмежевался от своего бывшего товарища уже 21 июля²⁷, используя в качестве алиби свои старые статьи, где содержались нападки на Гельфанда – «некролог» в «Нашем слове» и предостережение против Копенгагенского института в «Н'Уманите». Однако самое любопытное отречение последовало от иностранной миссии большевиков в Стокгольме. Оно было

²⁴Там же. Р. 1375–1376

²⁵Browder R.P. and Kerensky A.F. (editors). *The Provisional Government 1917*. Stanford. 1962. Vol. 3. Р. 1376

²⁶Там же. Р. 1366

²⁷Новая Жизнь. 1917, 21 июля.

опубликовано 31 июля в «Korrespondenz Prawda» и явно принадлежало перу Радека. Обвинения против большевиков автор называл заговором, состряпанным из документов старой охранки и фальшивок, изготовленных «каналейей Алексинским».

С Гельфандом, центральной фигурой всей этой истории, Радек поступил следующим образом. Он указал на то, что во время войны социал-шовинист Гельфанд и большевики придерживались различных политических убеждений. Большевики также не принимали никакого участия в деятельности его Копенгагенского института, потому что не хотели иметь с Гельфандом ничего общего. Однако известные в социалистических кругах тесные отношения между Гельфандом и Фюрстенбергом требовали какого-то объяснения, и даже для Радека это было непростой задачей. Когда Фюрстенберг приехал в Копенгаген, писал Радек, он всячески уклонялся от работы в Копенгагенском институте по политическим мотивам, и принял предложение Гельфанда о чисто деловом сотрудничестве в его экспортно-импортной фирме:

«1. Потому что считал тогда, как, впрочем, и теперь, Парвуса порядочным человеком. 2. Потому что мог благодаря этому не только содержать свою семью, но и оказывать мощную финансовую поддержку польской партийной организации в русской части Польши... Ганецкий вовсе не был связан с Гельфандом узами политического сотрудничества; напротив, оказывая поддержку польской партийной организации и прессе, которые вели решительную борьбу против германских оккупационных сил и открыто провозглашали о своем согласии с убеждениями Либкнехта, он, по сути дела, работал против политики Парвуса».

Несмотря на свое явное желание затушевать ситуацию, Радек против своей воли дал читателям понять, что деньги перекачивались из фирмы Гельфанда на политические цели. Естественно, Радек не стал добавлять, что польскую партию, по существу, создал Ленин и что она была настолько связана с большевистской партией, что трудно было сказать, где кончается одна партия и начинается другая.

Члены иностранной миссии большевиков отзывались

о Гельфанде гораздо более снисходительно, чем их товарищи. Так, в «Korrespondenz Prawda» говорилось, что Гельфанд не является ни австрийским, ни германским агентом, а затем ставилось под сомнение обвинение в социал-шовинизме, выдвинутое против Гельфанда Лениным. Ленин, писал автор, был убежден, что военную политику Гельфанда определяли в первую очередь его деловые интересы. Однако многие большевики считают Гельфанда человеком, не способным продаться. Так, например, Фюрстенбёрг полагает, что отношение Гельфанда к войне базируется на его социалистическом мировоззрении и что именно в революционной теории, которую Гельфанд разработал еще до 1914 года, следует видеть ключ к пониманию тех идей, которые он высказывал во время войны. Только история покажет, писал Радек, «кто был прав в своей оценке Парвуса как человека: Ленин или Ганецкий».

Это был риторический вопрос. Ни Ленин, ни члены стокгольмской миссии не собирались предавать огласке действительные факты. Большевики должны были защитить себя от обвинений Временного правительства. Они боролись за существование своей партии. Из своего убежища в Финляндии наконец чрезвычайно осторожно подал голос Ленин. В его заявлении, которое было опубликовано в Стокгольме, не говорилось ни слова о личности Гельфанда²⁸. Лидер большевиков ограничился упоминанием первого номера журнала «*Die Glocke*» и отрицанием обвинения в том, что он получал от Гельфанда деньги. Он все еще был не готов произнести окончательный приговор. Еще не пришло время – ни для того, чтобы реабилитировать Гельфанда как социалиста и революционера, ни для того, чтобы заклеить его как агента германского правительства. На данный момент между этими двумя людьми еще сохранялась общность интересов, и потому Ленин решил пока отложить на неопределенное время окончательное сведение счетов с Гельфандом.

Когда большевистскую организацию постиг этот удар, Гельфанд скрывался в Швейцарии. Его искали. В отправ-

²⁸Bote der russischen Revolution. № 2. 1917, 22 September.

ленных 25 июля телеграммах Фюрстенберг и Воровский просили его немедленно вернуться в Стокгольм и дать заявление под присягой, что он никогда не передавал большевикам деньги ни через Фюрстенберга, ни через кого-либо другого. А в то же время германский посланник в Берге Ромберг сообщал в Министерство иностранных дел, что ему не удалось найти Гельфанда. Лишь 27 июля, когда прошли уже два драгоценных дня, Гельфанда обнаружили в каком-то роскошном отеле, и телеграммы были наконец вручены адресату.

Ответ Гельфанда не шел через дипломатические каналы, однако нет никаких оснований сомневаться в том, что он выполнил просьбу своих друзей. Он знал, что большевистской партии предстоит принять участие в судебном разбирательстве в Петрограде, и хотел сделать для нее все, что было в его силах. Уже 8 августа его берлинское издательство напечатало памфлет, автором которого был Гельфанд. Памфлет назывался «Мой ответ Керенскому и компании». Как обычно, Гельфанд предпочел обойти главное обвинение, а именно, что он действовал в качестве посредника между большевиками и германским правительством, стороной, и построить свою защиту на еще более отвлеченных понятиях, чем это делали большевики. Он писал: «Я всегда, всеми имеющимися в моем распоряжении средствами поддерживал и буду поддерживать российское социалистическое революционное движение. Скажите вы, безумцы, почему вас беспокоит, давал ли я деньги Ленину? Ни Ленин, ни другие большевики, чьи имена вы называете, никогда не просили и не получали от меня никаких денег ни в виде займа, ни в подарок. Но и им, и многим другим я давал нечто куда более необходимое, чем деньги или динамит. Я был одним из тех людей, кто наделил духовной пищей революционное самосознание российского пролетариата, которое вы теперь тщетно пытаетесь разрушить».

В сложившихся обстоятельствах ни большевикам, ни Гельфанду, по сути дела, было нечем крыть, и им оставалось лишь голословно отрицать, отметать обвинения Временного правительства. Страсти слишком разгорелись, и трудно было ожидать, что во время расследования будут

приниматься во внимание все тонкости этого дела; что Ленин воспользовался помощью Германии в своих личных целях; что между ним и германским правительством не было заключено никаких соглашений; что он и Гельфанд ставили перед собой совершенно разные политические задачи. В конце концов в Лондоне Роджер Кейсмент был приговорен к смертной казни на основании куда менее веских улик.

Российское Временное правительство не знало и того, какими сообщениями обменивались в это время между собой немецкие дипломаты. 29 сентября Кюльман, в августе сменивший Циммермана на посту государственного секретаря в Министерстве иностранных дел, отправил в Генеральный штаб телеграмму, касающуюся подрывной деятельности в России. «Нашей главной задачей было усиление и углубление националистических и сепаратистских настроений, также оказание всемерной поддержки революционным элементам. Мы занимаемся этим уже достаточно давно, в тесном сотрудничестве с политуправлением Генерального штаба (капитан фон Хюльзен). Наша совместная работа принесла осязаемые результаты. Без нашей постоянной поддержки большевистское движение никогда не завоевало бы такой популярности в народе, как сейчас. Все указывает на то, что это движение будет шириться и впредь; это относится также к финскому и украинскому движениям за независимость»²⁹.

Двумя месяцами позже Кюльман снова заговорил об успехах проводимой его ведомством совместно с Генеральным штабом политики: «Россия казалась нам самым слабым звеном в круговой обороне наших противников. Потому мы поставили перед собой задачу – сначала расшатать его еще сильнее, а затем попросту вырвать его. Это была основная цель, которую мы преследовали, осуществляя в России подрывную деятельность в первую очередь за счет разжигания сепаратистских настроений и поддержки большевиков. Лишь после того как большевики получили от нас через различные каналы значительную сумму денег,

²⁹ Zeman. *Germany and the Revolution in Russia*. Doc. № 71.

они смогли учредить свой основной печатный орган – «Правду», с помощью которого вели активную пропаганду своих идей и увеличили небольшое поначалу число членов своей партии»³⁰.

Кюльман был совершенно прав в своем предвидении, что влияние большевиков будет расти и дальше. Временное правительство не сумело разрушить сеть большевистского подполья. Помимо Гельфанда, бывшего главным связующим звеном между большевиками и берлинским правительством, летом 1917 года большевики имели и другие каналы связи с Берлином. Вполне вероятно, что часть денег, выделенных на организацию подрывной деятельности в России, – Эдуард Бернштейн позднее оценил общую сумму примерно в 50 миллионов золотых марок, хотя нам кажется более правдоподобной цифра 30 миллионов – была передана непосредственно иностранной миссии большевиков немецким посланником в Стокгольме. Кроме этого, швейцарский социалист Карл Моор, работавший на германское правительство под псевдонимом Байер, также имел связи с большевиками и потому мог быть весьма полезен в этом отношении.

Единственным человеком, которому было известно все, был министр Диего фон Берген, который занимался подрывной деятельностью в России в политическом отделе Министерства иностранных дел. Берген был напрочь лишен того политического энтузиазма, которым так отличался Брокдорф-Ранцау; он был в первую очередь государственным служащим, чиновником до мозга костей, который после войны служил сначала Веймарской республике, а затем Гитлеру в качестве немецкого посла в Ватикане. Служебное рвение сочеталось в нем со сдержанностью и даже скрытностью.

Несмотря на то что обвинения Временного правительства против большевиков как-то иссякли, истошились сами собой, последствия этой истории для российской политики были катастрофическими. Еще сильнее углубилась пропасть между большевиками и социалистическими

³⁰Там же. Doc. № 94.

группами более умеренного толка, а вражда большевиков с Временным правительством приобрела явно непримиримый характер. В начале 1918 года снова всплыли обвинения в адрес большевиков, на этот раз с подачи легкомысленного американского журналиста Эдварда Сиссона, обнародовавшего явно фальшивые документы. История эта прервала в самом зачатке только-только устанавливавшиеся дипломатические отношения между Вашингтоном и молодым Советским государством. Дело с германскими субсидиями доказало, с одной стороны, высочайший уровень конспирации среди большевиков, а с другой – полную неспособность Временного правительства к управлению страной.

Летом 1917 года единственная помощь, которую большевики получали извне, шла к ним от Гельфанда: сама логика событий требовала от него, чтобы он оказывал поддержку Ленину и его партии. На обвинения Керенского он отвечал тоном, воскрешавшим в памяти читателей его прежние статьи в «*Sachsische Arbeiterzeitung*». Он критиковал большинство членов Совета, и социалистов-министров Временного правительства в особенности. Они так и не созвали Учредительное собрание, они не смогли решить земельный вопрос, они не достигли мира: «Вместо мира – новые жертвы, вместо земли – налоги, вместо демократии – автократия! Вместо одного царя – множество мелких царьков»³¹.

Теперь Гельфанд играл ва-банк. Долгие годы он не мог определиться в своем отношении к Ленину, но сейчас он поставил все, что имел, на козырную карту большевиков. И большевики это понимали. Они потребовали, чтобы ответ Гельфанда Керенскому был предан возможно более широкой огласке. Брокдорф-Ранцау, как всегда, был готов уступить. 16 августа он отправил в Министерство иностранных дел запрос с требованием опубликовать ответ Гельфанда в «*Wolffsche Telegraphen Bureau*», правительственном агентстве новостей³². Однако существовали опре-

³¹ Parvus. *Meine Antwort an Kerenski und Co.* Berlin. 1917. P. 3.

³² Telegram № 1060. // WK 2 geh.

деленные границы, которых Министерство иностранных дел не желало переступить в распространении большевистской пропаганды. Берген счел, что комментария в «Vorwärts» от 14 августа вполне достаточно; впрочем, он обещал поспособствовать распространению листовки Гельфанда в Швейцарии и Швеции³³.

Хотя в крайне доброжелательной передовице в «Vorwärts» говорилось, что Гельфанд побил своего противника его же оружием и фактически «посадил Временное правительство на скамью подсудимых», не вся германская партия пожелала солидаризироваться с таким взглядом на вещи. 20 августа в той же газете Коген-Реус писал, что точка зрения Гельфанда «непонятна и опасна». По мнению Реуса, в ответе Гельфанда Керенскому содержались «бессмысленные подозрения против ведущих деятелей русской революции», а такая позиция никак не может способствовать установлению взаимопонимания между Россией и Германией. У германской партии, заявлял Реус, есть все основания быть недовольной действиями Гельфанда, который, по сути дела, предпринял «плохо замаскированную попытку распространить большевистскую пропаганду». Впрочем, это был глас вопиющего в пустыне: больше никто из немецких социалистов ни словом не обмолвился о скрытом подтексте политики Гельфанда.

Уже наступила осень, а Гельфанд все еще не собирался возвращаться в Скандинавию. Его появление там могло лишь подхлестнуть слухи о его тайных связях с большевиками; и вдобавок он приобрел там слишком широкую известность и по другому поводу: из-за его угольного предприятия датские профсоюзы также подверглись ожесточенным нападкам. Поэтому в середине октября, после краткого визита в Берлин, он без лишнего шума вернулся в Швейцарию. Такая политика выжидания и бездеятельности была для Гельфанда совсем не характерной. И все же ничего другого ему не оставалось. Во-первых, он понимал, что не должен ставить большевиков под удар. Но, кроме

³³Telegram № 606 of 18 August 1817. // WK 2 geh.

того, была и другая причина, заставившая его предоставить событиям идти своим ходом.

Он сделал все, что было в его силах, чтобы повлиять на политику Германии в отношении России. Он даже прибегнул к услугам человека, которого использовал как своего эмиссара в самых высоких кругах. Виктора Наумана в начале 1917 года представил Гельфанду Адольф Мюллер. Выходец из буржуазной протестантской семьи в Берлине, Науман учился в университетах Фрайбурга и Лейпцига, а затем искал успеха на поприще драматургии. Однако драматурга из него не вышло. В начале века он перешел в католичество и поселился в Мюнхене, где занялся писанием католических апологий и благодаря этому получил доступ ко двору баварской столицы. Кроме того, он был близким другом графа Хертлинга, которому вскоре предстояло занять пост рейхсканцлера.

Гельфанд считал эти связи чрезвычайно ценными и с лета 1917 года начал оплачивать его услуги, которые заключались в добыче кулуарной информации, а также, наоборот, в передаче куда следует той информации, в распространении которой был заинтересован Гельфанд³⁴. В июне Науман приехал к Гельфанду в Мариенбад – ему было поручено передать по назначению соображения Гельфанда о политике в отношении России. Науман передал их министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Чернину, а также германскому и баварскому кронпринцам и генералу Людендорфу³⁵. В конце октября вместе со своим шефом Науман выехал в Вену, чтобы встретиться там с графом Черниным. Однако прежде чем была назначена дата аудиенции, в столицу Габсбургов дошли первые вести об успешном большевистском перевороте.

³⁴Nachlass Helphand. Rep. 92. № 7.

³⁵Naumann V. *Dokumente und Argumente*. Berlin. 1928. P. 257-260

ГРЯЗНЫМИ РУКАМИ

В Вене Гельфанд стал свидетелем того великого энтузиазма, с которым рабочие встретили известие о победе большевистской революции. Социалистические газеты превозносили «мирную революцию» в Петрограде, а на массовой демонстрации, состоявшейся в воскресенье 11 ноября, события, происшедшие в России, были названы «новой эпохой в борьбе за освобождение международного пролетариата».

14 ноября Гельфанда принял граф Чернин; в тот же день, вскоре после аудиенции на Баллхаусплац, Гельфанд получил важное сообщение из большевистской миссии в Стокгольме. Радек и Фюрстенберг просили Гельфанда немедленно вернуться в Швецию: в их телеграмме говорилось, что большевистское правительство испытывает настоятельную необходимость в поддержке со стороны социалистических партий Германии и Австро-Венгрии. Крайне желательно проведение «многочисленных демонстраций и стачек», писали в телеграмме стокгольмские большевики¹.

Гельфанд немедленно выехал из Вены, однако по пути в Швецию остановился в Берлине — здесь его ждали в Министерстве Иностранных дел. Германские дипломаты были в высшей степени удовлетворены таким поворотом событий в России. Однако, несмотря на свою победу, большевики еще недостаточно прочно укрепились на завоеванных позициях, им была нужна поддержка, и имперское правительство Германии было готово к тому, чтобы незамедлительно оказать большевикам требуемую помощь. 9 ноября казна выделила очередные 15 миллионов марок на эти цели. Берген знал, что большевистскому правительству придется сталкиваться «с огромными финансовыми трудностями», и потому крайне желательно оказать ему

¹P. Scheidemann. *Memoiren eines Sozialdemokraten*. Vol. 2. P. 122.

материальную помощь. По этой же причине «еще два миллиона на известные цели» были переданы в дипломатическую миссию в Стокгольме сразу же после большевистского переворота в Петрограде².

Во время беседы с официальными лицами в Министерстве иностранных дел Гельфанд нарисовал оптимистическую картину дальнейшего развития событий в России. Он посоветовал германскому правительству благожелательно отнестись к большевистской декларации мира от 9 ноября: Германии следует придерживаться формулы «без аннексий и контрибуций», чтобы способствовать усилению в России движения за мир и приблизить начало мирных переговоров. Он указал, что благоприятный ответ из Берлина окажет сильное влияние на общественное мнение и, вполне вероятно, приведет к окончательному краху русской армии, которая еще держится только из-за страха перед нападением Германии. И, что самое важное, готовность Германии к заключению мира усилит позиции большевиков, самых ревностных сторонников мира.

Гельфанд признал, что, согласно имеющейся в его распоряжении информации, положение большевиков далеко от того, чтобы быть прочным. Их правительство не пользуется поддержкой большинства населения страны — ведь их победа была «победой одного меньшинства над другим»; над ними нависла угроза наступления армии Керенского и продовольственного кризиса. В довершение всего, в ходе борьбы, продолжавшейся последние несколько месяцев, партии пришлось действовать в союзе с «темными массами» — Гельфанд почему-то не захотел воспользоваться метким определением Маркса «люмпен-пролетариат», — которые теперь угрожают стабильности нового порядка³.

Из-за слабости своего положения большевистскому правительству приходится проводить «простую политическую линию». Лишь заключение мира даст ему возможность консолидироваться и привлечь на свою сторону «народное

²Zeman. *Germany and the Revolution in Russia*. №№ 75, 92, 72 et al.

³Меморандум Гельфанда Буше (Busche) помощнику министра иностранных дел, // WK2.

собрание». По словам Гельфанда, причина, по которой ленинское правительство до сих пор проявляло сдержанность в отношении мирных переговоров, заключается в том, что большевики все еще ожидают революционного развития событий в Австро-Венгрии и Германии. Несмотря на это, сами большевики не питают «никакой враждебности, особенно к германскому правительству». Гельфанд особо отметил то обстоятельство, что большевистские лидеры прошли школу германской социал-демократии, и после того, как «они откажутся от своих авантюристических планов, им придется возобновить старые связи с германскими социал-демократами и вспомнить о своем родстве с германской культурой». И действительно, сразу же после успешного путча в большевистской партии открыто заявила о себе большая прогермански настроенная группа. «Даже среди самих руководителей партии, в непосредственной близости к Ленину и Троцкому, есть люди, которые сохраняли контакт с германской социал-демократией на протяжении всей войны».

Когда речь зашла о конкретных условиях заключения мира между Советами и Германией, Гельфанд проявил гораздо большую сдержанность. Посоветовав дипломатам «не считать невозможными территориальные уступки», он заметил, что они будут иметь для Германии какую-либо ценность лишь в том случае, если будут предприняты с «безоговорочного согласия» большевистского правительства. Экономические меры и преференциальные торговые отношения он считал куда более важными и выгодными, нежели отрезание кусков от России: «Русский рынок и участие в индустриализации России для нас важнее, чем любые территориальные приобретения».

Предложения Гельфанда о политических взаимоотношениях с режимом большевиков были также весьма осторожными: в том, что касалось его лично, дипломаты уже выполнили свои функции, и теперь он считал для себя возможным предоставить им решать эти трудности самостоятельно.

У него была назначена и еще одна встреча в Берлине – с Эбертом и Шейдеманом. Теперь, когда большевики при-

шли к власти, сотрудничество с социалистами может оказаться гораздо более полезным, нежели сотрудничество с дипломатами, думал Гельфанд. Но социалистические лидеры не выказали никакого энтузиазма по поводу просьбы большевиков о «многочисленных демонстрациях и стачках» в Германии, заявив, что в настоящий момент партия никак не может всадить нож в спину имперского правительства. Впрочем, Эберт и Шейдеман согласились проводить агитацию за мирные переговоры во время своей предстоящей поездки по Германии⁴.

Затем партийные лидеры выработали вместе с Гельфандом следующий план действий: Гельфанд должен отправиться в Стокгольм, чтобы передать Иностранной миссии большевиков поздравления от германской партии. Кроме этого, он должен будет проинформировать большевистских представителей о намерении исполкома принять во время массовых собраний в Дрездене и Бармене резолюцию, в поддержку победы большевистской революции. Проект этой резолюции Гельфанд должен представить на рассмотрение большевистского комитета и с учетом их мнения переработать документ с тем, чтобы он мог быть прочитан на собраниях в Дрездене и Бармене.

Следовало действовать как можно быстрее, и, захватив в Копенгаген для спешной консультации с Брокдорфом-Ранцау, 17 ноября Гельфанд прибыл в Стокгольм. В этот же день он встретился с членами большевистского представительства.

При встрече он нашел их в прекрасном расположении духа. В течение нескольких недель они находились под непрерывным огнем своих политических оппонентов, и потому известие о победе большевистской революции они восприняли с чувством глубокого облегчения. В наиболее уязвимом положении находился Фюрстенберг, и ему пришлось пережить даже больше, чем его товарищам. Незадолго до приезда Гельфанда он уехал в Россию. Поэтому свои поздравления Гельфанд принес Радеку и Воровскому, попросив их одобрить резолюцию, которую предстояло принять на массовых митингах в Германии. Ее текст гла-

⁴Scheidemann. *Memoiren eines Sozialdemokraten*. Vol. 2. P. 123.

сил: «Собрание поздравляет рабочих с победой русской революции и желает им успеха в их нелегком деле. Оно заверяет русских товарищей в своей солидарности и присоединяется к требованию немедленного прекращения военных действий, которое откроет дорогу к демократическому миру и обеспечит свободное экономическое развитие Германии и всех других стран»⁵.

За исключением одного незначительного исправления – Радек попросил Гельфанда после слова «солидарности» добавить слова «обещает им всемерную поддержку» – возражений против такого текста резолюции ни у кого не было. Что же касается их ответа, то было решено, что его нужно будет направить обеим фракциям социалистической партии Германии, как УСПД, так и СПД, и что в нем должно быть сказано следующее: «Революционное движение в России вошло в новую фазу. Русские рабочие и солдаты вырвали власть из рук тех, кто забыл о мирных целях и социальных задачах революции. Теперь власть принадлежит им, и они предлагают немедленно начать мирные переговоры без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Однако в России и за рубежом такому миру между народами будут противостоять капиталистические силы. Нам предстоит долгая борьба, которая может закончиться победой лишь при условии совместных усилий международного пролетариата. Представители большевистской партии за рубежом получили от французских, австрийских и немецких социал-демократических рабочих заверения в том, что русский пролетариат может рассчитывать на их мощную поддержку. Представители большевистской партии сообщили это известие русским рабочим, которые посылают братский привет всем рабочим – социал-демократам, которые борются за мир между народами. Они надеются, что братоубийство можно остановить объединенными усилиями международного пролетариата и что таким образом будут заложены основы для построения социализма»⁶.

⁵Vorwärts. 19 November 1917.

⁶Vorwärts. 20 November 1917.

Гельфанд выполнил поручение Эберта и Шейдемана. Однако помимо этого он хотел поговорить с Радеком с глазу на глаз, и в этой беседе сделал ему весьма неожиданное предложение. К полному изумлению Радека, он предложил свои услуги советскому правительству, а также выразил желание просить у Ленина разрешения вернуться в Россию. Он отдает себе отчет в том, сказал Гельфанд, что его военная политика могла вызвать подозрение в русских партийных кругах, и потому готов защищаться перед судом рабочих. Его приговор будет для него законом. Затем он попросил Радека передать его просьбу лично Ленину и известить его о принятом Лениным решении⁷.

На Радека этот разговор произвел глубокое впечатление, и он тут же выехал в Петроград. По дороге он встретился с Фюрстенбергом, и они продолжали путь вместе. 18 ноября, едва оказавшись на финской границе, они телеграфировали Ленину: «Мы едем на особом поезде в Петроград с очень важным сообщением. Требуется немедленная консультация»⁸.

Гельфанд, в свою очередь, проявил не меньшее рвение, поспешив передать текст большевистского послания в Берлин. Сразу же после разговора с Радеком он посетил германское представительство в Стокгольме, и был принят советником Куртом Ризлером. Впервые он встретился с Ризлером в марте 1915 года, явившись в Министерство иностранных дел со своей программой революционных действий. Отношения между ними сложились достаточно напряженные.

Д-р Курт Ризлер получил назначение в Стокгольм в июле 1917 года; здесь он должен был помогать посланнику во всех делах, связанных с борьбой социалистов за мир и подрывной деятельностью против России. В Гельфанде он видел ценного агента – и только. Он хотел использовать его услуги, не предоставляя ему при этом никакой свободы действий. Ризлер, в отличие от Брокдорфа-Ранцау, счи-

⁷Правда. 1924, 14 декабря.

⁸Дела народа. № 219, цитировано в книге Мельгунова П.С. «Золотой немецкий ключ». С. 150.

тал, что Гельфанд должен ограничиться выполнением инструкций Министерства иностранных дел и не претендовать на большее. К недавней попытке Гельфанда выступить в роли посредника между большевиками и германскими социал-демократами он отнесся с резким неодобрением.

Поскольку массовые собрания в Дрездене и Бармене должны были произойти уже на следующий день, 18 ноября, Гельфанд попросил Ризлера передать большевистскую декларацию в Берлин немедленно. Он подчеркнул, что это послание непременно должны получить обе фракции – УСПД Хаазе и СПД Эберта и Шейдемана. Ризлер пообещал исполнить просьбу Гельфанда.

Однако он внес в план Гельфанда значительные изменения. Поскольку УСПД находилась в оппозиции к правительству, Ризлер сознательно сократил адрес, чтобы телеграмму получила лишь фракция большинства. Но когда телеграмма пришла в Министерство иностранных дел, дипломаты сочли, что ответ большевиков чересчур революционен. В связи с этим Берген принял меры, чтобы Шейдеман и Эберт получили текст обращения не 18 ноября, а позже – после того, как собрания в Дрездене и Бармене уже пройдут. Интересы дипломатов и Гельфанда больше не совпадали.

Лидеры обеих социалистических партий, Шейдеман и Хаазе, заявили протест в Министерство иностранных дел. Кюльман оставил их жалобу без внимания и, более того, сделал Ризлеру выговор за то, что тот отправил телеграмму по дипломатическим каналам. Никакие шифры не имеют смысла, писал Кюльман в отправленной в Стокгольм телеграмме, если использовать их для передачи сообщений «частного», да еще негерманского характера⁹.

В результате этого происшествия Гельфанд снова, второй раз за год, стал объектом жесткой критики. В дипломатических кругах Стокгольма заговорили о его мегаломании,

⁹Министру иностранных дел Ризлеру, телеграмма № 1562 от 18 ноября 1917 // *Akten der Gesandtschaft Stockholm*, 72a. Другие дипломатические документы по поводу этого эпизода можно найти в той же папке.

о стремлении любой ценой выступить на первых ролях. А в Рейхстаге лидер фракции меньшинства Гуго Хаазе заявил, что не следовало давать Гельфанду столь деликатного поручения. Весьма подозрительно, сказал он, что СПД общается с большевиками через такого посредника. То, что такого человека, как Гельфанд, нажившего себе состояние на спекуляциях во время войны и получившего германское гражданство в середине войны при самых загадочных обстоятельствах, посылают вести переговоры с большевиками, просто-напросто компрометирует германский пролетариат¹⁰. На это Шейдеману практически нечего было ответить; он ограничился лишь сообщением о том, что эта миссия была возложена на Гельфанда по просьбе большевиков.

А тем временем, сразу же после этого инцидента с обменом телеграммами, германское правительство приняло меры по пристальному наблюдению за деятельностью Гельфанда. На следующий день после его разговора с Радеком военной разведке, а также службе телеграфного контроля было предписано следить за каждым шагом Гельфанда и регистрировать все отправляемые им телеграммы. Приказ о такой слежке был приостановлен лишь 23 мая 1918 года¹¹. Германское правительство твердо решило не позволять Гельфанду проводить слишком самостоятельную политику.

Со своей стороны, Гельфанд получил недвусмысленный намек, что германское правительство намеревается использовать революцию в России в своих собственных целях. В донесении советника австро-венгерского представительства в Стокгольме графа Эмиля фон Фюрстенберга положение Гельфанда описано с потрясающей прямоотой. 18 ноября он писал Чернину, что взгляды Гельфанда «едва ли совпадают с точкой зрения Вильгельмштрассе. В своей тактике он исходит из абсолютно других предпосылок, и его цели также отличаются от наших. Гельфанд – старый русский революционер, который в течение двух последних

¹⁰*Verandlungen des deutschen Reichstags*. XIII. Vol. 311. P. 3961.

¹¹Приказ Генерального штаба может быть найден в WK2c

лет ревностно трудился над подготовкой революции в России и теперь хочет, чтобы его усилия увенчались еще и братским миром, заключенным при его непосредственном участии и содействии. Если можно так выразиться, на одну треть он работает на страны германского блока, на другую – на социал-демократию и на третью – на Россию. Благодарность русского пролетариата он хочет заслужить, добившись заключения мира на благоприятных для России условиях. В этих обстоятельствах представляется целесообразным внимательно следить за предпринимаемыми им шагами и не позволять ему действовать самостоятельно¹². Итак, дипломатические круги стран германского блока были теперь настроены против Гельфанда. Он и не мог ожидать, что дипломаты согласятся взять социалистов в партнеры на мирных переговорах с большевиками. Социалистическим партиям предстояло взяться за дело самостоятельно, если они хотели использовать войну в интересах социализма; дипломаты помогать в этом были не намерены.

Гельфанд считал, что в таких условиях наилучшим противовесом политике Берлина может послужить созыв международного социалистического совещания – наподобие той конференции, которая так неудачно закончилась в августе. Социалистические партии, думал Гельфанд, найдут общий язык куда легче, чем дипломатические представители. Ему было совершенно ясно, что «если съезд социалистических партий заинтересованных государств соберется в то же время, что и официальное совещание, на котором будут обсуждаться условия заключения мира, то работа этого съезда окажет сильное влияние на общественное мнение, склонив его в пользу демократического мира»¹³.

Наиболее подходящим человеком для организации социалистической мирной конференции Гельфанд считал лидера датской партии Торвальда Штаунинга. Идея нашла у Штаунинга поддержку, особенно после того, как Гель-

¹²Фюрстенберг Чернину, 18 декабря 1917, ННусИА, РА, XXVI, 33.

¹³Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 54.

фанд предложил, чтобы она была собрана не в Стокгольме, а в столице Дании¹⁴. Разумеется, он не стал делиться со Штаунигом своей тайной надеждой, что в Копенгагене ему лично будет легче оказывать влияние на работу съезда – и таким образом укрепить свое положение. Поскольку Штауниг не хотел сам предлагать в качестве места встречи Копенгаген, Гельфанду пришлось направить все силы своего красноречия на то, чтобы убедить Эберта и Шейдемана в целесообразности такого выбора. Они предложили ему компромиссное решение, известив Штаунига о том, что «считают одинаково подходящими оба места (т.е. и Копенгаген и Стокгольм)».

Правительства стран германского блока были серьезно обеспокоены стараниями Гельфанда организовать социалистические мирные переговоры. Ризлер чрезвычайно встревожился, узнав, что идею Гельфанда поддержал Воровский, единственный представитель большевиков, оставшийся в Стокгольме. Угроза нависла и с другой стороны: Матиас Эрцбергер также имел собственные планы относительно России. Лидер центристской партии в Рейхстаге, Эрцбергер преследовал практически те же цели, что и Гельфанд. Однако его идея заключалась в том, что в официальных мирных переговорах должны принять участие представители Рейхстага, а не социалистических партий.

Ризлер сделал все, что мог, чтобы дискредитировать как Гельфанда, так и Эрцбергера в глазах большевиков. Почти ежедневно он встречался с Воровским и снова и снова повторял представителю большевиков, что Советам выгодны лишь прямые переговоры с германским правительством. С одобрения Кюльмана, он даже поставил Советское правительство в известность о том, что немедленно, сразу же после заключения мира Германия намеревается предоставить Советам весьма крупный заем¹⁵.

Время для Гельфанда летело быстро. К началу декабря ему еще не удалось сколько-нибудь существенно улучшить

¹⁴Штауниг Гельфанду, 22 ноября 1917. // *Bundesarchiv Koblenz*.

¹⁵Телеграмма № 1571 от 22 ноября 1917 // *Akten der Gesandtschaft Stockholm, 72a*.

свои отношения с Министерством иностранных дел. Его план созыва социалистической конференции получил широкую известность и подробно обсуждался – но этим дело и ограничивалось. Дела германского правительства шли значительно лучше: через несколько дней в Брест-Литовске, на русско-польской границе, где находился штаб германского командования восточными фронтами, должны были начаться официальные переговоры по прекращению военных действий.

Столкнувшись с этой ситуацией, Гельфанд решился на отчаянный шаг. Он попытался свести лидеров германской партии с большевиками, чтобы доказать советскому правительству, что немцы готовы к переговорам на уровне социалистов. Попытка пригласить Эберта и Шейдемана в Стокгольм удалась лишь наполовину: в конце концов к нему приехал один только Шейдеман. И снова Министерство иностранных дел приняло меры, чтобы повлиять на лидера социалистов. В Копенгагене с ним побеседовал Ранцау, а когда 11 декабря Шейдеман прибыл в Стокгольм, там его уже ждал Курт Ризлер. Действия дипломатов привели к желаемому результату: Шейдеману настолько не доставало политической решимости, что под таким сильным давлением он полностью отказался от идеи созыва социалистической мирной конференции.

И когда лидер социалистической партии Германии наконец встретился с Воровским и Гельфандом, он вел себя так, будто был хорошо вышколенным посланцем с Вильгельмштрассе. На замечание Воровского, что Брест-Литовск – не слишком подходящее место для проведения предстоящих официальных переговоров, Шейдеман отвечал, что важно не где, а как будут проводиться переговоры. Он также сообщил Воровскому новости, полученные от Ризлера, – что в случае, если представителем большевиков будет Ленин или Троцкий, то в Брест-Литовск с германской стороны приедет сам Кюльман. Что же касается социалистической мирной конференции, то Шейдеман никак не мог решиться на что-либо определенное. Он никак не отреагировал на доводы Гельфанда в пользу созыва трехчасовой конференции и ничего не сказал о том, в какой степени

взгляды Гельфанда совпадают с точкой зрения германской партии. Лишь к концу разговора, после того как Гельфанд заверил Воровского, что, по крайней мере, до конца войны в Германии не произойдет революции, Шейдеман дал свое согласие.

Визит Шейдемана в Стокгольм означал для Гельфанда политическое фиаско. Германское представительство с удовлетворением сообщало в Берлин, что лидер социалистов «не сделал ничего для созыва социалистической конференции, несмотря на все усилия Парвуса»¹⁶. В довершение всех бед 15 декабря стокгольмская газета «Socialdemocrat» опубликовала статью, где подвергалась резкой критике «тайная дипломатия» большевиков, проводимая Воровским и Гельфандом. Автор статьи разоблачал тайный визит Шейдемана в Стокгольм и выражал подозрение, что большевики вступили в переговоры с фракцией большинства германских социалистов. Германское представительство сочло эту статью, с точки зрения официальной политики, чрезвычайно полезной: она должна была осложнить личные отношения между Гельфандом и Воровским и заставить большевиков отказаться от идеи созыва социалистической конференции.

Гельфанду ничего не оставалось делать, как только поддерживать постоянную связь с Воровским. Однако он надеялся, что у него в запасе есть еще один – последний – козырь. Если Радек вернется от Ленина с положительным ответом, идею социалистической конференции еще можно будет спасти. Именно поэтому Гельфанд оставался в Стокгольме: он ждал возвращения Радека, который должен был привезти четкие инструкции зарубежному большевистскому комитету. Кроме того, он хотел узнать решение Ленина относительно его возвращения в Россию. Министерство иностранных дел все еще относилось к деятельности Гельфанда, как к крайне опасной. Все еще существовала возможность, что благодаря своим отношениям с большевистским правительством Гельфанд может добиться совершенно обратного, нежелательного для Германии поворота

¹⁶Телеграмма № 2037 от 15 декабря 1917 г. // WK2 geh.

дел на официальных переговорах, которые вот-вот должны были начаться в Брест-Литовске. Министерство попыталось прибегнуть к очевидной хитрости, попросив Гельфанда немедленно вернуться в Берлин для проведения важных деловых переговоров.

Гельфанд медлил с ответом и в конце концов обосновал свой отказ весьма неправдоподобными и даже смехотворными причинами, заявив, что не может заказать билет на поезд. Впрочем, дипломаты и так понимали, что он не уедет из Стокгольма до возвращения Радека, однако они не имели ни малейшего представления об одном немаловажном обстоятельстве. Помимо всего прочего Гельфанд хотел знать, разрешит ли ему Ленин вернуться в Россию.

Конечно, это желание Гельфанда могло показаться весьма странным и неожиданным. Тем не менее Карл Радек — единственный непосредственный очевидец событий, происшедших в декабре 1917 года, событий, о которых сам Гельфанд никогда не обмолвился ни единым словом, — Карл Радек заблуждался, утверждая после смерти Гельфанда в 1924 году, что его друг хотел начать новую жизнь, вступив на узкую и прямую стезю перестройки своей личности и политического мировоззрения. Радек проявил удивительную сентиментальность, когда заявил в передовице газеты «Правда», что после ноябрьской революции в России Гельфанд воспылал желанием вырваться из «трясины» своего прошлого и начать новую жизнь, посвятив себя служению русской революции.

Однако Гельфанд был слишком расчетлив и умел для этого. И слишком осмотрителен, чтобы вот так, одним махом, одним-единственным драматическим жестом перечеркнуть свое прошлое, словно оно состояло из одних только ошибок и просчетов. Кроме того, он был слишком большим скептиком, чтобы строить иллюзии, будто благодаря простодушному, исключаящему всякую критику сотрудничеству в созидании Советского государства он сможет начать новую жизнь как достойный и уважаемый член социалистического общества. Ни о какой ностальгии и стремлении вернуться на родину речи тоже не шло.

Мысль Гельфанда шла сразу по нескольким направлениям. В конце концов, он внес значительный вклад в победу большевиков – разве у него нет оснований ожидать, что теперь они должны признать его своим союзником? Он не стремился к общественному признанию – ведь большевики и без этого вполне могли продолжать пользоваться его советами и финансовой помощью; он был готов к этому. Быть может, он вынашивал в своем уме и политические замыслы. Он уже давно с недоверием относился к диктаторским наклонностям Ленина, которые проявлялись в его методах управления партийными делами, и, быть может, полагал, что сможет как-то повлиять на развитие событий в России и способствовать установлению рабочей демократии. Как бы то ни было совершенно очевидно, что просьба Гельфанда о возвращении в Россию была не чем иным, как дерзким политическим шагом, попыткой сохранить свободу действий и отразить маневры обходящих его с флангов дипломатов.

И вот 17 декабря Радек наконец вернулся в Стокгольм. В воспоминаниях Радека сказано, что ответ Ленина был не просто неблагоприятным – он был оскорбительным. Радеку пришлось сообщить Гельфанду, что лидер большевиков не может позволить ему вернуться в Россию, а также передать ему слова Ленина: «Революцию нельзя делать грязными руками». Последняя надежда на помощь исчезла, политические планы Гельфанда рухнули. Ему оставалось лишь размышлять над самодовольно-лицемерным тоном ленинского ответа.

Он знал, что среди большевиков есть группа, в которой весьма сильны прогерманские настроения; основными членами этой группы были его друзья – Радек, Фюрстенберг и Раковский. Но одного он не знал – это, кстати, могло бы несколько смягчить тот удар, который нанес ему своим решением Ленин, – а именно того, что еще с августа в недрах Центрального Комитета партии развернулась мощная кампания против Фюрстенберга. В августе и сентябре 1917 года, пока Ленин еще скрывался в Финляндии, «сомнительные дела» Фюрстенберга и Козловского, или, иначе говоря, их связи с Гельфандом не менее восьми раз

обсуждались на заседаниях комитета¹⁷. В начале декабря, когда Радек ожидал ленинского решения, споры о Фюрстенберге разгорелись в большевистском Центральном Комитете с новой силой. И снова Ленин не присутствовал на этом заседании, где было решено отменить назначение Фюрстенберга в советское дипломатическое представительство в Скандинавии. 12 декабря Ленин отправил в Центральный Комитет письмо, в котором содержался протест против принятого решения. Из этого письма явствует, что некоторые партийные лидеры сочли темные отношения между Гельфандом и Фюрстенбергом достаточным основанием для того, чтобы не доверять общему другу Ленина и Гельфанда ответственным поручениям в Скандинавии.

В своем письме в Центральный Комитет Ленин представлял дело так, что сотрудничество между Гельфандом и Фюрстенбергом является чисто деловым и не носит политического характера, и отвергал обвинения в адрес Фюрстенберга, назвав их «безответственной болтовней и необоснованными сплетнями». Ленин писал: «Какие свидетельства есть против Ганецкого? Ганецкий зарабатывал себе на хлеб, будучи служащим фирмы, одним из владельцев которой был Парвус... Разве среди нас нет больше никого, кто в свое время работал в русских, английский или других капиталистических торговых компаниях? Все это дело – не более чем «боязнь» перед распространением безответственных сплетен... Такое отношение к товарищу, который в течение более чем десяти лет работал для партии, есть верх несправедливости»¹⁸.

Ленину не удалось изменить решение Центрального Комитета, и Кубе-Фюрстенбергу надо было подыскивать себе другую работу (кстати, за оказанные политические услуги он был вознагражден тем, что был сделан главой советского Государственного банка). Тем не менее эта история послужила для Ленина наглядным примером того, насколько

¹⁷Текст Сноски Протоколы ЦК РСДРС(б). Август 1917 – Февраль 1918. М. 1958. С. 250.

¹⁸Ленинский сборник. XXXVI. М. 1959. С. 18-19.

рискованные последствия могло иметь возвращение Гельфанда в Россию. Ни сам Гельфанд, ни его политика не нравились Ленину настолько, чтобы он решился ради него и дальше испытывать терпение Центрального Комитета. Для него не составило никакого труда просто выбросить за борт ставшего балластом Гельфанда вместе со всеми его политическими планами.

Отказ Ленина, по всей вероятности, глубоко задел Гельфанда за живое. Он знал Ленина слишком хорошо, чтобы ожидать от него благодарности, но он был сильно уязвлен поведением своих друзей-большевиков. Он был убежден, что они пожертвовали дружбой во имя своей политической карьеры. Самое глубокое презрение Гельфанд испытывал к Радеку: отныне он упоминал его имя лишь в случае крайней необходимости, неизменно сопровождая его эпитетом «политический арлекин».

Не получив поддержки от большевиков, не добившись созыва социалистической конференции, Гельфанд был вынужден капитулировать перед Министерством иностранных дел. Он хотел попытаться заставить германских дипломатов снова прислушаться к его рекомендациям — но он не имел точки опоры, которая была ему необходима, чтобы действовать независимо и самостоятельно.

В сочельник 1917 года Гельфанд сообщил в стокгольмское представительство, что он готов выполнить просьбу Министерства иностранных дел и приехать в Берлин. Дипломаты не держали против него зла. В письме к Бергену Курт Ризлер сообщал о предстоящем приезде Гельфанда в Берлин.

«В настоящий момент, когда его и наши интересы снова совпадают, он вновь становится значительной фигурой, и я бы настоятельно советовал Вам испросить у него — конфиденциально и совершенно секретно — совета относительно того, как следует поступить Берлину... Он ведь действительно выдающийся человек, и у него множество превосходных идей. Вполне может случиться так, что нам придется искать в России более широкой поддержки, не ограничиваясь влиянием на круги, близкие к Ленину, и тогда Гельфанд будет для нас совершенно необходим.

Он ни в коем случае не должен заподозрить, что мы просто хотели убрать его из Швейцарии.

Я не имею ничего против его возвращения, особенно если дела в Бресте пойдут хорошо. И все же я полагаю, что было бы лучше использовать его где-нибудь в другом месте, поскольку Стокгольм скоро совершенно утратит свое значение в смысле отношений с Россией из-за слабых связей с Петроградом – в том случае, конечно, если в Бресте все будет в порядке. Будем надеяться, что все пойдет хорошо»¹⁹. Со стороны казалось, что положение Гельфанда так же прочно, как и прежде, – он вернулся к своим старым занятиям так, будто ничего и не произошло. Лишь в последующие месяцы его поведение в какой-то степени показало, сколь чувствительны были для него раны, нанесенные ему в декабре 1917 года. 28 декабря он вернулся в Министерство иностранных дел; двумя днями позже он позвонил в Копенгаген своему старому другу Брокдорфу-Ранцау.

Гельфанд говорил с Ранцау о своих сомнениях в стабильности советского режима и уверенности в том, что положение в России может наладиться лишь через несколько лет после заключения мира. Большевизм он считал аномальным переходным периодом, который впоследствии должен будет уступить место более демократической форме правления. Что же касается вопросов послевоенного урегулирования, то после личного афронта, полученного от Ленина, Гельфанд стал во многом разделять точку зрения Министерства иностранных дел и без колебаний одобрил аннексионные планы Германии.

В этом отношении разговор двоих друзей был довольно бессвязным: тема беседы переходила с одного предмета на другой. Гельфанд предпринимал отчаянные попытки снова укрепить свое положение в дипломатических кругах и делал все, что мог, чтобы угодить им. Хотя он и считал, что германо-русские переговоры, начавшиеся 22 декабря, пошли по верному пути, он тем не менее согласился с Ранцау, что, если большевики в Брест-Литовске не пойдут на уступки, против них придется применить военное давление.

¹⁹Zeman. *Germany and Revolution in Russia*. Doc. № 111.

Он думал, что полумиллионное войско легко справится с Россией, что ее можно будет разделить и таким образом полностью сокрушить ее могущество. А если Германии удастся осуществить военный прорыв на Западе? В таком случае, сказал Гельфанд Брокдорфу-Ранцау, не может быть больше и речи о мирных переговорах с Россией. Если Россия будет уничтожена, а Франция потерпит поражение, то Германия сможет «создать гигантскую армию... которая будет управлять всей Европой»²⁰. В этом случае Германия сможет выдвигать неограниченные территориальные притязания.

В последующие месяцы воображение Гельфанда рисовало ему еще более мощные перспективы военной и политической гегемонии Германии в Европе. Его точка зрения полностью совпадала с той, которой придерживался Адольф Гитлер в 1941 году, после нападения национал-социалистов на Советский Союз. Однако 30 декабря 1917 года, во время разговора с Брокдорфом-Ранцау, Гельфанд, вероятно, понял, что позволил себе зайти слишком далеко. Еще раз предупредив Ранцау об опасности стремления России взять реванш, он перевел разговор на другую тему. Он заговорил о том, что независимые государства – Финляндия, Польша и Украина всегда будут тяготеть к России и потому с их стороны Германия может ожидать лишь весьма ограниченной поддержки. Как и прежде, он сделал особенный упор на экономические соображения – для Германии, сказал он, гораздо важнее обеспечить себе долю в индустриальном развитии России, нежели аннексировать несколько губерний.

Подход Гельфанда к возможному развитию отношений между Германией и Россией чрезвычайно понравился германским дипломатам. Они не чинили ему никаких препятствий, когда в начале января он решил вернуться в Стокгольм.

Гельфанд убедился во враждебности Ленина и примирился с дипломатами; теперь он был готов принять вызов,

²⁰*Geheime aufzeichnung*. 30 December 1917. // Nachlass Brockdorff-Rantzau, H 232334-H 232345.

брошенный ему вождем большевиков. Он никогда не ставил особенно высоко интеллектуальные качества своих друзей-большевиков и всегда считал себя одним из их главных наставников. За несколько недель своего существования новое правительство в Петрограде допустило, по мнению Гельфанда, столько ошибок, что это могло оказаться роковым для его репутации как в России, так и за рубежом.

20 декабря Центральный Комитет принял постановление о создании политической полиции – ЧК; 26 декабря советское правительство ассигновало 2 миллиона рублей для поддержки революции в Западной Европе; на следующий день банки были объявлены в России государственной монополией. Гельфанд был убежден, что эти меры не найдут поддержки у большинства населения России. Он считал своим долгом подвергнуть большевиков критике за допущенные ошибки и тем самым поощрить социалистические оппозиционные группы.

Он задумал провести в России и за ее пределами кампанию в прессе, результатом которой должна была стать изоляция большевистской партии от большинства населения страны. Он хотел убедить местные организации и средние ряды партийной иерархии в том, что большевики ведут Россию по опасному пути. Для этого он собирался воспользоваться настроениями оппозиции, которая в то время существовала в России, чтобы, поощряя врагов большевизма, оказать на большевистское правительство сильное давление.

После своего возвращения в Стокгольм в начале января 1918 года Гельфанд не терял ни минуты, немедленно принявшись за разворачивание антибольшевистской кампании. Еще в начале декабря он основал новую русскую газету «Извне». Теперь он собирался использовать ее для своей кампании; несколько тысяч экземпляров этой газеты доставлялось в Россию бесплатно. 28 января Гельфанд сказал графу фон Фюрстенбергу, представителю австрийской миссии, что хочет «с помощью этой газеты... оказывать влияние на советских солдат и рабочих в городах и губерниях... чтобы преподать им урок и утереть нос правительству, указав на те серьезные ошибки, которые оно

совершило за последние недели, сильно повредив тем самым своим же собственным интересам»²¹.

В «Извне» Гельфанд снова напоминал о том, о чем позабыли его, оказавшиеся, к прискорбью, безмозглыми, ученики. Россия еще не созрела для социализма, и его можно достичь не за счет и с помощью «официальных декретов», а только в ходе «общественного развития». Национализация банков имеет смысл лишь в тех странах, где достигнут высокий уровень индустриального развития. И вообще, вся социальная программа большевиков обличает их «чудовищное, безграничное невежество и полное отсутствие предвидения». Он подверг острой критике движение большевиков к диктатуре – это недемократично, заявил он, а Россия еще не готова к диктатуре пролетариата.

Наконец-то Гельфанд оказался на той же стороне баррикад, что и его бывшая подруга Роза Люксембург. Они были едины в осуждении ленинской партии и яростно критиковали ее претензии на то, чтобы быть революционной элитой, представляющей пролетариат в деле революции. Меншинство не может безгранично терроризировать большинство, говорил Гельфанд; «...рабочее правительство не сможет удержаться навечно даже с помощью пулеметов...»²² – писал он. То, что большевики сделали в России, Гельфанд назвал «оскорбление великолепной блестящей истории европейских революций»; Советы напоминали ему скорее «кучку евреев-интриганов, чем современную демократию». Большевики удерживают власть лишь с помощью оружия: в лице Красной Армии они создали войско наемников для защиты своих интересов, наподобие того, как это делают «американские мультимиллионеры».

Гельфанд начал критиковать большевиков с еще большей яростью после того, как 3 марта в Брест-Литовске был заключен мир. Лишь в частных беседах с германскими и австрийскими дипломатами Гельфанд возлагал вину за заключение подобного договора на обе подписавшие его сто-

²¹ Фюрстенберг Чернину, 28 января 1918 г. // ННУStA, P. A. Krieg 3, 836.

²² Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 66.

роны. Он опасался, что из-за своего стремления произвести аннексии Германия лишила себя возможности установить на востоке экономическую монополию. «Недостатки» – Гельфанд был осторожен в выражениях – договора, продиктованного германским правительством, будут иметь разрушительные последствия для будущих отношений между двумя государствами²³.

Однако публично он возложил всю вину за позорный договор на большевиков. Отказом от созыва социалистической конференции они позволили германским империалистам оказать на себя давление и продиктовать свои условия. Гельфанд считал, что большевики вполне могли добиться компромисса, однако своей «революционностью» сами поставили себя в положение, когда им пришлось выбирать – «или все, или ничего». В результате они скомпрометировали германскую социал-демократию и укрепили германскую военную партию в ее убеждении, что переговоры о мире с Россией вести невозможно. «Лавочник» Троцкий и «флюгер» Радек несут основную ответственность за «революционный шовинизм», который привел к заключению позорного мира в Брест-Литовске²⁴.

Такая точка зрения Гельфанда на Брестский мир была не случайна и несла в себе определенный трагический подтекст. Его же собственные идеи повернулись против него. Его бывший друг Троцкий использовал теоретические положения гельфандовской концепции рабочей демократии для обоснования своей теории о том, что Россия может шагнуть в социализм даже тогда, когда рабочие составляют в ней меньшинство населения. А германское правительство воспользовалось идеей Гельфанда о заключении сепаратного мира с большевиками для того, чтобы продиктовать России такие условия мира, для обеспечения которых требовалось применение военной силы. Обе стороны использовали Гельфанда – и выбросили его за борт, когда он стал им уже не нужен. Он помог расчистить путь для важнейшего исторического события, но не имел доста-

²³Фюрстенберг Чернину, 23 апреля 1918 // ННУStA, P.A. XXVI, 33.

²⁴Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 57.

точного влияния, чтобы контролировать его дальнейшее развитие.

Впрочем, возможно, он мог утешать себя мыслью, что и имперское германское правительство, и большевистский режим обречены на скорую гибель. Революция в Германии сметет существующую систему; что же касается России, то свержение большевистского правительства Гельфанд считал теперь своей собственной главной задачей.

Снова Гельфанду нужно было найти организацию, которая служила бы вывеской, за которой будет скрываться его подлинная деятельность, на этот раз – борьба с большевиками. Эта организация должна иметь возможность работать внутри России, не являясь при этом центром политической оппозиции. Гельфанд был достаточно изобретателен и имел уже достаточный опыт в создании подобных организаций, которые можно было использовать в качестве ширмы. Через несколько дней после того как Радек вернулся из Петрограда с ответом Ленина, проект Гельфанда был уже готов. В общих чертах он описал свой план Брокдорфу-Ранцау – создать «широкомасштабное информационное агентство», которое будет собирать и распространять новости в России. Этот план был одобрен дипломатами, и вскоре после своего возвращения в Стокгольм в начале января 1918 года Гельфанд мог быть уверен в том, что получит для его осуществления значительную финансовую помощь²⁵.

Вероятно, Гельфанд рассматривал сеть распространения своей газеты «Извне» как ядро будущего информационного агентства. Хотя, открывая свое агентство, он и не поставил дипломатов в известность о своих антибольшевистских целях, те, конечно, не стали бы возражать, если бы узнали, в чем дело. С момента открытия переговоров в Брест-Литовске германское правительство было серьезно озабочено развернувшейся в Германии большевистской пропагандой и не имело ничего против того, чтобы отплатить большевикам их же собственной монетой.

Несмотря на нежелательную революционную агита-

²⁵Берген Люциусу, телеграмма № 27 от 2 января 1918 г. // WK 2 geh.

цию, предпринятую Советами, Брестский мир вознаградил Берлин с лихвой. Наконец-то германское правительство смогло вздохнуть с облегчением: оно достигло цели, которую преследовало, начиная с ноября 1914 года. Война велась теперь только на одном западном фронте, где 10 марта было произведено мощное наступление германской армии. В Берлине воцарилось радостное, оптимистическое настроение – оно сохранялось на удивление долго, до середины лета 1918 года. В этих обстоятельствах, а также под давлением со стороны крупных промышленников германское правительство попыталось «взять Россию под свой контроль» и проникнуть в страну экономически. Эта политика была сформулирована штатс-секретарем Хинце, в июле сменившим на этом посту Кюльмана, следующим образом: «Чего мы хотим на востоке? Военного паралича России. Большевики заботятся об этом лучше, чем любая другая русская партия, – да так, что нам не приходится вкладывать в это дело ни копейки. Мы не можем требовать от них или других русских, чтобы они любили нас за то, что мы выжимаем их страну, словно апельсин... А именно это мы и делаем: мы не сотрудничаем с большевиками, мы ими пользуемся. Вот в чем состоит наша политика»²⁶.

Гельфанд уловил изменения в политике германского правительства в том момент, когда они только-только зарождались, и это шестое чувство, эта потрясающая интуиция помогла ему снова оказаться на волне. Безусловно, следует отдать должное его виртуозному искусству подстраивать свои политические и коммерческие планы под желания имперского правительства.

К концу мая Гельфанд посчитал свои усилия по ведению пропаганды в России недостаточными. В начале следующего месяца он передал в Министерство иностранных дел подробный меморандум, в котором содержались предложения по расширению этой деятельности. Он замыслил создать обширную империю гласности, которая по своим масштабам должна «превзойти все достижения лорда Норкклиффа». Он заверял дипломатов, что «если мы будем

²⁶Fischer F. *Griff nach der Weltmacht*. P. 764-765.

действовать с необходимым тактом и достаточными средствами... мы сможем взять под контроль всю русскую прессу»²⁷. Гельфанд собирался создать около двухсот новых газет на всей территории России, которые будут снабжаться новостями агентством, охватывающим Китай, Японию, Афганистан и Персию. Каждая из этих газет будет технически независима, однако «они будут связаны между собой за счет концентрации долей акции в одной компании в Берлине; но об этом общественность знать не должна. Центр будет отдавать инструкции через своих агентов... Все это можно устроить при наличии капитала в 200 миллионов марок».

Гельфанд предложил, что принадлежащее ему берлинское издательство будет издавать миллион альманахов – выходящих раз в год занимательно-поучительных журналов, пользовавшихся особой популярностью в среде образованного крестьянского населения России, – и продавать их германскому правительству по цене 4 марки за экземпляр. Эта сделка будет иметь для Германии два преимущества: во-первых, таким образом откроется возможность для «создания постоянной организации внутри России. В различных крупных и губернских городах будут открыты филиалы, служащие которых позднее возьмут на себя доставку газет... Всего в этих филиалах будет занято около тысячи постоянных служащих, а вместе с агентами и продавцами для проведения операции потребуется около десяти тысяч человек». Во-вторых, Германия сможет использовать альманах для политической и экономической рекламы. «Мы скажем все, что следует сказать об Англии. Коротко говоря, мы полностью используем все возможности для пропаганды».

17 июня Министерство иностранных дел получило санкции на выделение очередных сорока миллионов марок, и Гельфанду было поручено немедленно приступить к выпуску альманахов. То обстоятельство, что министерство поддержало фантастический проект Гельфанда, объясня-

²⁷Memorandum by Helphand on *Das Verhältniß Deutschlands zu Russland*, undaten, in Deutschland Nr. 31 geh

ется настроениями, царившими в это время в Берлине. История эта имела весьма нелепый конец. Альманахи были выпущены уже после того, как Германия потерпела поражение, в самом конце года. Чтобы спасти вложенный капитал, альманахи – а было готово уже около 600 тысяч экземпляров – следовало как-то переправить в Россию и там продать. По специальному указанию старых товарищей Гельфанда Эберта и Шейдемана – президента и премьер-министра нового правительства Германии – военный транспорт с грузом альманахов был отправлен в Россию, однако не был пропущен через русскую границу. В Берлине оппозиционная пресса, разоблачившая эту историю, раздула дело в опасный политический скандал; Эберт и Шейдеман были обвинены в фаворитизме, а Гельфанд – во взяточничестве и коррупции²⁸.

Однако возвратимся к началу лета 1918 года. Сам Гельфанд также подпал под общее настроение исторического оптимизма, которым были охвачены круги, близкие к берлинскому правительству. Он мстил большевикам и лично от себя; его газета «Извне» выполняла те же политические функции, что и замысленное им обширное предприятие. Масштабы этого предприятия вполне соответствовали тому размаху, с которым Гельфанд привык мыслить в последние годы. Для этого мышления было характерно сочетание политических и деловых интересов. Он не видел никаких причин, почему его вражда с большевиками должна была отрицательно сказаться на его деловых интересах, – напротив, из ситуации следовало извлечь как можно большую выгоду, считал он. Неудивительно поэтому, что Гельфанд принял самое активное участие в открывшихся в конце июня в Берлине экономических переговорах между германским правительством и дипломатическими представителями большевиков. Его запросы как бизнесмена вовсе не были чрезмерными – за помощь в заключении сделки о поставке Германией в Россию 100 тысяч тонн угля он получил всего-навсего 5 процентов от общей суммы²⁹.

²⁸Harden M. *Die Zukunft*. 6 December 1919.

²⁹Соломон Г.Ф.. *Среди красных вождей*. Париж. 1930, Т. 1. С. 100.

Однако, несмотря на постоянный «приток денег», Гельфанд, казалось, постепенно утрачивал контроль над ситуацией. Терзаемый частыми приступами ревматизма, перешагнув пятидесятилетний рубеж, он быстро старел. Его проекты являли собой смесь фантазии и реальности – бизнес и политика образовывали в них столь тесное единство, что отличить одно от другого становилось все труднее. Помимо этого Гельфанд не мог в полной мере осознать того факта, что все усиливающаяся критика его деятельности во время войны, по существу, привела его к окончательному отчуждению от германской социал-демократической партии. Оказанная большевикам летом 1917 года финансовая помощь стала достоянием гласности. В датской ежедневной газете «*Kobenhaven*» появилась целая серия статей, в которых резкой критике подверглось участие Гельфанда в этом деле; эти статьи публиковались с 24 ноября 1917 по 5 января 1918 года. Эту тему подхватили и продолжили самые разные европейские газеты, включая «*Le Temps*», «*Matin*», «*Gazette de Lausanne*» и «*Daily Mail*». В результате этих публикаций сформировался устойчивый образ Гельфанда – проходимца и мошенника, нажившего на войне огромное состояние.

Он защищался, как мог. Однако его *apologia pro vita sua*, изданная его собственным берлинским издательством весной 1918 года, несмотря на всю страстность и взволнованность тона, мало кого могла убедить³⁰. Рассказы о датском угольном деле, о военных сделках и о его отношениях с большевиками представляли собой такую смесь правды, полуправды и преднамеренного опущения и даже искажения фактов, что публикация этого памфлета на деле дала лишь дополнительную пищу для слухов и сплетен, и без того в изобилии распространявшихся в социалистических кругах Германии. А возмущенный тон книги также пропал втуне – негодование Гельфанда не встретило сочувственного отклика со стороны читателей. Гельфанд писал:

«Клеветников внимательно слушают, им верят, их по-

³⁰Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918.

ощряют, им даже удалось стяжать себе определенную известность.

А ведь я принимаю участие в общественной жизни в течение более чем тридцати лет, а моя писательская деятельность продолжается уже более четверти века. Казалось бы, я заслужил право на то, чтобы обо мне судили на основании моих взглядов, а не вменяли мне в вину низкие и недостойные побуждения. В моих книгах отмечены главные вехи моей жизни; по ним легко проследить из года в год, что составляло мои главные заботы, о чем я думал, чем была наполнена моя жизнь в то или иное время.

...И теперь, когда я гляжу на этих ничтожных тварей, ползающих где-то далеко внизу и пытающихся бросать в меня грязью, я чувствую, что между мной и этими людишками лежит вся история мировой цивилизации и культуры... Я иду своим путем – передо мной стоят новые старые задачи»³¹.

Эти «новые старые задачи» свелись теперь для Гельфанда к одному – а именно к военной победе Германии. После того как все прочие его планы потерпели крах, он почувствовал, что судьба Германии стала и его личной судьбой, «нельзя более откладывать, писал он, победу Германии и ее союзников»³². Он был убежден, что Германия сможет также продиктовать условия мира на Западе, как она сделала это на Востоке; он мечтал об объединении Европы под военным и политическим руководством Берлина.

Однако Гельфанд серьезно переоценил мощь и долговечность империи. Этот его просчет объясняется тем, что фактически опыт Гельфанда ограничивался континентальной Европой и Россией: он покидал материк единственный раз в жизни – для того, чтобы попасть на конгресс II Интернационала в Лондоне в 1896 году. Несмотря на проделанные им теоретические исследования мирового рынка и других глобальных явлений, в его представлении картина мира сводилась к Европе, а Америка была для него лишь звуком, названием, лишенным какой бы то ни было экономической

³¹ Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 45-47.

³² Parvus. *Im Kampf um die Wahrheit*. Berlin. 1918. P. 60.

или стратегической значимости. Подобно множеству других европейских полжтиков, он оказался недостаточно прощительным, чтобы включить Америку в свои расчеты относительно течения войны. 1918 год еще более сузил границы его воображения; события развивались теперь слишком стремительно для него, он просто не успевал уследить за ними.

До сентября 1918 года Гельфанд никак не мог осознать, что война проиграна. Крушение созданной им картины мира он перенес с трудом, однако, безусловно, это оказало на него определенное отрезвляющее воздействие. Слишком долго он позволял себе упиваться мыслями о перспективах победы Германии – в холодном, отрезвляющем утреннем свете четко обозначились черты реальности, от которой он столько времени пытался отвернуться. Теперь все выглядело иначе. Исход войны был предрешен, и каждый лишний день войны представлялся ему бессмысленным умножением числа человеческих жертв. Теперь Гельфанд был убежден, что упорство Германии лишь усугубит надвигающийся хаос и расчистит в Германии путь для событий, подобных тем, что произошли в России во время прихода большевиков к власти.

Осознав все это, он решил немедленно переориентировать принадлежащие ему печатные органы на мирную пропаганду. Когда ему не удалось воздействовать на издателя «*Internationale Korrespondenz*» Эрнста Хейльмана, чтобы тот отказался от своего слепого и ожесточенного упорства в пропаганде войны, он просто-напросто прекратил выпуск этой газеты. Хейльман получил 20 тысяч марок за расторжение контракта – Гельфанд счел, что эта цена не слишком высока, если за нее можно добиться окончания войны – по крайней мере, в его собственной газете³³.

И хотя Гельфанд не представлял себе со всей определенностью того, какие формы примет новый, послевоенный порядок, он ясно предвидел опасности, таящиеся в этом будущем. Еще до того, как в октябре 1918 года Германия потерпела окончательное сокрушительное поражение, он

³³Heilmann. *Das Freie Wort*. 1931, 10 April.

предупреждал читателей «*Die Glocke*» об опасности «демократии поражения». На примере нового правительства графа Макса фон Бадена он наглядно показал, что правители империи открыли путь демократии лишь потому, что желали таким образом улучшить свое политическое положение. Эта насаждаемая сверху демократия есть не что иное, как уступка державам Антанты – в обмен на мирные переговоры. Гельфанд призвал германских социалистов содействовать демократии по убеждению, а не, как это делает нынешнее правительство, исходя из политических соображений весьма сомнительного свойства³⁴.

В рассуждениях Гельфанда о демократии поражения содержался скрытый намек на возможность того, что военное поражение повлечет за собой революцию. Но не такой революции он желал. Он сделал все возможное, чтобы предотвратить ее. Он не уставал повторять своим друзьям-большевикам в Стокгольме, что в настоящий момент Германия не готова к революции, не будет она готова к ней и после того, как кончится война. И когда в ноябре 1918 года вслед за поражением Германии все же произошла революция, его энергия иссякла, ее уже не хватило на то, чтобы он принял активное участие в развязке событий. Он попросту отстранился от дел, безучастно и одиноко наблюдая за ходом истории.

Вместо того чтобы остаться в Берлине и предложить свои услуги социал-демократической партии, Гельфанд отправился в Мюнхенскую канцелярию, чтобы обсудить с премьер-министром Баварии Дандлом неотложные меры по предотвращению гражданской войны. По его мнению, следовало провести немедленные выборы в национальное собрание. Народу следует дать возможность, настаивал Гельфанд, выразить свое мнение посредством выборов и обновить состав парламента.

Должно быть, он понимал, что в этом новом парламенте ему не найдется места. Во время войны он навлек на себя слишком большое недовольство общественности. Несмотря на все его политические достижения, факт оставался фак-

³⁴Parvus. *Notizen zur Kanzlerkrise*. Die Glocke. 1918. P. 904.

том — он действительно нажил на войне состояние, и теперь естественным казалось предположение, что военное поражение он хочет использовать аналогичным образом. Так оно и случилось: в силу своего характера он просто не мог поступить иначе. Он действительно стал скупать невооруженную, ненужную теперь военную технику и экспортировать ее в Данию, где фабрика «Аугога», принадлежавшая профсоюзу металлургов, делала новые корпуса и отправляла на скандинавский рынок. По собственному признанию Гельфанда, дело оказалось вовсе «не невыгодным».

Революция, происшедшая в Берлине 9 ноября, означала конец целого периода в жизни Гельфанда. Благодаря своему сотрудничеству с Министерством иностранных дел Гельфанд стал — сознательно или бессознательно — частью того порядка, который сейчас потерпел крах. Пока решалась судьба нового государства, Гельфанд отправился в добровольную ссылку в Швейцарию.

В 1891 году он приехал из Швейцарии в Германию как воинствующий и радикальный социалист. Через двадцать семь лет он проделал обратное путешествие отстраненный — или сознательно отстранившийся — от дел и разочарованный, но достаточно богатый, чтобы в полной мере насладиться теми благами, которые в изобилии могла предложить ему Швейцария.

ШВАНЕНВЕРДЕР

20 ноября, после долгого путешествия через побежденные Германию и Австрию, Гельфанд прибыл в Цюрих. Из окна своего купе первого класса он наблюдал мрачные будни побежденных стран: инвалиды войны, железнодорожные станции, где толпились оборванные, потрепанные солдаты, возвращающиеся домой, и гражданские, которым возвращаться было некуда. Он хотел того, что могла ему предложить Швейцария, — безопасности и материального благополучия.

Гельфанд собирался обосноваться в Швейцарии окончательно. Он намеревался устроиться в таком месте, где ничто его не будет тревожить, где он сможет спокойно провести свою старость. Деревня Веденсвиль на берегу Цюрихского озера идеально подходила для этой цели, и именно здесь Гельфанд купил себе дом. Усадьба была маленькой, но дорогой; вскоре сюда приехали горничные, шофер, повар и два фермера-швейцарца, которые должны были обслуживать своего хозяина и присматривать за его имуществом.

Приезд «знаменитого товарища Парвуса» вызвал сенсацию местного масштаба. Впрочем, возбуждение вскоре улеглось, и Гельфанд стал привычной достопримечательностью края. Его богатство производило огромное впечатление на местных фермеров и лавочников: человек с таким состоянием, думали они, едва ли мог быть просто дешевым авантюристом. Если бы они знали действительные размеры состояния Гельфанда, то были бы потрясены еще больше. В 1919 и 1920 годах только в швейцарском банке на его счету лежало 2222 тысячи франков, что давало ему 123 тысячи годового дохода. А ведь это была лишь малая часть его состояния, размещенного в банках почти всех европейских стран от Швеции и до Турции.

Однако Гельфанд недолго наслаждался покоем. Обстоятельства и время для его приезда в Швейцарию были не-

подходящими: он был слишком заметной фигурой, чтобы незаметно уйти с политической сцены. Уже в конце ноября в прессе появились первые сообщения о его участии в организации всеобщей забастовки в Швейцарии, а затем о большевистской агитации, которую он проводил по просьбе советского министра иностранных дел Чичерина на международной социалистической конференции в конце января в Берне¹. Подозрения в том, что Гельфанд является агентом большевиков, были не случайными: в это время в Швейцарии ходили упорные слухи о большевистском заговоре в стране. Швейцарская пресса полагала, что в лице Гельфанда раскрыла главного организатора надвигающегося государственного переворота.

В ноябре цюрихский прокурор Бикель начал собирать газетные вырезки, касающиеся Александра Гельфанда; швейцарские власти пристально следили за его финансовой деятельностью, подозревая, что он продолжает снабжать деньгами большевиков. К 30 января 1919 года Бикель пришел к выводу, что Гельфанд действительно является большевистским агентом, и отдал приказ о его аресте².

Однако в ходе расследования стало ясно, что обвинения против Гельфанда основываются главным образом на коллекции газетных вырезок. Гельфанду не составило особого труда показать необоснованность этих обвинений. Он также обратился к своему старому приятелю Адольфу Мюллеру, который теперь занимал пост германского посланника в Берне, и уже на следующий день после ареста Гельфанда Мюллер направил швейцарскому правительству ноту протеста. Д-р Гельфанд, говорилось в ноте, является членом немецкой социалистической партии большинства и политиком, «активно борющимся со спартаковцами и особенно с большевиками»³.

Гельфанд сразу же был освобожден, хотя и под залог в 20 тысяч франков. Впрочем, деньги ему скоро вернули, и швейцарские власти вежливо проинформировали его о

¹ *Daily Telegraph*, 26 January 1919.

² *Meine Entfernung aus der Schweiz*. Die Gloke, 1920, P. 1484 et seq.

³ Telegram № 223 of 31 January 1919, in Deutschland 141 Nr 7 geh., «Agenten».

том, что больше никаких мер против него предприниматься не будет. И хотя кампания в прессе и не думала утихать, это не особенно беспокоило Гельфанда. Пока он мог позволить себе наслаждаться идиллией Виденсвиля, нападки журналистов не выводили его из состояния душевного равновесия.

Однако он не мог долго жить в отрыве от политики. Пока его товарищи в Берлине пытались защитить себя и свое правительство от атаки спартаковцев, Гельфанд писал свои «Письма к немецким рабочим». В этих нравоучительно-бесстрастных очерках Гельфанд показал, что в Германии, где существует парламентская традиция, институт Советов абсолютно неуместен; он затронул проблемы и задачи, с которыми столкнулись немецкие социалисты у себя дома и за границей. Он снова говорил об угрозе со стороны России и о том, что большевики превратят свою страну в столь мощную военную державу, что ей не сможет противостоять на равных ни одно из европейских государств. Он предсказывал, что «с Чехословакией, Югославией и Польшей будет покончено, ибо они представляют собой такие образования, которые – как только Россия укрепит свою военную мощь – не переживут и одного поколения»⁴.

Не удалось Гельфанду скрыться и от своих старых политических соратников. Филипп Шейдеман, первый премьер-министр Веймарской республики, посетил его в Виденсвиле летом 1919 года. Шейдеману только что пришлось уйти в отставку, после того, как он отказался подписать мирный договор. Теперь это был озлобленный, подавленный, больной человек, олицетворявший собой трагедию германской революции, свершившейся в ноябре 1918 года. Крайние правые обвиняли его в саботаже победы Германии, крайние левые – в убийстве спартаковских лидеров. Даже его собственная партия в решающий момент высказалась за принятие условий мирного договора, фактически отвернувшись от него и поставив его в совершенно безвыходное положение.

Шейдеман рассказывал Гельфанду о непреодолимых

⁴*Der Arbeitersozialismus und die Weltrevolution*. Berlin. 1919. IV. P. 12.

политических трудностях, стоящих перед Веймарской республикой. Но тот в своем веденвильском уединении оказался оторванным от происходящих в Германии событий и, приписав пессимизм своего приятеля его переутомлению, постарался создать ему наиболее благоприятные условия для отдыха. Однако к концу сентября, приехав вместе с Шейдеманом в Берлин, Гельфанд убедился в том, что лидер социалистов ничуть не преувеличивал, когда говорил ему, что дела обстоят из рук вон плохо.

Люди самой разной политической ориентации – экстремисты, националисты, коммунисты, монархисты – были единомышленны в одном: они не могли смириться с установлением Веймарской республики и доминирующим положением социал-демократов в правительстве. Подвергаясь нападкам буквально со всех сторон, социалисты должны были тем не менее обеспечить Веймарской республике надежную защиту от посягательств противника. И здесь вставал вопрос: могут ли они доверять старому офицерскому корпусу? С одной стороны, он отличался высокой организацией и превосходной подготовкой и мог бы быть полезным в борьбе со спартаковцами. С другой – он явно был недостаточно надежен, и на это указывали многочисленные акты предательства по отношению к новому правительству. Обсуждение этой проблемы привело к расколу в руководстве социалистической партии и послужило поводом для резкого конфликта между Эбертом и Шейдеманом. Гельфанд лично присутствовал при одном из таких споров, во время которого Шейдеман утверждал, что офицерам нельзя доверять ни защиту государства, ни создание новой армии.

Никогда прежде Гельфанд не видел своего друга настроенным столь решительно. Он полностью встал на сторону Шейдемана, опубликовав огромным тиражом его речь «Враги справа!» и выразив в «*Die Glocke*» абсолютное согласие с его позицией по этому вопросу. После этого, понимая, что делать ему в Берлине больше нечего, Гельфанд возвратился в Швейцарию.

Но журналисты не собирались оставлять его в покое, благо пищи для скандальных публикаций было более чем

достаточно. В конце ноября известный специалист по политическим сплетням Максимилиан Харден заинтересовался копенгагенским компаньоном Гельфанда Георгом Скларцем. Выживая все новые и новые подробности, он знакомил читателей «*Die Zukunft*» с затеей Гельфанда по изданию альманаха в России. Стычка Гельфанда с его бывшим другом Карлом Каутским дала Хардену возможность выпустить по Гельфанду еще одну обойму⁵.

В своей критике Гельфанда Каутский использовал информацию, которую могла дать ему только их долгая и очень тесная дружба. Ответ Гельфанда был малоубедительным: защищаясь, он сказал о себе слишком многое. Он открыто признался в своей ненависти к немецким обывателям, к их морали, к их обычаям и установлениям. Он осудил институт семьи, назвав ее «разбойничьим гнездом», используемым для того, чтобы скрыться от внешнего мира и обмануть окружающих; он заявил о своем отвращении ко всему обычному и посредственному, а также о своем неприятии общепринятых моральных ценностей. Гельфанд писал: «Являюсь ли я просто моральным дегенератом или мне вообще не присуща никакая мораль? Я этого не знаю, но такова моя жизнь. Таким я был и таков я есть, судите меня, как хотите, но иного пути я не знаю»⁶.

В этой апологии самые тайные мысли Гельфанда стали явными. Его немецкие товарищи с ужасом отшатнулись от него. Только Конрад Хениш решительно встал на защиту Гельфанда. Тепло и с любовью он написал о своем друге в берлинском «*Achtuhrabendblatt*»; не пытаясь преуменьшить присущие Гельфанду человеческие слабости и недостатки, он выразил свою уверенность в его честности, порядочности, доброй воле: «Я нисколько не сомневаюсь, что Парвус был бы не на своем месте, попади он в общество девиц-протестанток. Он – необыкновенно сильная личность, и даже после десятилетия нищенского эмигрантского существования его энергии с избытком хватает на

⁵Parvus. *Der Fall Kautsky*. «Die Glocke». 1919. P. 1213-1220; Ответ Каутского был опубликован в *Welt am Montag* от 22 декабря 1919. Статья Хардена появилась в *Die Zukunft* в январе 1920.

⁶Parvus. *Philister uber mich*. «Die Glocke». 1919. P. 1339.

все, даже на любовные игры и праздничные застолья... Духовное лицо, быть может, и осудило бы образ жизни Парвуса... Что же касается занятий Парвуса бизнесом, подробности которых мне неизвестны, то, прошу вас, не забывайте о том, что он ни в коей мере не является приспособленцем и мелким буржуа, и после того пути, который им пройден, он никогда не станет таковым. Он истинный сын России, европейской страны неограниченных возможностей – в том числе и духовных, – и в его жилах течет замечательная смесь еврейской, русской и татарской крови. Такой человек заслуживает право на то, чтобы его судили по его собственным меркам. К нему неприменимы общепринятые стандарты, которые для нас, немцев, стали плотью и кровью»⁷.

Призывы Хениша к терпимости и пониманию пали на бесплодную почву. Его высокий официальный пост – Хениш был министром просвещения Пруссии – и тесные личные связи с Гельфандом дали новую пищу для нападок оппозиционной прессы. Допустимо ли, чтобы у прусского министра были такие друзья? Не пользовался ли сам Шейдеман гостеприимством Гельфанда, доказав таким образом свою зависимость от этого человека? Не способствовало ли социалистическое правительство изданию русских альманахов Гельфанда?

Этот скандал быстро перешел в настоящий кризис доверия к правительству. Максимилиан Харден потребовал немедленно сформировать парламентскую комиссию, которая должна будет установить, не злоупотребляли ли министры своим служебным положением в связи с делами Гельфанда. Хотя предложение Хардена не было принято, эти яростные дебаты дали в руки врагов Веймарской республики ценный пропагандистский материал. Так, нацисты продолжали наживать себе на этом деле политический капитал вплоть до января 1933 года. В их пропаганде Гельфанд фигурировал как один из главных «ноябрьских преступников», обвинявшихся в совершении различных преступлений – саботировании германской военной побе-

⁷Preussische Zeitung. 5 December 1919.

ды, основании республики, заключении позорного для Германии мирного договора и проч. Главный идеолог нацизма Альфред Розенберг неоднократно использовал имя Гельфанда, чтобы на наглядном примере показать, сколь отвратительным и разлагающим было влияние евреев из Восточной Европы на жизнь Германии.

Отзвуки разразившейся в Берлине бури достигли Швейцарии и нарушили сельскую идиллию Гельфанда, которой он наслаждался на берегу Цюрихского озера. В газетах появились первые сообщения о тесных связях Гельфанда с шефом цюрихской полиции и красочные описания «гарема», который он якобы устроил для себя в Веденвиле. Подробности о бесперебойной поставке в этот «гарем» все новых юных жертв и слухи о диких оргиях в доме Гельфанда перемежались обвинениями в чудовищной политической коррупции. Все это вместе взятое превратило Гельфанда в самую известную в Цюрихе личность.

Как и следовало ожидать, было выдвинуто требование о высылке Гельфанда из Швейцарии. Швейцарская миссия в Берлине получила распоряжение продолжить сбор свидетельств против Гельфанда. Германскому посланнику в Берне Адольфу Мюллеру становилось все труднее защищать своего друга от швейцарских властей. Третьего января самая уважаемая и влиятельная газета «*Neue Zurcher Zeitung*» поместила на своих страницах статью, где говорилось о «недопустимом и внушающем отвращение образе жизни Гельфанда». В конце месяца Гельфанда официально известили о том, что разрешение на его пребывание в Швейцарии продлено не будет. Его просили покинуть страну до 11 февраля 1920 года.

Швейцарским журналистам удалось выгнать Гельфанда из Швейцарии. Быть может, стремясь оправиться от глубоких разочарований недавнего прошлого, он действительно искал утешения в несколько сомнительных удовольствиях, но большинство выдвинутых против него обвинений политического характера не имели под собой никакой почвы. Приказ о высылке из Швейцарии был для Гельфанда тяже-

лейшим ударом. В своей газете он посвятил целую статью обсуждению этого решения швейцарского правительства⁸. Он признавался, что больше не верит в силу денег, и говорил о своем огромном богатстве с глубоким пренебрежением. «Богатство превратилось для меня в проклятие, – говорил он одному из своих друзей. – Я чувствую себя Мидасом – с той лишь разницей, что золото, к которому я прикасаюсь, тотчас становится дерьмом».

Стареющий и разочарованный Мидас вернулся в Берлин в феврале 1920 года и поселился в отеле «Kaiserhof». Он еще не решил, оставаться ли ему в Берлине, и подумывал о том, чтобы поселиться где-нибудь в Южной Германии, возможно, на берегу Бодензее. В конце концов он все же решил не ехать так далеко. Его выбор пал на Шваненвердер, один из островов Ванзейского озера.

Это решение было для Гельфанда не из легких. Шваненвердер находился недалеко от Берлина, а этот город слишком напоминал ему о прошлом. Письмо к молодому Бруно Шенланку, сыну редактора «*Leipziger Volkszeitung*» и бывшего шефа Гельфанда, свидетельствует о том, какой тяжелый душевный кризис Гельфанд пережил в это время:

«Мне было очень трудно принять решение возвращаться в Берлин. Мне кажется, что этот раз будет для меня последним. Я ненавижу здешнюю кирпичную кладку, я не выношу этой угнетающей атмосферы, и я терпеть не могу берлинцев, скептиков и циников до мозга костей, начисто лишенных французской изюминки, зато наделенных сполна грубым, самодовольным хамством. Говорить – вот все, что мне осталось. А окружающий мир полон ненависти.

Это ужасно. Но как можно избавиться от унижений? Пополнить собой ряды голодающих, надеть рубище, посыпать голову пеплом, подобно бедному Иову, – и все для того, чтобы быть таким же, как все?.. Вся эта мерзость угнетает меня прежде всего потому, что я оказался за бортом интеллектуальной жизни. Я просто ее не вижу или ее вовсе не существует?.. Мне необходимы перемены, мне нужна жизнь, а вокруг я вижу лишь упадок и разложение.

⁸*Meine Entgegnung aus der Schweiz*. Die Gloke, 1920б стр. 1482.

Я слышу лишь шум шагов и гул на рыночной площади... Я мечтаю скрыться куда-нибудь, чтобы не слышать воплей голодных людей, я хочу, чтобы они умолкли, я больше не могу этого выносить. Но мне нужен воздух, я мечтаю вернуться в мир, где люди творят и борются – я не желаю больше слышать жалоб и предсмертных криков. Я ищу радости надежды, интеллектуального творчества, триумфа духовного роста, восторга новых открытий – я жажду вновь почувствовать биение сердца цивилизации»⁹.

Берлин слишком напоминал Гельфанду о пережитых разочарованиях. К концу зимы 1920 года он оказался перед лицом глубокого духовного кризиса. И когда он наконец поселился в своем роскошном шваненвердерском дворце, он почувствовал себя обманутым: в конце концов это было вовсе не то, к чему он стремился. Теперь его работа в «*Sachsische Arbeiterzeitung*», его тесная дружба с Шенланком, Троцким, Розой Люксембург окончательно отошли в прошлое. Большинство его старых друзей уже умерли, а те, кто был еще жив, стояли по другую сторону баррикад. А в его жизни не было ничего, что могло бы заменить их.

Революции в России и Германии – Гельфанд предсказывал их приход и немало способствовал их осуществлению – уже завершились, и их результаты представлялись ему теперь скучными и не впечатляющими. Захватившая власть бюрократия на полуслове оборвала песню революции; за политическим переворотом не последовало духовного возрождения.

Осознав все это, Гельфанд вдруг понял, что для него еще не все потеряно. Младшему поколению социалистов нужно будет искать источник вдохновения, они должны будут спасти революционный дух от деградации. Именно с таким призывом Гельфанд обратился в мае к своему юному другу Шенланку.

«Никаких новых идей! Это значит: никакой жизни, никакого движения, никакого искусства, никакой науки, и даже солнце не двинется с места до тех пор, пока, наконец,

⁹Гельфанд Бруно Шенланку 25 апреля 1920 года. Цитируется с любезного разрешения г. Бруно Шенланка из Цюриха.

жена последнего пролетария не оботрет руки о свой передник и не заявит, сладко зевнув, что теперь-то все хорошо...

Надеюсь, вы понимаете, что весь этот застой, на который обречена культура до тех пор, пока не будут воплощены в жизнь завоевания социализма, есть, по сути дела, результат погромной политики большевиков и глубочайшего пренебрежения и даже отвращения к культуре порабощенного класса.

Именно это всегда восстанавливало меня против вульгарного социализма; те же чувства я испытываю и сейчас. Ибо я в социализме и в борьбе за социализм вижу прежде всего труд, напряжение всех сил общества, высокое стремление к идеалу, духовную революционизацию всех человеческих отношений!»¹⁰

Гельфанду удалось справиться со своей депрессией, и вскоре он уже был готов к общению с внешним миром. К тому времени, как было написано письмо Шенланку, дом на Ванзее был уже обставлен и начал принимать первых гостей. Жизнь здесь была совсем иной, чем в Веденвиле. Если в Швейцарии Гельфанд пытался найти тихое убежище от бушующих вокруг его имени страстей, то здесь, на Ванзее, дело было поставлено на широкую ногу, и его дом был открыт для всех. Здесь были ливрейные лакеи и дворецкий в белых перчатках, здесь царил строгий распорядок и железный этикет, которому подчинялись как слуги, так и их хозяин. Роскошные пиры чередовались с тихими вечерами, на которые приглашались лишь избранные. На приемах в Шваненвердере бывали министры и государственные секретари. Частыми гостями были здесь Шейдеман, заключивший выгодный контракт с издательством Гельфанда, верный и преданный друг Конрад Хениш, председатель социалистической партии Отто Вельс, саксонский посланник в Берлине Граднауэр, руководитель пресс-службы Канцелярии Ульрих Раушер, впоследствии ставший германским послом в Варшаве, и многие другие высокопоставленные лица Веймарской республики. Хотя

¹⁰Письмо Бруно Шенланку от 6 мая 1920.

Гельфанд не стремился к занятию высоких политических постов, он тем не менее сохранял тесные контакты как с руководством партии, так и с правительством Веймарской республики: в случае необходимости эти люди, как и прежде, обращались к нему за советом.

Но, несмотря на самые лучшие яства и напитки, которые только можно было достать тогда в Берлине, от этих приемов веяло чем-то фантастичным и не вполне реальным. Для большинства друзей Гельфанда такая обстановка была абсолютно непривычной. Мужчины, в силу своей самоуверенности, еще могли вести себя в этой официальной обстановке, посреди окружающей их роскоши и великолепия, более или менее независимо. Гораздо труднее, по свидетельству очевидца, приходилось их несчастным женам. Они еще не свыклись с мыслью о стремительном возвышении своих мужей и со своим новым положением, и невооруженным взглядом было видно, что они чувствуют себя неуютно и скованно¹¹.

Впрочем, официальные приемы устраивались в Шваненвердере не так уж часто. Теперь Гельфанд уделял много времени и внимания молодому поколению немецких социалистов. Он ожидал от них многого, он надеялся на них и, приглашая их в гости, с удовольствием читал им лекции по теории и практике социализма. Среди тех, кто посещал собрания Гельфанда, были Бруно Шенланк и издатель крупнейшей берлинской ежедневной газеты «*Telegraph*» Арно Шольц. В социалистическую журналистику Шольца ввел тогдашний главный редактор «*Die Glocke*» Роберт Бройер. В последние годы жизни Гельфанда Шольц служил его личным секретарем. Бруно Шенланк в годы войны приобрел достаточно широкую известность как поэт. В одном из писем к Шенланку Гельфанд писал: «Полагаю, что своей поэзией вы вряд ли заработали себе на роскошные хоромы, и потому прилагаю чек на 5000 марок»¹².

Кроме крупных государственных деятелей и молодых социалистов в Шваненвердер стекались и разные виды

¹¹ Bonn M.I. *Wandering Scholar*. London. 1949. P. 263.

¹² Гельфанд Шенланку от 19 марта 1920 года.

просителей: провинциальные журналисты, клянчившие пожертвования на свои газеты, или местные социалисты-функционеры, которым не хватало денег на покупку печатных станков или зданий, где могли бы разместиться секретариаты их организаций. Они редко уходили от Гельфанда с пустыми руками.

Весной 1920 года, полностью оправившись от депрессии, Гельфанд снова вернулся в журналистику. В конце концов это занятие он любил еще с юности и теперь с удовольствием возобновил свою деятельность по изданию «*Die Glocke*». Газета была совершенно запущена. За последние годы она, по существу, стала вотчиной социалистической интеллигенции: ее страницы гораздо чаще, чем следовало, предоставлялись университетским профессорам, школьным инспекторам и другим разочарованным педагогам для обсуждения их возлюбленных тем – алкоголизма, аборт и школьных реформ. В конце 1919 года, став министром просвещения Пруссии, Конрад Хениш ушел с поста главного редактора «*Die Glocke*»; его место занял бывший лондонский корреспондент «*Vorwärts*» Макс Беер. Он попытался расширить круг авторов; в «*Die Glocke*» стали появляться статьи и таких известных социалистов, как Бернштейн и Шейдеман, а также молодых авторов – Эрнста Никиша, Эриха Олленхауэра, Теодора Хеусса и Эрнста Рейтера.

Гельфанд и сам начал писать статьи в «*Die Glocke*», преимущественно по вопросам финансовой политики и репараций. Он взывал к разуму и трезвому мышлению читателей; он требовал освобождения международной торговли от политических ограничений. Он был убежден, что насильственные репарационные выплаты неминуемо приведут к банкротству всех заинтересованных сторон: «Дело не в том, что на Германию должен быть возложен тяжелейший груз, а в том, что Франция должна быть в состоянии обеспечить себе высокую долю участия в развитии германской промышленности»¹³.

¹³Наиболее интересные из этих статей были опубликованы в книге, озаглавленной *Aufbau und Wiedergutmachung*. Berlin. 1921. P. 179.

Гельфанд считал, что проблему репараций следует решать в рамках всеевропейской перестройки; оптимизм не покинул его даже после публикации 5 июня 1921 года лондонского ультиматума, который требовал от Германии выплаты поистине астрономической суммы. Гельфанд предвидел те последствия, которые могло повлечь за собой столь суровое обращение с Веймарской республикой. В конце 1921 года, обращаясь к французам, он писал: «Если вы разрушите Германию, вы превратите германский народ в организатора второй мировой войны».

Существуют лишь две возможности: объединение Западной Европы или мировое господство России. Вся эта игра с буферными государствами закончится тем, что они будут аннексированы Россией – в случае, если они не войдут вместе со всей Центральной Европой в экономическое сообщество, которое одно может стать надежным противовесом России.

Или Западная Европа сохранит свое ведущее положение в промышленности – а для этого она должна быть сплоченной политически, – или она вынуждена будет экономически, политически и культурно подчиниться огромной России, границы которой простираются от Тихого до Атлантического океана...

А это будет означать гибель как французской, так и немецкой культуры. В этом случае нам придется учить наших детей русскому языку и российской истории – чтобы они не оказались беспомощными, когда Россия завоюет мировое господство»¹⁴.

Все помыслы Гельфанда были устремлены к распространению и пропаганде идеи тесного европейского сотрудничества. Осенью 1919 года избранная публика из числа журналистов и дипломатов была приглашена на обед в отель «Kaiserhof», где Гельфанд, на немного скованном, но вполне правильном французском языке прочитал им настоящую лекцию о русской политике¹⁵. После его переезда в Шваненвердер два крупных французских ученых Эснар

¹⁴Parvus. *Aufbau und Weidergutmachung*. Berlin. 1921. P. 195-198.

¹⁵Count Harry Kessler. *Tagebuch*. Frankfurt am Main. 1962. P. 203.

и Агенэн, которые прибыли в Берлин для налаживания отношений между Францией и Германией, стали его частыми гостями.

Для новой концепции Гельфанда был необходим обширный политический фундамент. Социалистическая доктрина была для этого слишком узка и слишком патриархальна. Проблемы европейской реконструкции и тесного сотрудничества между западно-европейскими государствами заслуживали того, чтобы их обсуждение происходило на международном уровне. Для этого требовался специальный печатный орган, и Гельфанд начал подготавливать почву для издания такой газеты. Предполагалось, что она будет заниматься в первую очередь экономическими проблемами, а за ее издание – которое помимо немецкого будет осуществляться на английском, французском, итальянском и испанском языках – возьмутся республиканские партии Германии.

За помощью Гельфанд обратился к ведущим берлинским либералам, имевшим обширные связи как в политических, так и в деловых кругах. Одним из них был Эрнст Йех – талантливый писатель и публицист, до войны бывший советником Министерства иностранных дел по Дальнему Востоку. С тех пор Йех побывал со специальными поручениями в правящих домах почти всех стран Европы. Планы Гельфанда, и в первую очередь то, что газета должна была издаваться в сотрудничестве с германскими республиканскими партиями, заинтересовали Йеха, и он заявил о своем согласии участвовать в подготовке газеты к изданию.

По совету Йеха Гельфанд предложил пост главного редактора Морицу Бонну, который подобно Йеху был либеральным публицистом и одновременно ученым. В самом конце века он преподавал в Лондонской экономической школе; затем был помощником графа Берншторфа в германском посольстве в Вашингтоне; а во время мирных переговоров в Версале был советником министра иностранных дел Брокдорфа-Ранцау по экономическим вопросам.

Первая встреча с Гельфандом произвела на Бонна глубокое впечатление. Гельфанд напоминал Бонну персонажей романов Бальзака; он сразу же распознал в нем

необыкновенную жизненную силу и острый ум, сочетающиеся в этом незаурядном человеке с практической цепкостью и хваткой. Бонн согласился на предложение Гельфанда, и первый номер «*Wiederaufbau*» вышел в свет 4 мая 1922 года на пяти европейских языках.

Появление газеты не прошло незамеченным. Усилия Йеха и Бонна оправдались в полной мере: уже через несколько месяцев в число авторов газеты вошли ведущие политики и промышленники – директор судоходной компании Гамбург–Америка, впоследствии ставший рейхсканцлером, Кунов, Карл Фридрих фон Сименс, молодой Теодор Хеусс и другие известные социалисты. Гельфанд и сам постоянно писал для «*Wiederaufbau*»; основные темы его статей так же, впрочем, как и его журналистская манера, практически не изменились. В числе учредителей и спонсоров газеты были такие крупные фирмы, как «Mercedes» и «AEG», «Banco di Roma» и многие другие.

В соответствии с издательской политикой курс газеты был ориентирован на Запад, и нацелен на достижение взаимопонимания между Германией и западными странами, а не Россией, иначе говоря, скорее на Локарно, нежели на Рапалло. Рапальский договор с Россией был заключен в пасхальные дни, незадолго до выхода в свет первого номера «*Wiederaufbau*». Главный редактор газеты счел этот договор серьезной политической ошибкой, которая может подорвать у западных стран доверие к Германии. Такая позиция, которую в полной мере разделял Гельфанд, основывалась на его взглядах на будущее России: «Не надо забывать о том, что впереди. А впереди – великая Россия»¹⁶. Война не кончилась низвержением российского колосса, и Германия все еще стоит перед лицом этой проблемы.

Проект с «*Wiederaufbau*», как и другие предприятия Гельфанда, был задуман с огромным размахом. Это детище веймарской журналистики, по существу, оказало значительное влияние на политический климат этого периода, расчистив путь для заключения Локарнского договора и

¹⁶Parvus. *Das russische Problem*. Weideraufbau. № 1. 1922, May.

подготовив немцев к репарационным планам Доуза и Янга. Идея мощной коалиции центристских партий, за которую ратовал президент Эберт, нашла полную поддержку на страницах «*Wiederaufbau*»; здесь обсуждалась также денежная реформа и выдвигались конкретные предложения. Сам Гельфанд был ярким сторонником реформы, которая позднее воплотилась в виде Rentenmark¹⁷.

Однако ситуация, сложившаяся непосредственно вокруг финансовой стороны этого издания, была исключительно сложной. Официальным издателем газеты был Гельфанд; ее главный редактор Мориц Бонн вел дела анонимно, в соответствии с условием, которое было выдвинуто им, когда он согласился на предложение Гельфанда. С «*Wiederaufbau*» был связан и еще один аноним – Гуго Штиннес, рурский промышленник и один из богатейших людей Германии.

Во время войны Штиннес, обладатель угольных и транспортных компаний, невероятно обогатился. Однако, за исключением огромного состояния и политических амбиций, у Штиннеса и Гельфанда было крайне мало общего. Это были совсем разные люди. Штиннес был достаточно скромным человеком, правда, с чрезвычайно развитым национальным самосознанием. Будучи депутатом Рейхстага от националистической народной партии и крупнейшим промышленником Рурской области, он оказывал значительное влияние на репарационную политику Германии. Вначале его взгляды на эту проблему были диаметрально противоположны взглядам Гельфанда. Штиннес прославился своей критикой Версальского договора и резким осуждением разработанной Виртом и Ратенау «политики выполнения» Германией своих финансовых обязательств.

Однако в апреле 1922 года точка зрения Штиннеса на репарацию, а соответственно на отношения между Германией и Францией сильно изменилась. В это время он заключил договор с маркизом де Люберзаком, президентом *Confederation Generale des Cooperatives de Reconstruction*

¹⁷Parvus. *Die Sanierung der deutschen Staatsfinanzen*. Wiederaufbau. № 23.

des Regions Devastees. Это неправительственное соглашение позволяло немецкой промышленности принимать активное участие в восстановлении Франции. Следующим шагом в том же направлении было согласие Штиннеса участвовать в издании Гельфанда. Оба соблюдали в этом деле полную секретность: ни Бонн, ни Йех не знали ничего о том, что Штиннес как-то связан с издаваемой ими газетой. Вероятно, что эта была последняя попытка Гельфанда экспроприировать экспроприатора.

Несмотря на щедрую поддержку Штиннеса, «*Wiederaufbau*» вскоре столкнулась со значительными финансовыми трудностями. Размеры затрат на издание пятиязычной газеты поражали самого издателя. Кроме того, была недостаточно проработана техническая сторона дела: перевод, а соответственно и издание газеты осуществлялись с задержкой, и когда, наконец, номер выходил из печати, то из-за опоздания содержащаяся в нем информация была уже не вполне актуальной. Гельфанд попросил у Штиннеса дополнительных субсидий, а когда тот проявил нерешительность, пригрозил ему, что предаст огласке его роль в финансировании газеты. «*Wiederaufbau*» незамедлительно получила очередное вспомоществование из Рура.

Однако в середине 1923 года Бонн ушел с поста главного редактора газеты, и это было началом конца. За все время существования «*Wiederaufbau*» в свет вышел 51 номер газеты, последний – 17 сентября 1923 года.

Когда газета прекратила свое существование, для Гельфанда это означало окончательный отход от общественной жизни. Еще в конце войны он начал прихварывать, и с тех пор его здоровье становилось все хуже и хуже – мучил жестокий ревматизм, шалило сердце. Гельфанд часто ездил на воды в Мариенбад; его берлинские друзья заметили, что теперь Шваненвердер действительно стал для него желанным и надежным пристанищем, где Гельфанд искал успокоения и отдыха от житейских невзгод и треволнений.

А тем временем все так же враждебно настроенная пресса продолжала кричать об оргиях в доме Гельфанда. Враги Веймарской республики метили в Гельфанда, преследуя чисто агитационные цели. Летом 1922 года в очередной раз

стало ясно, какую значимость придают ему как политическому деятелю: его имя было внесено в списки *Femekreis*, правой террористической организации, в ряды которой входили разжалованные офицеры. В эти списки вносились имена крупных государственных и политических деятелей, подлежащих ликвидации. В сентябре 1922 года два бывших офицера – Крулл и Брахт – начали заниматься подготовкой к убийству Гельфанда. Для осуществления своего замысла они избрали довольно сложный путь – они намеревались взорвать его шваненвердерский дом. Офицеры были арестованы, и их преступные намерения были пресечены¹⁸.

Однако если бы Круллу и Брахту удалось выполнить свой план, то они убили бы человека, который и без того уже приближался к пределу своих физических возможностей. Весь его прежний образ жизни никак не способствовал долгожительству. После краха, постигшего «*Wiederaufbau*», у Гельфанда еще оставалась «*Die Glocke*»; его имя все еще значилось на первой странице газеты, однако Гельфанд уже не утруждал себя литературным творчеством. Ему оставалось сделать еще две вещи. Во-первых, жениться на своей секретарше – молоденькой баварской девушке, которая впоследствии предпочитала не вспоминать об этом кратком эпизоде в своей жизни. И, во-вторых, позаботиться об уничтожении своих частных бумаг – похоже, что их пепел был развеян по шваненвердскому саду.

12 декабря 1924 года сердечный приступ оборвал многотрудную, полную головокружительных взлетов и не менее головокружительных падений жизнь бродячего еврей-авантюриста, крупного капиталиста и знаменитого социал-демократа – жизнь Александра Гельфанда.

¹⁸Ernst von Salomon. *Der Fragebogen*. Hamburg. 1951. P. 128. Vorwärts. 22 September 1922.

17 декабря 1924 года небольшая группа людей собралась в Вильмерсдорфском крематории в Берлине. Похороны Гельфанда не стали поводом ни для семейного сбора, ни для религиозного обряда. Это была чисто социалистическая церемония: датские товарищи возложили к его гробу роскошный венок, от исполкома германской партии выступили Георг Граднауэр и Отто Вельс.

Казалось, что имя Гельфанда и его разнообразные достижения скоро будут забыты. Сообщив о кончине своего основателя, через шесть недель после его смерти «*Die Glocke*» прекратила свое существование. Примерно в это же время разорилось издательство Гельфанда «*Verlag für Sozialwissenschaft*», и его актива едва хватило на то, чтобы покрыть дефицит фирмы. Друзья и родственники Гельфанда обшарили весь шваненвердерский дом в поисках каких-нибудь политических документов или завещания – но безуспешно. Было ясно, что огромное состояние Гельфанда не могло просто испариться, и потому пошли слухи, что деньги положены на счета в швейцарских банках. Однако никаких доказательств найдено не было, так же, впрочем, как и самих денег. Поиски продолжаются и по сей день.

Гельфанда не забыли лишь политические памфлетисты. Враги Веймарской республики часто пользовались его именем, и в конечном счете это привело к существенному искажению его реального облика. Большинство германских социалистов предпочло как можно скорее забыть о Гельфанде – в этой огромной семье хорошо воспитанных посредственностей он всегда был белой вороной. Его вспоминали лишь изредка – и без всякой симпатии. Деятельность Гельфанда называли «смесью политического догматизма и бизнеса» – хотя именно в этом его обвинить было никак нельзя. По мнению германских социалистов, мир, в котором жил Гельфанд, не имел к социализму ровно никакого отношения.

В своей речи на похоронах Гельфанда Георг Граднауэр вспомнил слова покойного: «Мы любим, когда жизнь,

подобно приливу, достигает высшей точки». Его немногие друзья также вспоминали о нем как о человеке с необъятной, всепоглощающей волей к жизни. Замечание Граднауэра было весьма пронизательным и указывало на то затруднительное положение, в которое Гельфанд самим фактом своего существования ставил германских социалистов. Его яркая личность была в каком-то смысле за пределами их понимания.

Без всякого сомнения, его бьющее через край жизнелюбие, его личная и политическая независимость, острота и необычность его интеллекта, по меньшей мере, на голову возвышали Гельфанда над его современниками. Впрочем, друзья-социалисты не слишком доверяли его взбалмошному, переменчивому характеру — и имели на это все основания. Ведь к 1914 году Гельфанд уже нарушил практически все неписанные законы германского социализма. Он слишком интересовался женщинами и деньгами; возникали и серьезные сомнения в его финансовой добросовестности. Кроме того, общество, в котором он вращался, вовсе не было исключительно социалистическим.

Натура Гельфанда была двойственной. Немецкие социалисты были просто не в состоянии понять и оценить ее во всей полноте, и естественная в таких обстоятельствах подозрительность заставила их после смерти Гельфанда вступить в заговор молчания. В действительности они знали о нем даже меньше, чем им самим казалось.

Лишь литературная деятельность Гельфанда была целиком на виду, и в последние годы своей жизни он хотел, чтобы его воспринимали только как журналиста и литератора. В конечном счете Гельфанд прежде всего был интеллектуалом. В молодости он верил, что печатное слово способно разрешить его проблемы и сомнения. Когда ему было 19 лет, он впервые отправился за границу — не потому, что хотел повидать мир, а потому, что искал доступа к революционным сочинениям.

Писательский темперамент сочетался в нем с чисто политическими интересами. Подобно Карлу Марксу, он стремился не только понять и описать мировое устройство, но и изменить его. Гельфанд был честолюбив, и, вступив на

путь социалистической журналистики, он воспринимал свои занятия как способ добиться известности и даже определенной политической власти. Однако его ожиданиям не суждено было сбыться. Несмотря на постоянные усилия отмежеваться от своего российского прошлого, Гельфанд на всю жизнь сохранил в себе черты бескомпромиссного русского интеллигента. Ему было чуждо чувство локтя, которое, по существу, определяло отношения внутри руководства германской партии, где узы внутрипартийной солидарности ставились превыше всего. Он оставался революционером, хотя партия, к которой он принадлежал, фактически отвергла идею революции как средства достижения общественного прогресса.

Вклад Гельфанда в теоретическую мысль эпохи остался неоцененным по достоинству. Он не написал того *magnum opus*, подобно Марксову «Капиталу», которого от него ожидали; его идеи были разменяны на множество газетных передовиц и разрозненных памфлетов. Русским социалистам его революционный жар был гораздо понятнее, нежели его немецким товарищам, и именно в лице его соотечественников взгляды Гельфанда встретили самую благодарную аудиторию. Но и здесь не обошлось без недогазумений.

Так распалась теснейшая дружба между Гельфандом и Троцким: Гельфанд расторг их «интеллектуальное товарищество», поскольку не желал отказываться от традиций социал-демократического, в либеральном смысле этого слова, социализма. Свою литературную деятельность сам Гельфанд расценивал как руководство к политическому действию; его целью было достижение социализма, а революцию он считал важнейшим средством для достижения этой цели. В этом отношении Гельфанда можно было назвать, как это и делали его враги, человеком, неразборчивым в средствах. Для того чтобы ускорить приход социализма, он был готов на все, он не гнушался ничем: революция в России, выборы в Пруссии, берлинские дипломаты – все средства хороши. В этом смысле его позиции и поведение как политика и журналиста полностью совпадали.

Многие из бывших друзей Гельфанда вообще отказывали ему в постоянстве. Лев Троцкий и Карл Радек указывали на якобы происшедшую с ним летом 1914 года внезапную перемену. Оба считали, что с этого времени Гельфанд стал «социал-шовинистом» и сторонником проводившейся германским правительством военной политики. Они заблуждались. Гельфанд не был ни простаком, ни одержимым. Когда наступил 1914 год, его жизнь вовсе не была посвящена какой-то одной всепоглощающей идее, которую могла бы внезапно вытеснить какая-то новая, не менее важная для Гельфанда. Эта перемена вовсе не была столь резкой, как считали немецкие и русские товарищи Гельфанда, и происходила она постепенно, под влиянием различных обстоятельств.

В начале века Гельфанд работал на полную мощность, но, как выяснилось впоследствии, почти вхолостую. Он понял это, когда стало ясно, что молодость проходит. Рушились дружеские связи, его идеи встречали непонимание или оставались незамеченными; ему не удалось стать лидером, а в конце концов на него обрушился настоящий шквал сплетен и злословия, его имя обросло самыми невероятными слухами и то и дело становилось поводом для очередного политического скандала.

Оставшись в Германии, ему пришлось бы платить высокую цену за присущие ему честолюбие и безответственность. Он решил отправиться в Константинополь, и это решение коренным образом изменило всю его судьбу. Он сумел одним махом перерезать все нити, связывавшие его с былыми разочарованиями и неудачами, и выработать для себя ту манеру поведения, которой он придерживался впоследствии вплоть до самой смерти. Он научился превращать информацию в звонкую монету – мечту всей своей жизни, а не в унылые черно-белые газетные столбцы; он открыл для себя широкие проспекты, соединявшие мир денег с миром политики.

Он убедился в преимуществах политического влияния перед непосредственной политической властью: в той драме, которая должна была начаться, он был не актером, а постановщиком. И когда разразилась война, Гельфанд был

в куда лучшем положении для осуществления своей цели, чем когда-либо прежде. А этой целью был по-прежнему социализм и свержение столь ненавистного Гельфанду самодержавия. Когда в начале 1915 года он посетил германского посла в Константинополе, ему было, что предложить.

Поражение России и война только на одном фронте – такова была перспектива, которую Гельфанд развернул перед германским правительством. Вооруженная мощь Германии довершит то, что не сумели сделать десятилетия мирного развития страны, – свержение самодержавия и постепенную победу социализма. Под руководством Гельфанда имперское правительство развернуло кампанию неограниченной политической войны с Россией. Однако в игре был и еще один участник – Ленин со своей большевистской партией, – и, когда дело дошло до итогов, выигрыш распределился весьма неравномерно.

Когда игра была еще в самом разгаре, на долю имперского правительства Германии выпало просто необыкновенное везение. Немецкие военные магнаты заключили мир с большевиками и вслед за тем в течение нескольких исполненных упоением славы недель весной 1918 года почти что держали в руках победу на западном фронте. В итоге, однако, все досталось большевикам. Сразу после того как поражение на фронте и революция в Берлине сокрушили Германскую империю, партия Ленина взяла в Петрограде власть в свои руки. У большевиков не было ровно никаких причин признавать чью-либо помощь в восхождении к политическим высотам, на которых они оказались, не говоря уже о том, что Россией – такова были их неуклонная воля – должны были править они, и только они. Тем самым Гельфанд, который, собственно, и свел игроков, оказался в наибольшем проигрыше. Он намеревался использовать имперскую Германию в своих целях, но на деле – она воспользовалась им. К тому же по ходу дела он сам необратимо сделался частью этой самой Германии. Да и Ленин при первой же возможности поспешил отделаться от нежелательного союзника. Иначе говоря, между Гельфандом и новоявленным российским режимом никакой взаимности не возникло.

Хотя грандиозная гельфандовская стратегия ничем не вознаградила его в политическом отношении, ее падение вовсе не было трагично. Служить лишь одному, жить в одном месте или с одной женщиной всегда было ему не по нутру. Как финансист он всегда играл по крупной, и тут ему, надо сказать, неизменно везло. Паутина его торговых предприятий опутывала всю Европу, от Копенгагена до Константинополя, и к концу войны он уже был одним из богатейших людей Германии.

В каком-то смысле успех Гельфанда как бизнесмена бросал тень на его политическую деятельность. Множеству социалистов представлялось очевидным, что легче верблуду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому оставаться одним из них. Эта позиция нашла свое лапидарное выражение в словах одного немецкого товарища о лидере бельгийских социалистов Вандервельде: «Он не может быть социалистом: он любит шампанское». С этой точки зрения, Гельфанд был кое-чем похуже любителя шампанского: он мог позволить себе не только любить, но и купить его. Кроме того, он, пожалуй, слишком буквально усвоил преподанный ему в Турции урок о том, что, имея власть, можно делать деньги, а имея деньги, можно приобрести власть. Похоже, что он никогда не принимал в расчет хитросплетений этих двух фундаментальных субстанций, особенно в применении к промышленно развитым и политически изоциренным обществам.

Вполне возможно, что в послевоенное время Гельфанду хотелось вознаградить себя чем-то иным. Но к этому времени он начал быстро стареть. Мир, который он так любил, частью которого успел сделаться, отошел в прошлое. Так или иначе его генеральный план рухнул, причем, вероятно, не в последнюю очередь по чисто человеческим причинам. История обманула историка. Возбуждение революций рассеялось, а серое и убогое настоящее досталось новым бюрократам, пожалуй еще более скучным, чем прежние.

Неудача движения – вот в чем состояла личная трагедия Гельфанда. Общеизвестно, что летом 1914 года европейский социализм переживал тяжелые времена. Однако близилось и куда более серьезное потрясение. Несколько

месяцев спустя после захвата власти большевиками в 1917 году стало ясно, что в России установлена социалистическая диктатура, хотя вплоть до этих событий сама возможность такого поворота оставалась за пределами воображения большинства европейских социалистов. В то же самое время если новые правители России застолбили для себя марксистскую часть наследия европейского социализма, то многие социалисты на Западе уже отходили от марксизма. В конце концов они полностью отrekliсь от того, в чем Гельфанд с юности видел великую судьбу, а значит, отrekliсь и от самого Гельфанда.

Будь Гельфанд жив, он был бы глубоко разочарован этим; да и причины нынешнего интереса к его личности вряд ли показались бы ему приятными.

Книги издательства «Телекс»

- ✓ С. П. Мельгунов «Красный террор в России»
1-е изд. — 1979, 2-е изд. — 1989
- ✓ З. Гиппиус «Петербургские дневники»
1-е изд. — 1982, 2-е изд. — 1990
- Л. Ежовский «Катынь-1940»
1-е изд. — 1983, 2-е изд. — 1985, 3-е изд. — 1987
- ✓ «СССР-Германия, 1939»
1-е изд. — 1983, 2-е изд. — 1989
- ✓ «СССР-Германия, 1939-1941»
1-е изд. — 1983, 2-е изд. — 1989
- ✓ С. П. Мельгунов «Золотой немецкий ключ большевиков»
1-е изд. — 1985, 2-е изд. — 1989
- ✓ «Убийство Столыпина. Свидетельства и документы»
1-е изд. — 1986, 2-е изд. — 1989, 3-е изд. — 1991
- Даниэл О. Грэм «Космический щит» — 1988
- «Хрущев о Сталине»
1-е изд. — 1988, 2-е изд. — 1989
- Коран — 1989
- П. А. Столыпин — «Речи, 1906-1911» — 1990
- ✓ «Большевики, 1903-1916» — 1990
- А. Голдберг — «Американские профсоюзы» — 1990
- С. Падовер — «Джефферсон, третий президент» — 1991
- С. Невинс, Г. Комманджер — «История США» — 1991
- ✓ С. П. Мельгунов — «Судьба императора Николая II после отречения» — 1991
- ✓ Г. М. Дейч — «Еврейские предки Ленина» — 1991
- ✓ «Из глубины» — 1991
- ✓ П. Смирнов — «История Христианской Православной Церкви» — 1991
- ✓ Н. Валентинов — «НЭП и кризис партии» — 1991
- С. Чесноков — «Физика Логоса» — 1991
- ✓ Н. Валентинов — «О Ленине» — 1991
- ✓ Ю. Фельштинский — «Разговоры с Бухариным» — 1991
- ✓ И. А. Ильин — «О грядущей России» — 1991